

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ—1974

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я
Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ**

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ЗВУКОВ И ФОРМ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ (О ЧЕРЕДОВАНИИ НАЧАЛЬНЫХ *b* И *m*)

Одной из примечательных особенностей тюркских языков является довольно трудно объяснимое и нерегулярное чередование начального *b* и *m* в словах, материальное родство которых представляется совершенно бесспорным, ср. татар. *борчак* 'горох', шорск. *мырчак*; тур. *bin* 'тысяча', татар. *мең*, татар. *борын* 'нос', казах. *мұрын*; якутск. *бүс* 'лед', тур. *biz*, татар. *боз*, узб. *мўс*; татар. *башак* 'колос', казах. *масақ*; татар. *балта* 'топор', шорск. *малта* и т. д.

Вместе с тем в тюркских языках есть слова с начальным *b*, никогда не чередующимся с *m*, ср. тур. *beş* 'пять', татар. *биш*, уйг. *бәш*, якутск. *biäs* и т. д.; тур. *bir* 'один', татар. *бер*, якутск. *биир*, чув. *пёр* и т. д.; татар. *бакыр* 'медь', казах. *бакыр*, кирг. *бакыр*, чув. *пăхър* и т. д.; татар. *бармак* 'палец', тур. *parmak* 'палец' и т. д.; уйг. *булут* 'облако', татар. *болыт*, тур. *bulut*, чув. *пёлёт* и т. д.; татар. *бил* 'талия', карач.-балк. *бел*, казах. *бил* и т. д.

В тюркологии данное явление обычно связывается с проблемой происхождения в тюркских языках начального *m*, затрагивавшейся в работах ряда тюркологов и алтаистов.

Г. Рамстедт признавал в алтайском праязыке наличие начального *m* и отмечал, что в тюркских языках этому начальному *m* соответствует *m* или *b*¹.

По утверждению М. Рясненна, в пратюркском звук *m*, как и другие носовые и плавные, в начале слова почти не встречался. Единственное употреблявшееся в древнетюркских надписях исконно тюркское слово, начинающееся на *m*, — *män* 'я', по всей вероятности, возникло не ассимилятивным путем из *bän*. В языках более позднего происхождения *m* встречается обычно в заимствованиях, звукоподражательных словах или в словах, где начальный гласный выпал².

А. М. Щербак по этому поводу пишет: «Как известно, ни один из носовых согласных не типичен для тюркского анлаута, и поэтому попытка восстановить общетюркский начальный *m в словах, имеющих в анлауте соответствующий согласный (при отсутствии других носовых), не вполне удачна. Действительно, в туркм. *māb* 'железа', кирг. *miz* 'острие', казах. *mūz* 'лед', уйг. *mosaj* 'теленки' ... присутствие *m* нельзя объяснить ассимилятивным воздействием последующих носовых согласных, и все же нет

¹ G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre. Helsinki, 1957, стр. 80.

² М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 181.

достаточных оснований считать его изначальным, тем более что *m* встречается на месте *b* в указанных выше фонетических условиях и в заимствованных словах, ср. хак. (диал.) *matır* 'герой' (монг.-п. *bayatur*)³.

Несколько иначе рассматривает этот вопрос Н. Н. Поппе. По его мнению, начальное общеалтайское *m* наименее сохранилось в тюркских языках. В пратюркском ему соответствует *b*, а во многих современных тюркских языках — *b* и *m*. В древнетюркском же языке начального *m* не было, так как оно совпало с *b*. В современных тюркских языках общеалтайскому *m* может соответствовать *b* даже в словах, не имеющих носовых гласных. Вместе с тем начальное *m* имеется в словах, содержащих носовой гласный. Это явление Н. Н. Поппе считает вторичным: *m* возникло из пратюркского *b*, которое, в свою очередь, произошло от общеалтайского *m*. Следует отметить, что не всегда можно точно различить первичное и вторичное *m*⁴.

Таким образом, ни один исследователь не утверждает категорически, что в тюркском праязыке существовал начальный *m*. Все говорит за то, что его действительно не было. Наиболее веским доказательством такого предположения является отсутствие в исконно тюркских словах начальных плавных и носового *n*. Встречающееся в некоторых современных тюркских языках начальное *m*, ср. татар. *мин* 'я', казах. *мұз* 'лед', хак. *молат* 'сталь', по-видимому, возникло позднее.

Тем не менее механизм образования начального *m* из начального *b* остается неясным.

Предпринималась попытка объяснить возникновение начального *m* из начального *b* ассимилятивным воздействием последующих носовых, ср. татар. *mın* 'я' < *bān* < *rān*; *mın* 'взбираться' < *bın*; *tujuṃ* 'шея' < *bojuṃ* < *rojuṃ* и т. д.⁵

Однако как в таком случае объяснить возникновение начального *m* из *b* в таких словах, как узб. *мўз* 'лед' при татар. *боз* и чув. *пяр*, узб. *киби* 'подобно', азерб. *кими* 'подобно' и т. д.?

Для выяснения этого вопроса полезно, на наш взгляд, обратиться к материалам других языков и установить, в какие звуки способны превращаться *b* и *m*.

Имеются довольно многочисленные случаи превращения интервокального *m* в *w*, *v*, ср. финск. *niimi* 'имя', но венг. *nev* 'имя' из *neve*; морд. *пиполо* 'заяц', ненецк. *pāva* 'заяц', древнеинд. *hīma* 'снег', но цыг. *iv* 'снег'⁶. В маратхи *v* может соответствовать интервокальному *m* в пра-критах⁷.

Однако эти примеры в данном случае нам ничего не дают, ибо в тюркских языках первичным было *b*, а не *m*.

Есть случаи, когда интервокальному *b* соответствует интервокальное же *m*. Н. Н. Поппе отмечает, что согласный *m* в монгольских языках в середине слова иногда чередуется с *b*; ср. монг.-п. *qabaḡ* 'нос', дагурск. и ордосск. *хатаḡ* 'нос'⁸.

Наконец, известно, что ленированное *b* в ирландском языке могло переходить в *m*, ср. древнеирл. *poib* 'священный', ирл. поет, нов.-ирл.

³ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 83.

⁴ N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960, стр. 34.

⁵ См.: А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 82.

⁶ Т. В. Вентцель, Л. Н. Черенков. Диалекты цыганского языка и их взаимодействие с индоарийскими языками Индии. — В сб.: «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона». М., 1968, стр. 421.

⁷ J. Bloch. La formation de la langue marathe. Paris, 1919, стр. 155.

⁸ N. Poppe. Introduction to mongolian comparative studies. Helsinki, 1955, стр. 100.

паомh⁹. Лениция обычно встречалась в кельтских языках в положении между двумя гласными.

Эти сведения уже дают какой-то ключ к решению поставленной задачи. Трудности, однако, заключаются в том, что чередование *b:m* в тюркских языках проявляется слишком нерегулярно.

Совершенно очевидно, что соответствие *b:m* в тюркских языках не носит характера регулярного фонетического закона. Многочисленные нарушения этого кажущегося перехода не имеют под собой никаких рациональных оснований: почему, например, при одинаковых условиях слово «лед» в татарском языке звучит как *боз*, а в узбекском — как *мўз*?

Очевидно, действовавший в данном случае фактор не смог придать явлению закономерный характер. Можно предполагать, что таким фактором было внешнее сандхи.

Имеются вполне очевидные случаи перехода *b* в *m* в интервокальном положении. «Урянхайский *b*, находящийся в середине слова, — замечает Н. Ф. Катанов, — или переходит в *m*—*m*, или остается, ср. урянх. *кобус* (музыкальный инструмент), кирг. *кобыз*, татар. *кобыз*, но якутск. *хомус*, шорск. *комус*; урянх. *кабā* лодка, шорск. *кабā*, но каз.-татар. *кимә*, каз. *кема*, тур. *geti* судно»¹⁰. Ср. также куманд. *kobut* 'хомут', татар. *камыт*, чув. *хәмәт*, туркм. *хамыт*; шорск. *кабак* 'передняя часть', телеут. *камак* 'лоб'; узб. *киби* 'подобно', азерб. *кими*; сев.-алт. *сибис* 'жирный, тучный', южно-алт. *семис*, тур. *setiz*; сев.-алт. *тебир* 'железо', южно-алт. *темир*, тур. *demir*; сев.-алт. *табак* 'горло', южно-алт. *тамак*; сев.-алт. *төбен* 'вниз', южно-алт. *төмөн* 'вниз'¹¹, татар. *тәбәнәк* 'низкий', ног. *тоьмен*, татар. *табан(н)* 'к', ног. *тамаган*; татар. *чебен* 'муха', кирг. *чымын*; татар. *атыбыз* 'наша лошадь', туркм. *атымыз*; татар. *барабыз* 'мы идем', узб. *ёзамиз* 'мы пишем' и т. д.

Если звук *b* в интервокальном положении превращался в *m*, то не исключена возможность, что спорадически он мог превращаться в *t* и в тех случаях, когда начальному *b* одного слова предшествовало другое слово, оканчивающееся на гласный, ср. *jaqşu biz* 'хороший лед', *qaqa bigup* 'черный нос', *saqu bujuq* 'желтые усы' и т. д. Начальное *b* в этих случаях, оказавшееся фактически в интервокальном положении, превращалось в *t*, то есть эти сочетания приобрели вид: *jaqşu tuz*, *qaqa tigung* и *saqu tujuq*. Можно предполагать, что такое превращение носило нерегулярный и стихийный характер и не охватывало всех одинаковых случаев, ибо только этим можно объяснить существующий необычный разнобой в самом чередовании. Позднее слова с начальным *m*, первоначально тесно связанные с внешним сандхи, изолировались, и начальное *m* в них закрепилось. Возможно, что в первую очередь такой изоляции подвергались слова, уже содержащие носовые согласные, ср., например, *bigup* 'нос' > *tigung*, *biŋ* 'тысяча' > *tiŋ* и т. д. Однако изолироваться могли и слова, не содержащие носовых согласных, например: *buz* 'лед' > *tuz*. Все эти процессы носили стихийный характер, и поэтому переход начального *b* в *t* нельзя считать фонетическим законом.

Общие выводы

Начальное *m* в тюркских языках появилось относительно поздно. Оно и не могло возникнуть ранее звонких начальных согласных, поскольку

⁹ Г. Льюис, Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, стр. 149.

¹⁰ Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, стр. 77.

¹¹ Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1958, стр. 71.

ку развивалось из начального *b*. Для изучения истории тюркских языков это имеет особенно важное значение. В некоторых тюркских языках, как, например, в чувашском, хакасском, шорском и тувинском, нет звонких начальных согласных (ср. татар. *баш* 'голова', чув. *пуç*, хак. *пас*, тув. *паиш*, шорск. *паиш*). Однако был период, когда звонкие согласные в этих языках существовали. Косвенным свидетельством этого является наличие слов с начальным *m*, которому в других тюркских языках обычно соответствует *b*, ср. чув. *майӑх* 'усы', татар. *мыек*, тур. *biyik*; чув. *маӑр* 'бугор', тур. *büğrü* 'сгорбленный'; хак. *мӱн* 'садиться верхом', тур. *bin*; хак. *мунӑ* 'тысяча', тур. *bin*; хак. *молат* 'сталь', шорск. *молат*, казах. *болат*; шорск. *малта* 'топор', татар. *балта*; шорск. *мус* 'лед', тур. *buz*; тув. *маадыр* 'герой', татар. *батыр*; тув. *мен* 'я', тур. *ben*; тув. *мурнуку* 'предний, прежний', татар. *борыңгы* 'прежний' и т. д.

В. А. Богородицкий был глубоко прав, когда говорил о приглушении начальных звонких согласных в тюркских языках восточной половины Сибири — тувинском, карагасском и хакасском¹².

О некоторых особенностях превращения *č* в *š* в тюркских языках

Переход *č* в *š* характерен для трех тюркских языков — казахского, каракалпакского и ногайского (ср. казах. *шыдам*, карак. *шыдам*, ног. *шыдам* 'терпение', но тур. *çıdam*; казах. *шығыс*, карак. *шығыс*, ног. *шығыс* 'выход', но тур. *çikiş* 'выход' и т. д.).

В этих языках переход *č* в *š* одновременно сопровождается переходом *š* в *s*; ср. казах. *бес*, карак. *бес*, ног. *бес* 'пять', но тур. *beş*, татар. *биш*; казах. *бас*, карак. *бас*, ног. *бас* 'голова', но тур. *baş*, татар. *баш* и т. д.

Причина взаимосвязи звукопереходов *č* > *š* и *š* > *s* легко объяснима: переход *č* в *š* привел к относительному избытку в языке фонемы *š*. Когда же исконный *š* превратился в *s*, этот избыток был устранен.

В тувинском языке исконное тюркское *č* также превращалось в *š*, ср. тув. *шап-* 'скакать верхом', казах. *шап-*, татар. *чап-*, чув. *чуп-*; тув. *шаг* 'время', татар. *чак*; чув. *шевер* 'аккуратный, чистый', татар. *чибәр* 'красивый'; тув. *шортан* 'щука', казах. *шортан*, татар. *чуртан* и т. д.¹³

Аналогичное изменение наблюдалось также в шорском языке и северном диалекте алтайского языка, ср. шорск. *шык* 'выходить', тур. *çik*; шорск. *иш-* 'пить', узб. *ич-*; шорск. *аш* 'голодный', узб. *ач*; шорск. *шыда-* 'терпеть', татар. *чыда-*, узб. *чида-* и т. д.; сев.-алт. *ш'анак* 'сани', южн.-алт. *чанак*; сев.-алт. *ш'ык-* 'выходить', южно-алт. *чык*¹⁴.

Совершенно очевидно, что в вышеуказанных языках, как и в языках ногайской группы, после перехода *č* в *š* объем *š* увеличился. Однако *š* не переходило в *s*, ср. тув. *баш* 'голова', татар. *баш*, тур. *baş*; тув. *даш* 'камень', азерб. *даш*, татар. *таш*; тув. *диш* 'зуб', азерб. *диш*, татар. *тиш*; шорск. *паш* 'голова', татар. *баш*, тур. *baş*; шорск. *пиш* 'пять', татар. *биш*, тур. *beş*; шорск. *тиш* 'зуб', татар. *теш*, тур. *diş*.

Это различие объясняется тем, что условия перехода *č* в *š* в языках ногайской группы, с одной стороны, и в языках тувинском, шорском и северных диалектах алтайского языка — с другой, были совершенно несхожими. В языках ногайской группы импульсом к переходу *č* в *š* была деаффрикатизация начального *dž*, превратившегося, например, в ка-

¹² В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, стр. 108, 111.

¹³ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1964, стр. 82, 83.

¹⁴ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 70.

захском языке в *ž*. Возникла необходимость контрастного противопоставления *ž*:*š*, что привело к переходу *č* в *š*, вызвавшему, в свою очередь, переход *š* в *s*, так как объем, занимаемый *š* в языке, сильно увеличился.

В шорском и тувинском языках переход *č* в *š* стимулировался приглушением начальной аффрикаты *dž*, превратившейся в *č*. Исторически эта аффриката возникла из начального *j*, ср. тув. *чыл* 'год', тур. *yıl*, татар. *йыл* 'год'; шорск. *чаз* 'лето', татар. *яз* 'весна', тур. *yaz* 'лето'; тув. *чер* 'земля', казах. *жер*, тур. *yer*; шорск. *чар* 'берег, обрыв', татар. *яр* 'крутой берег, обрыв' и т. д.

Превращение начального *dž* в *č* характерно также для северного диалекта алтайского языка, ср. сев.-алт. *чыл* 'год', но татар. *йыл*; сев.-алт. *чакшы* 'хороший'¹⁵, татар. *яхшы* и т. д.

Таким образом, превращение *č* в *š* в этих языках было вызвано необходимостью сокращения увеличившегося объема, занимаемого *č* в языке; в тувинском, шорском языках и северном диалекте алтайского языка указанный объем *č* был уменьшен по-другому: *š* в интервокальном положении превращалось в *ž*, ср. тув. и шорск. *эжик* 'дверь', татар. *ишек*; тув. *кижи* 'человек', татар. *кеше*, кирг. *киши*, туркм. *киши*, шорск. *кижи*, кирг. *киши* и т. д.; шорск. *пажы* 'его голова', татар. *башы*, тур. *başı* 'его голова'; шорск. и алт. *тижи* 'его зуб', татар. *теше*, тур. *dişi*; шорск. *аттың пажы* 'голова лошади', татар. *атның башы*, тур. *atın başı* 'голова лошади'; алт. *тежик* 'щель, дыра', татар. *тишек* 'дыра' и т. д.

Особый интерес в этом отношении представляет литературный хакасский язык. В хакасском языке существуют так называемые свистящие диалекты, где обнаруживается переход *š* в *s*, и шипящие диалекты, сохраняющие старое *š*.

Основой литературного хакасского языка является свистящий диалект, ср. хак. *тас* 'камень', татар. *таш*, тур. *daş*; хак. *тіс* 'зуб', татар. *теш*, тур. *diş*; хак. *түс* 'спускаться', татар. *төш*, тур. *düş*; хак. *сис* 'опухать', татар. *шеш* и т. д. Следовательно, в хакасском языке, в отличие от тувинского и шорского, старое *š*, как и в языках ногайской группы, переходило в *s*.

Вместе с тем в хакасском языке имеются косвенные признаки, свидетельствующие о том, что древнее *č* также некогда переходило в *š*, в дальнейшем превратившись в *s*, ср. хак. *ас* 'голодный', узб. *ач*, тур. *aç*; хак. *сых* 'выходить', узб. *чик*; тур. *çık*; хак. *сас* 'волосы на голове', азерб. *сач*; хак. *сыда* 'терпеть', узб. *чида* и т. д.

Любопытно отметить, что причина изменения *č* в *š* в хакасском языке была, по-видимому, той же, что и в тувинском и шорском языках, а именно: переход начального *dž* перед гласным в *č*; ср. хак. *чыл* 'год', татар. *йыл* (орф. *ел*), казах. *жыл*; хак. *чир* 'земля', татар. *жир*, казах. *жер*, тур. *yer*; хак. *чахсы* 'добро, благо', казах. *жаксы* 'хороший', татар. *яхшы* 'хороший' и т. д.

Увеличение объема *š* в хакасском языке, так же как и в языках ногайской группы, вызвало его частичный переход в *s*, тогда как в тувинском и шорском языках этого не произошло. Данное несколько загадочное явление может быть объяснено только тем, что соноризация интервокальных глухих согласных в хакасском языке происходила значительно позже идентичного процесса в тувинском и шорском языках. Когда *č* в хакасском языке переходило в *š*, то *š* в интервокальном положении не озвончалось в *ž*. Таким образом, увеличивавшийся объем *š* не сокращался,

¹⁵ Н. А. Баскаков. Указ раб., стр. 70.

и *š* стало переходить в *s*. Озвончение интервокального *s* началось уже после перехода *š* в *s*, ср. хак. *кизи* 'человек' <*киши*>*киси*>*кизи*. Это озвончение захватило в хакасском языке и исконное *s*, ср. хак. *палазы* 'его дитя' из *баласы*>*паласы*>*палазы*.

Кроме того, переход *š* в *s* в хакасском языке коснулся также и *š*, возникшего из первоначального *č*, ср. хак. *сап* 'бить' из *шап*<*чап*; *сырай* 'лицо' из *шырай*<*чырай* и т. д. В языках ногайской группы, а также в тувинском и шорском, *š*, возникшее из исконного *č*, не переходило в *s*, ср. тув. *шаг* 'время', тур. *çağ*; тув. *шевер* 'аккуратный, опрятный', туркм. *чепер* 'красивый'; шорск. *агаш* 'дерево', тур. *ağaç*; шорск. *күш* 'сила', тур. *güç* и т. д.

О происхождении наречного аффикса -*ča*, -*če*

Почти во всех тюркских языках употребляется аффикс -*ča*, -*če* со значением сравнения, ср. татар. *рус-ча* 'по-русски', *минем-чә* 'по-моему', *башка-ча* 'по-иному', тур. *türk-çe* 'по-турецки', *ingiliz-çe* 'по-английски'. казах. *адам-ша* 'по-человечески', *олар-ша* 'по-ихнему', узб. *каҳрамонлар-ча* '(по-) героийски', *боллар-ча* 'по-детски'.

Существуют различные предположения о происхождении этого аффикса. По мнению некоторых тюркологов (Кастрен, Бётлинг, Радлов, Дмитриев), аффикс -*ča* исторически восходит к служебному слову *çaq* 'момент, пора, мера'. А. М. Щербак пытается его связать с прилагательным *чагліг* 'подобный'¹⁶.

Нами была предпринята попытка отождествить наречный аффикс -*ča* с аффиксом древнетюркского направительного падежа -*ča*, сохранившегося только в тувинском языке, ср. тув. *кем-че угланыр* 'направиться (взять направление) к реке', *хөл-че чоо кшулаар* 'приближаться к озеру'.

Превращение первоначального значения направления в значение сравнения, представлялось нам, могло происходить следующим образом:

- 1) значение сравнения могло развиться из пролативного значения, ср. татар. *яр буйынча* 'по берегу' <'к длине берега'>'вдоль берега';
- 2) значение направления могло быть переосмыслено по принципу аналогии, например, 'работать к ослу' > 'работать, как осел'¹⁷.

Однако в настоящее время эта гипотеза нам кажется не убедительной.

Наречный аффикс -*ča*, вероятно всего, связан с аффиксом -*ča*, имеющим в тюркских языках уменьшительное значение. У имен прилагательных этот аффикс выражает ослабленную степень качества, ср. кирг. *ак-ча* 'беловатый' от *ак* 'белый', тур. *esmer-çe* 'смугловатый' от *esmer* 'смуглый'¹⁸, казах. *қара-ша* 'черноватый' от *қара* 'черный' и т. д.

В тюркских языках изредка встречаются уменьшительные имена существительные с аффиксом -*č*, ср. узб. *тоқач* 'маленькая лепешка' от *тоқа* 'лепешка', карлукск. *олуץ* 'мальчишка' от *ol* 'парень'¹⁹.

Сравнение чаще всего предполагает неполное приблизительное сходство, поэтому первоначально как средство сравнения мог быть ис-

¹⁶ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1952, стр. 108, примечание

¹⁷ Б. А. Серебрянников. О некоторых проблемах исторической морфологии тюркских языков. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 277, 278.

¹⁸ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 113.

¹⁹ Там же, стр. 170.

пользован уменьшительный аффикс, например: *адам-ча* перв. 'похоже на человека', 'наподобие человека' > 'по-человечески' и т. д.

О происхождении показателя взаимного залога -уџ-, -иџ-

Показатель совместного залога -уџ-, -иџ- довольно широко распространен в различных тюркских языках, ср. тур. *sev-işmek* 'любить друг друга', татар. *суг-ыш-* 'драться', то есть 'бить друг друга', *ю-ыш-* 'мыть друг друга', ног. *бар-ыс-* 'идти вместе', туркм. *ал-ыш-маг* 'обмениваться', чув. *ятла-џ* 'спорить', *вӑр-ӑџ* 'бороться', узб. *ўп-иш-моқ* 'целоваться', *ёз-иш-моқ* 'переписываться', казах. *жар-ыс* 'соревноваться', *жаз-ыс* 'переписываться' и т. д.

Пытаясь определить источник этого суффикса, В. Банг связывал его с глаголом *ӓџ-* 'следовать, сопровождать', *-аџ* 'товарищ, спутник'²⁰, с чем трудно согласиться, поскольку сам аффикс является очень древним, и поэтому сомнительно, чтобы слово-источник могло сохраниться в малоизмененном виде.

Э. В. Севортян считает возможным сблизить показатель -џ-, как фонематически, так и семасиологически, с показателем -l, используя при этом наблюдаемое в тюркских языках чередование *џ—l*. «Можно считать общепринятым, — пишет Э. В. Севортян, — что в ряде случаев *p* и *l* образуют чувашские и древнебулгарские (предположительно также и печенежские) соответствия *з* и *ш* большинства тюркских языков. Вместе с тем нельзя отрицать следов указанных соответствий и в других тюркских языках, что дает право обратиться к ним в связи с вопросом об источнике медиального значения в аффиксе -ш. Из наблюдений в области ламбдаизма и отчасти ротацизма можно привести такие примеры, как орх. *özä/üzä* 'наверху' и алтайское *örö*»²¹. Очевидно, автор здесь предполагает, что существование в одном и том же тюркском языке аффиксов -yl- и -уџ- свидетельствует лишь о том, что в аффиксе -yl- сохранилось древнее -l, а в аффиксе -уџ- оно преобразовалось в *џ*, ср., например, татар. *кыш* 'зима' из *кыл*. Однако, если в -yl- сохранилось древнее *l*, то необходимо доказать, почему это произошло. Одного голословного утверждения в данном случае, конечно, недостаточно, а обнаружить какие-либо особые фонетические условия, способствовавшие сохранению древнего *l*, невозможно.

Большое значение Э. В. Севортян придает семантической близости и даже параллелизму в употреблении показателей -l- и -џ-. Он приводит два примера из словаря Махмуда Кашгарского: *top kirdin tograşdı* и *top kirdin tograldı* 'от грязи одежда разлезлась'²². Однако семантическое сходство еще не доказывает генетического тождества этих двух показателей.

Что касается эволюции значений показателя -џ-, то Э. В. Севортян выделяет так называемый дозалоговый период его существования, когда он был обычным словообразовательным аффиксом²³. Одним из старейших значений аффикса -џ- Э. В. Севортян считает множественность²⁴. Для аффикса -џ- также характерны учащательное и уменьшительное

²⁰ Цит. по кн.: М. Räsänen. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957, стр. 163.

²¹ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 137.

²² Там же, стр. 138.

²³ Там же, стр. 135.

²⁴ Там же, стр. 138.

значения²⁵. По мнению Э. В. Севортыяна, первое из них образовалось в результате эволюции значения множественности аффикса *-ǰ-*, которое начиная, по крайней мере, с эпохи Махмуда Кашгарского приобретает грамматическое значение множественности действующих лиц также и в некоторых из современных тюркских языков (особенно в киргизском, отчасти в узбекском и других), обнаруживая при этом тенденцию к ограничению употребления показателя множественности *-lar-* в глагольных формах. В то же время, потеряв связь с категорией действующего лица, значение множественности действующих лиц преобразовалось в значение распространенности действия его частоты и интенсивности на многие предметы. Однако в целом это значение не получило развития²⁶.

Где же находятся истоки аффикса *-yǰ-* и каким образом возникло основное его значение — совершение действия несколькими субъектами?

Есть некоторые основания предполагать, что одним из древних значений аффикса *-yǰ-* было выражение многократности действия, ср. казах. *малыш-* 'погружать неоднократно' от *мал-* 'погружать, обмакивать'; татар. *алдаш-* 'заниматься обманом, надувательством, мошенничеством, хитрить, плутовать' от глагола *алда-* 'обманывать, плутовать, надувать' и т. п.²⁷. Однако таких глаголов в тюркских языках очень мало.

Имеются также косвенные доказательства того, что аффикс *-(y)ǰ-* обладал указанным значением. Аффикс *-ǰ-* участвует в составе сложного суффикса *-ǰtyr-*, обозначающего многократное действие, ср. татар. *укышт-ыр-* 'почитывать', *кара-штыр-* 'поглядывать, заглядывать', тур. *saçıştırmağ* 'рассыпать, рассеивать' от глагола *saçmak* 'сеять, рассеивать, сыпать'²⁸. В тюркских языках аффикс *-ǰ-* очень часто соединяется с глагольным аффиксом *-la-*, которому также было не чуждо выражение многократности действия, ср. узб. *оша-ла-моқ* 'много раз есть' и т. д. Аффикс *-(y)ǰ-*, по-видимому, генетически связан с уменьшительным аффиксом *-ǰ*, обнаруживаемым в таких словах, как азерб. *көрүш* 'подслеповатый' от *көр* 'слепой'; кирг., узб. и др. *агыш* 'беловатый' от *ак* 'белый'; *когуш* 'синеватый' от *кок* 'синий'²⁹.

В истории тюркских языков известны случаи, когда понятия многократности действия развивались из понятия собирательной множественности³⁰. Понятие уменьшительности, а также понятие ослабленного качества также могли развиваться на базе значения собирательной множественности, поскольку последняя иногда может обозначать совокупность мелких предметов.

Можно предполагать, что в раннем тюркском праязыке существовали формы собирательного множественного числа с особым показателем *-ǰ*, использовавшимся в дальнейшем для образования уменьшительных имен существительных, а также как глагольный аффикс, обозначающий многократное действие. Однако труднее всего ответить на другой вопрос: каким образом этот глагольный аффикс мог превратиться в показатель взаимного залога?

Некоторые данные тюркских языков указывают на то, что аффикс *-ǰ* мог употребляться для обозначения совокупности людей, каким-то образом между собой связанных. С этой точки зрения обращает на себя

²⁵ Э. В. Севортыян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, стр. 335.

²⁶ Там же, стр. 355.

²⁷ Там же, стр. 356.

²⁸ Там же, стр. 357.

²⁹ Э. В. Севортыян. Аффиксы именного словообразования..., стр. 171.

³⁰ Б. А. Серебрянников. К истории суффикса деноминативных глаголов *-la-* в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1972, № 5, стр. 68.

внимание встречающийся в тувинском языке аффикс *-šky*, способный также выступать в соединении с другими аффиксами (*šky-lar*), *-lyšky* (*-lyšky-lar*). При помощи этого своеобразного сложного аффикса образуются (от обычных терминов родства и свойства) собирательные имена существительные со значением «группа людей (членов семьи), объединенных данной степенью родства или свойства». Приведем примеры: *авалышкылар*||*авашкылар* 'мать со своими детьми' от *ава* 'мать', *адалышкылар*||*адашкылар* 'отец со своими детьми' от *ада* 'отец'³¹; *иешкилер* 'мать со своими детьми' от *ие* 'мать'; *кудашкылар* 'сваты' от *куда* 'сват'; *башашкылар* 'свояки' от *баша* 'своак'³².

Если проанализировать аффиксы в таких образованиях, как *авашкылар* 'мать со своими детьми', *адашкылар* 'отец со своими детьми', *иешкилер* 'мать со своими детьми', то можно вскрыть более древний слой этих образований. Конечный аффикс *-lar* представляет собой широко распространенный в тюркских языках аффикс множественного числа. Легко выделяется также аффикс *-ki, -ky*, встречающийся в относительных прилагательных типа татар. *борыңгы* 'древний', алт. *кышкы* 'зимний', эртенги 'утренний', азерб. *индики* 'теперешний', *сонки* 'последний'.

В результате мы получаем образования типа *аваш* 'мать со своими детьми', *адаш* 'отец со своими детьми', *иеш* 'мать со своими детьми' и т. д. Иными словами, это — гипотетически предполагаемые формы собирательного множественного числа, характеризующиеся показателем *-š* и обозначающие группу людей, взаимно между собой связанных.

В дальнейшем аффикс *-š* стал присоединяться к именам существительным со значением соучастия двух и более субъектов, ср. тув. *эжеш* 'пара' от *эш* 'товарищ', татар. *таныш* 'знакомый' (взаимное знакомство) от *тана-* 'знать'.

Аффикс *-š* мог выступать и в качестве компонента сложных аффиксов, например, в составе аффикса *-taš, -daš*, ср. татар. *юл-даш* 'попутчик', азерб. *јолдаш* 'товарищ', казах. *жолдас*. Первоначальное значение, очевидно, было «совместно находящийся в дороге (*jolda*)», татар. *якташ* 'сторонник', ног. *авылдас* 'односельчанин' и т. д.

Каким же образом именной аффикс *-š* превратился в глагольный аффикс, выражающий совместное действие?

Выше уже говорилось, что в тюркских языках имеются следы употребления аффикса *-š* в роли аффикса многократного действия, у которого, однако, были конкуренты: в роли суффиксов многократного действия могли также употребляться аффиксы *-l* и *-n*. Можно предполагать, что аффиксы многократного действия в тюркских языках особого развития не получили, и употребление их стало заметно сокращаться. Аффиксы *-l* и *-n* приобрели значение показателей страдательного залога. Аффикс *-š* стал средством выражения взаимности действия, чему способствовал целый ряд благоприятствовавших тому обстоятельств. Значение взаимности действия могло легко развиться на базе значения многократности действия, поскольку наличие нескольких или многих субъектов действия предполагает известное множество самих актов действия. Катализатором, ускорившим это развитие, явились имена существительные с аффиксом *-š*, обозначающие взаимную связь субъектов действия или их соучастие в действии, типа тув. *ада-ш* 'отец со своими детьми', *ие-ш* 'мать со своими детьми' и т. д. Суффиксы собирательной множественности такой способностью не обладали, поскольку они обозначали просто множественность предметов, взаимно между собой не связанных.

³¹ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмах, Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 171.

³² Там же, стр. 172.

Эти благоприятные для аффикса условия, очевидно, и послужили причиной превращения древнего суффикса многократного действия $-(i)\xi-$ в показатель взаимного залога.

О происхождении показателя настоящего времени $-a-$ в тюркских языках кыпчакской группы

Одной из отличительных особенностей кыпчакских языков является наличие настоящего времени, характеризующегося показателем $-a-$, ср. узб. *ёз-а-ман* 'я пишу', *ёз-а-сан* 'ты пишешь' и т. д., казах. *ал-а-мын* 'я беру', *ал-а-сың* 'ты берешь' и т. д. В тюркологической литературе по-разному объясняется происхождение этого времени. По мнению А. Н. Кононова, показатель $-a$ происходит от аффикса $-ar$, восходящего, в свою очередь, к аффиксу дательного-направительного падежа $-ar < -ғару$ ³³.

Н. К. Дмитриев считает, что в основе башкирского настоящего времени типа *алам* 'я беру' лежит деепричастие с аффиксами $\frac{a}{\varepsilon} - \ddot{y}$; например: *ал-а* 'беря', *укый* 'читаю'³⁴.

В. Котвич утверждает, что в тюркских и монгольских языках существовала особая вторичная (видоизменяемая) основа, обозначающая действие в процессе его совершения и, следовательно, не доведенное до конца или повторяющееся. Именно поэтому указанную основу и можно назвать дуративной. Она образуется при помощи суффикса $-a$, имеющего, вероятно, какую-то связь со вспомогательными глаголами: тюркским $\ddot{a}$ и монгольским a — 'быть'³⁵.

На наш взгляд, косвенным путем очень близко подошел к решению рассматриваемой проблемы П. М. Мелиоранский в своей книге «Араб-филолог о турецком языке». Не занимаясь непосредственно проблемой происхождения настоящего времени на $-a$, не имеющегося в турецком языке, ученый тем не менее рассматривает в своей работе действительное интенсивное причастие на $-аған$, $-аған$, изредка встречающееся в турецком языке. Анализируя глагольные формы, имеющие между корнем и окончанием гласные $ы$, $у(\ddot{y})$, а также $а$, $\ddot{a}$, П. М. Мелиоранский пришел к выводу, что в разные периоды в различных диалектах существовали и существуют распространенные посредством гласных $а$, $\ddot{a}$, $и$, $у$ (и по всей вероятности $ы$ и $\ddot{y}$) глагольные корни: такие корни то имеют «интенсивное» значение, ... то употребляются в сочетании с отрицательной частицей для образования так называемых «форм невозможности действия»³⁶. «Таким образом, — пишет П. М. Мелиоранский, — я склонен предполагать, что в турецком языке была и отчасти есть возможность образовывать от глагольных корней ряд интенсивных или потенциальных основ путем прибавления к корню в некоторых диалектах узкого, а в других широкого гласного звука»³⁷.

Любопытно отметить, что П. М. Мелиоранский считает реальным развитие значения возможности на базе значения интенсивности: «В самом деле, если положим *tutuğan* значит или значило „постоянно держащий“, то отсюда легко может (или могло) развиваться значение „способный, могущий держать“»³⁸.

³³ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 209.

³⁴ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 145.

³⁵ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 217.

³⁶ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. LXIII.

³⁷ Там же, стр. LXIV.

³⁸ Там же, стр. LXIII.

Как уже говорилось выше, П. М. Мелиоранский не касался непосредственно проблемы происхождения настоящего времени с показателем *-a-*, но формант *a* в рассматриваемом им причастии на *-aγan* имеет к этому показателю прямое отношение.

Для выяснения истории показателя настоящего времени *-a* в языках кыпчакской группы необходимо выявить импульс, вызвавший появление этого типа настоящего времени, а также его возможный внутренний источник.

В тюркском языке существовало настоящее время с показателем *-γ*, имевшее параллельно и значение будущего времени. Возникшая в языке тенденция к формальному различению двух времен требовала создания особой формы настоящего времени, которая бы в достаточной степени отличалась от формы будущего времени.

Внутренним источником для образования такого настоящего времени мог явиться аффикс *-a*, употреблявшийся для обозначения учащающегося действия, ср. тур. *tik-tak* 'втыкать', *tik-a-tak* 'затыкать, закупоривать', *san-tak* 'считать, полагать', *san-a-tak* 'читать, почитать', *kin-tak* 'хулить, порицать', *kin-a-tak* 'придираться', *kaç-tak* 'бежать', *kaç-a-tak* 'увивать'³⁹, узб. *бурмоқ* 'поворачивать, заворачивать, повертывать' и *бур-а-моқ* 'вертеть, крутить' (волнообразным движением)⁴⁰.

Различных значений у этого аффикса, конечно, немного больше. Э. В. Севортян отмечает, что в целом состав значений глаголообразующего аффикса *-a-* укладывается в семантику аффикса *-la*. Аффикс *-a* означает: 1) активные, большей частью сознательные, в отдельных случаях производительные действия, направленные или распространяющиеся на предмет, 2) действия, вызывающие у предмета или сообщающие ему какое-либо состояние, признак, свойство, форму, 3) пребывание в каком-либо состоянии или переход в него, а также процесс, в частности движение, в некоторых случаях развитие или появление у предмета нового признака, свойства⁴¹.

По-видимому, аффикс *-a-* оказался очень удобным дистинктивным признаком для создания в кыпчакских языках нового типа настоящего времени, четко отличающегося от будущего. Настоящее время начало строиться по схеме: корень глагола + показатель настоящего времени *-a-* + личные окончания первой категории; например, *ал-а-мын* 'я беру'. Обнаружить какой-либо иной источник образования этого времени довольно трудно.

О происхождении форм прошедшего времени с показателем *-çyk* в тувинском и с показателем *-çy* в киргизском языках

Форма прошедшего времени на *-çyk* встречается, кроме тувинского, в хакасском и киргизском языках, однако в каждом из них имеет различное значение. В тувинском языке форма на *-çyk* заключает в себе категорическое утверждение, что данное действие в прошлом было совершено, и обычно сочетается с вопросительной частицей *be* 'ли', 'разве' и вопросительно-утвердительной частицей *çor* 'ведь'. Например: *алчык(чоп)* 'он ведь взял'; *баржык(чоп)* 'он ведь пошел'⁴².

³⁹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 209.

⁴⁰ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования..., стр. 230.

⁴¹ Там же, стр. 227.

⁴² Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Указ. раб., стр. 375, 376.

Ф. Г. Исхаков и А. А. Пальмбаха, пытаясь объяснить происхождение тувинской формы прошедшего времени с показателем *-ѣух*, связывают ее с тувинской модальной частицей *ijik*, ср., например, тув.: *Силер хоорайга чораан ийик силер чоп* 'Вы ведь ездили в город' и *Силер хоорайга чоржук силер чоп* — с тем же значением.

Достоинство этой гипотезы заключается в том, что ее авторы учитывают закономерности изменения звуков в хакасском языке. Редуцированный *и* в начале *ийик* выпадает (*ийик* > *йик*), *й* превращается в *ч* (*ж*) (*йик* > *жик*) и переходит в *у* по закону сингармонизма после твердого губного *о* (*жик* > *жук*); таким образом аналитическая конструкция *чораан ийик* преобразуется в синтетическую форму *чоржук*, которая приобретает значения обоих слагаемых: значение прошедшего неопределенного (результативного) времени на *-кан* и значение частицы *ийик*, не только участвующей в образовании условно-сослагательной формы глагола (бы), но и придающей глаголу эмоционально-экспрессивную окраску⁴³.

По сообщению Н. А. Баскакова и А. И. Инкижековой-Грекул, форма на *-ѣух*, *-ѣих* в хакасском языке имеет значение недавно совершенного прошедшего действия, например: *тағнынъ ѳстине сыхчых* 'он поднялся на гору'. При этом высказывается предположение о генетической связи указанной формы с монгольской формой настоящего времени на *-ѣе/ѣе*, например: *оржээ* 'он вошел', *ѳсчээ* 'он вырос'⁴⁴.

Н. А. Баскаков считает гипотезу Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха вероятной. Усилительная частица *ijik*, по его мнению, представляет собой форму прошедшего времени вспомогательного глагола *er-/ir-* 'быть' *irdik*, если учесть идентичность форм *чораан ийик* и *чораған иди* (<*irdik*)⁴⁵.

Объяснение происхождения этой формы, данное Ф. Г. Исхаковым и А. А. Пальмбахом, нам представляется наиболее вероятным. Звук *ѣ* в современном тувинском языке может отражать только *j*, так как всякое исконное *ѣ* в тувинском языке переходило в *ѣ*, ср. тув. *шортан* 'щука', татар. *чуртан*; чув. *ѳш* 'три', тур. *ѳѣ* 'три' и т. д. Кроме того, со значением утвердительной частицы *ijik* согласуется и семантика прошедшего времени на *-ѣук*.

Что же касается объяснения Н. А. Баскакова, то оно не совсем убедительно. Дело в том, что частица *ijik* не может восходить к форме прошедшего времени глагола *er/ir* 'быть' *irdik* (*idik*), так как в тувинском языке не было перехода интервокального *d* в *ѣ* или *dѣ*, ср. тувинские формы прошедшего категорического времени *келбеди* 'он не пришел', *албады* 'он не взял'.

Гипотеза Н. А. Баскакова не подтверждается и некоторыми другими материалами тувинского и хакасского языков. Аффикс древнего причастия *-dyq* и *-dik* на протяжении истории развития этих языков не подвергался никаким фонетическим изменениям, ср. тув. *чассыдыг* 'ласка', от глагола *чассы-* 'ласкаться'⁴⁶; тув. *частых* 'изголовье', первоначально 'подушка', ср. кирг. *жаздык*, татар. *ястык* 'подушка'.

Если не доказана генетическая связь показателя *ѣук* с тюркским причастным аффиксом *-dyq*, *-dik*, то не может быть доказана и его связь

⁴³ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбаха. Указ. раб., стр. 379.

⁴⁴ Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул. Хакасско-русский словарь. М., 1953, стр. 432.

⁴⁵ N. A. Baskakov. Origin of some verbal forms common to turkic and mongolian languages. — «Acta orientalia XXXII». Copenhagen, 1970, стр. 9.

⁴⁶ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования. — стр. 354.

с монгольским временем на *žee/čee*, поскольку в монгольском языке, в отличие от тувинского, *d* перед *i* могло превращаться в *dž*⁴⁷.

Не подтверждается указанное предположение и возможностью сочетания *ijik* с причастиями на *-ar, -er, -yr, -ir* в формах сослагательного-наклонения в тувинском языке, например: *эки болур ийик* 'было бы хорошо'⁴⁸, поскольку не доказана генетическая связь *ийик* и *irdik*.

Н. А. Баскаков предполагает также связь тувинского и хакасского показателя прошедшего времени *-čuk* с показателем прошедшего времени *-čy* в киргизском языке, считая, что он мог возникнуть из *-čuk* в результате элизии конечного *k*. Однако это не соответствует фонетическим законам. Ни начальное *j*, ни интервокальное *d* в киргизском языке никогда не превращалось в *č*. Поэтому киргизское *-čy* никак не могло возникнуть из формы вспомогательного глагола *idik*.

Киргизское прошедшее время с показателем *-čy* сильно отличается от тувинского прошедшего времени на *-čuk* и по значению. В огромном большинстве случаев оно обозначает длительное действие, совершавшееся постоянно в прошлом, например: *мен жазчумун* 'я писал всегда'⁴⁹, *ал алчу* 'он брал (постоянно и обычно)'⁵⁰.

Не случайно показатель времени *-či* созвучен агентивному словообразовательному аффиксу *-чи, -čy*, ср. кирг. *койчу* 'пастух', татар. *балыкчы* 'рыбак', тур. *demirci* 'кузнец' и т. д.

Аффикс *-čy* в тюркских языках может образовывать также причастия настоящего времени, ср. татар. *баручы* 'идуший', *килүче* 'приходящий', *язучы* 'пишущий'. В киргизском языке, где ярко выражен губной сингармонизм, образования такого типа могли получить формы *баручу, жазучу* и т. д.

Трудно объяснить, почему подобного рода образования были соотнесены со сферой прошедшего времени. По-киргизски *алчу* означает «он брал», а не «он берущий». Возможно, здесь была использована элизия: *у: алчу* из *алучу*. Положение аффикса *-чи* в элидированных формах в известной степени напоминало положение аффикса *-dy*, также присоединявшегося непосредственно к основе глагола, ср., например, азерб. *алдым* 'я взял'.

О дательно-направительном падеже на -k в тюркских языках

А. М. Щербак в статье «Существовал ли в тюркском праязыке дательно-направительный падеж на -k?» после анализа различных мнений по этому вопросу приходит к выводу, что традиционный взгляд на развитие аффикса дательного падежа *-a* из аффикса *-ya ~ -ka* остается непоколебленным, тем более, что в распоряжении тюркологов имеются факты параллельного употребления того и другого аффикса в особых фонетических условиях, ср. др.-тюрк. *elimkä ~ elimgä ~ elimä* 'моему племенному образованию'; кум. *atımtya ~ atımta* 'моему коню'; шорск. *kojımtya ~ kojımta* 'моей овце'⁵¹. Нам представляется, что это утверждение о неизблемости традиционного взгляда несколько преждевременно.

⁴⁷ N. Poppe. Introduction to mongolian comparative studies. Helsinki, 1955, стр. 114.

⁴⁸ N. A. Baskakov. Указ. раб., стр. 9.

⁴⁹ Б. О. Орузбаева. Формы прошедшего времени в киргизском языке. Фрунзе, 1955, стр. 36.

⁵⁰ Там же, стр. 39.

⁵¹ А. М. Щербак. Существовал ли в тюркском праязыке дательно-направительный падеж на -k? — «Советская тюркология», 1973, № 3, стр. 62.

Если аффикс дательного падежа *-a* в языках огузской группы возник в результате выпадения *γ* или *k* в аффиксе *-γa*, *-ka*, то нужно объяснить прежде всего причину этого, причем здесь нельзя предположить упрощение неудобных звукосочетаний. Даже в тех случаях, когда аффиксу *-γa* ~ *-ka* предшествует конечный согласный основы, например: *adamγa* 'человеку', *awuγa* 'в деревню', *igtaγa* 'в лес', звукосочетания *mγ*, *lγ*, *nγ* не являются неудобными для произношения в языках кыпчакской группы. Не упрощаются они также и в языках огузской группы.

Остается предположить, что *γ* ~ *k* в аффиксе *-γa*, *-ka* выпало в интервокальной позиции. В истории тюркских языков имеются случаи, когда *γ* ~ *k* в интервокальной позиции действительно выпадали, ср. уйг. *kiγaγi* 'кольцо', шорск. *kuγā*, ср.-тюрк. *soγuk* 'холодно', койб. *sōk* и т. д. Однако при таком предположении обнаруживается одна очень существенная неувязка. Если *γ* ~ *k* утрачивались в одной позиции, например в турецкой форме дательного падежа *balaga* > *balaa* 'мальчику' от *bala* 'мальчик', то они должны были исчезнуть и в других позициях. В турецком языке *γ* в интервокальной позиции было утрачено, ср. *ağaç* 'дерево' (*aac*), *birliγi* 'его союз' (*birlii*), но произошло это явно позднее предполагаемого исчезновения *γ* в аффиксе дательного падежа *-γa*. В итоге получается, что интервокальное *γ* при одинаковых условиях в одной позиции исчезло, а в других сохранилось, что совершенно неестественно.

Если в огузских языках аффикс *-γa* ~ *-ka* также подвергся упрощению в склонении с притяжательными аффиксами, то почему такое упрощение произошло повсеместно во всех тюркских языках? Это также неестественно.

Ничего в сущности не опровергает и утверждение А. М. Щербака о том, что *k* присоединяется только к основам, оканчивающимся на гласные, ср. туркм. *aşāk* 'вниз', *nirāk* 'куда', *gündoğarık* 'на восток'. «Такого рода избирательность, — замечает А. М. Щербак, — необычна при образовании падежных форм в тюркских языках»⁵². Далее он пишет: «Даже самый поверхностный разбор приведенных примеров позволяет убедиться в том, что все формы на *-k* передают те же значения и при отсутствии этого показателя... В некоторых диалектах..., а также „в туркменской разговорной речи“, допускается параллельное употребление обеих форм, ср. *ileri gitdi||ilerik gitdi* 'он пошел вперед'..., *daşary çykdy||daşaryk çykdy* 'он вышел наружу'»⁵³.

А. М. Щербак не склонен согласиться с тем, что в приведенных им примерах формант *k* плеонастически присоединяется к окончаниям древних направительных падежей *-a(-ä)* и *-y(-i)*. Этим объясняется сохранение значения направления в тех формах, где формант *k* отсутствует. Такое соединение аффиксов со сходным значением в языках агглютинативного типа, в частности в тюркских, не редкость.

А. М. Щербак отмечает также, что последний гласный в формах *ilerik* 'вперед', *içerik* 'во внутрь' и *daşaryk* 'наружу' непременно долгий, и на этом основании предполагает, что элемент *k* присоединялся вместе с гласным, составлявшим с ним нечто единое. Автор склонен возвести элемент *-yk* ~ *-ak* к самостоятельному слову, выполнявшему служебные функции, или к частице. Вероятным прототипом этого элемента А. М. Щербак считает выделительную частицу *ok* ~ *ök*, например: *ol-ok* 'тот же', *baγuγl-ok* 'иди же' и т. д.⁵⁴ Прежде всего следует заметить, что

⁵² А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 60.

⁵³ Там же, стр. 61.

⁵⁴ Там же.

частица *ok* ~ *ök* по своей семантике не могла послужить основой для развития значения направленности к чему-либо. Поэтому аффикс дательно-направительного падежа на базе этой частицы возникнуть не мог.

Что же касается долгого гласного, предшествующего *k*, то он мог удлиниться для укрепления функционально нагруженного, но плохо слышимого конечного *k*. Приводимые А. М. Щербаком случаи параллельного употребления форм типа кумыкского *atymya* ~ *atuma* 'моему коню' также недостаточно убедительны, поскольку форма типа *atymya* 'моему коню' могла возникнуть в результате выравнивания падежных окончаний по аналогии.

Вернемся снова к проблеме дательно-направительного падежа на *-k*. В тюркском праязыке существовало несколько направительных или лативных падежей, и в их числе были лативные падежи на *-k*, *-y(-i)* и *-a*.

Древний направительный падеж на *-k* в его чистом виде, по-видимому, сохранился только в форме инфинитива типа турецкого *almak* 'брать'. Соединяясь с окончаниями других лативных падежей, он образовывал сложные аффиксы *-yq*, *-ik* (аффикс латива на *-i* + аффикс латива на *-k*), *-aq*, *-ek* (аффикс латива на *-a* + аффикс латива на *-k*) и *-qa*, *-ke* (аффикс латива на *-k* + аффикс латива на *-a*). Первые два сложных аффикса сохранились в реликтовом виде только в некоторых туркменских наречиях. В кыпчакских языках в непритяжательном склонении аффикс дательно-направительного падежа *-a* был вытеснен формально более выразительным аффиксом дательно-направительного падежа на *-ka*.

Б. И. ТАТАРИНЦЕВ

ХАРАКТЕР ИЗМЕНЕНИЙ ЗВУКОВОГО КОМПЛЕКСА С ИНТЕРВОКАЛЬНЫМ *k*. В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

I

В основах слов современного тувинского языка широко распространены так называемые вторичные долгие гласные, восходящие к звуковым комплексам типа *VCV* (гласный+согласный+гласный), где интервокальные согласные являлись сонантными (в основном, по-видимому, исконными)¹. В эту же группу входит и заднеязычно-увулярный щелевой согласный в его переднерядном (*g*) и заднерядном (*ɣ*) вариантах. Выпадение этого согласного и последующее стяжение двух соседних гласных в один долгий гласный звук наблюдается почти повсеместно; исконный *g* (*ɣ*) в интервокале тюркских по происхождению слов тувинского языка встречается довольно редко, в частности, между узкими гласными: *sy-γūt* 'сыгат (вид горлового пения)' и *šüγüg-* 'бежать' (ср. др.-тюрк. *syγūt* 'рыдания, плач' и *jüγüg-* 'бежать', а также их соответствия в современных тюркских языках)².

Морфологические изменения в интервокальном положении (на стыке основы и словоизменительного аффикса) приводят к элизии не только *g* (*ɣ*), но и заднеязычного смычного *k*³. Однако в основах слов тувинского языка (точнее, в их вторых слогах) судьба исконных *g* (*ɣ*) и заднеязычных смычных согласных различна. Отдельные аспекты этой проблемы уже рассматривались тюркологами⁴. Однако в целом характер изменений звукового комплекса с исконным интервокальным заднеязычным смычным (в его передне- и заднерядном вариантах) на тувинской языковой основе еще не исследовался. В то же время анализ этих изменений представляет несомненный интерес для изучения истории тувинского языка.

Мы стремились привлечь по возможности весь материал, сопоставимый с данными других языков. Особое внимание было обращено на слова, по всем данным, тюркского происхождения, имеющие либо соответствия во многих современных тюркских языках, а также в памятниках

¹ См. об этом: Ф. Г. Исхаков. Долгие гласные в тюркских языках. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I, М., 1955, стр. 160—174. А. А. Пальмбах. Долгие и полудолгие гласные тувинского языка. — Там же, стр. 175—178; Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 33 и сл.

² Слова и их варианты, источниками которых являются современные лексикографические издания, даются за некоторыми исключениями, без ссылок на них. Во всех остальных случаях источники языковых материалов указываются. Ссылки на «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова (далее — РСл) приведены в основном тексте.

³ См.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Указ. раб., стр. 37 и сл.

⁴ Э. В. Севортьян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 246.

древнетюркской письменности, либо удовлетворительную этимологию на тюркской основе. В меньшей мере привлекался материал, не отвечающий полностью указанным условиям, но тем не менее могущий пролить какой-то свет на решение поставленного вопроса.

Прежде всего следует отметить, что согласные в тувинских словах, восходящие к *k*, выпадают далеко не всегда; в случае же их выпадения сопутствующие этому процессу изменения носят иной, нежели при элизии интервокальных сонантов и исконного *g* (*γ*), характер.

Исходя из этого, можно выделить два основных типа изменений, происшедших в словах, имеющих или имевших согласный (согласные), соотносимые с *k*, а также чередующимся с ним *g* (*γ*) в других тюркских языках: 1) изменения, не вызывающие утраты согласного, и 2) элизия согласного и сопутствующие ей фонетические процессы.

Изменения первого типа разнородны. Они затрагивают либо только рассматриваемый согласный, не меняя характера гласного предшествующего ему слога, либо весь звуковой комплекс «гласный первого слога + согласный, восходящий к *k*».

1. Чаще всего наблюдается спирантизация и озвончение *k* — переход его в *g* (*γ*) — без видимых изменений предшествующего гласного (что характерно и для других сибирских тюркских языков): *saγuŝ* 'ум; намерение, мечта' (ср. др.-тюрк. *sakupč* 'мысль; дума; намерение', *sakuŝ* 'счет, число; счисление' и соответствия в современных языках⁵); *sū-kep* (тодж.-диал.) 'верша; морда (рыболовное орудие)' (ср. др.-тюрк. *sū-kep* 'корзина, находящаяся на одной стороне вьюка осла', уйг. *sūken* 'корзины для перевозки груза вьюком', алт., хак., шор. *sūgen* 'верша, морда'); *tuγul* 'стержень рога животного' [каз. *tukul* 'с тупым концом, обломанный рог у коровы', *tokul* 'пень, огарок, корень рога' (РСл, III, 1150, 1426), уйг. *tokal* 'комолый, безрогий']; *egiŝ* 'одышка; тяжелое дыхание' (ср. др.-тюрк. *ukup* → *uγup* 'задыхаться'⁶, а также другие примеры, в частности, из РСл., I, 1353 и сл.) и т. д.

2. В противоположность этому в словах тюркского происхождения, не имеющих близких соответствий в монгольских языках, подобное изменение согласного, сопровождаемое появлением фарингализации у предшествующего ему гласного, встречается довольно редко: *buγuγ* 'бок (нижняя часть)' [ср. др.-тюрк. *buyup*, кирг. *buyup* ~ *tykup* 'бок', уйг. *be-kin* ~ *bikin* 'бок, филе', телеут. *руккуп* 'пах', чул.-тюрк. *рукт* 'часть тела ниже плечной области' (РСл., IV, 1307)]; *duγuγuŝ* 'туго набитый', образованное, по-видимому, от глагольной основы *tyk-* 'набивать, затыкать', широко распространенной в тюркских языках, и сопоставимое с чув. *tă-kās* 'тесный, узкий; плотный', кирг., каз., к.-калп., тат., башк. *tyγuz* 'тесный; плотный' и т. д.; *šoγuŝ* 'драка' [ср. др.-тюрк. *šoку* 'спор, распря; скандал', производное, вероятно, от глаголов *šoк-* 'кидаться' или *šoку-* (например, уйг.) 'клевать, долбить (о птицах); разбивать, дробить (кирпич)', к которым можно возвести и тувинское слово].

Напротив, для монгольских лексических заимствований тувинского языка эти процессы весьма характерны. В частности, в таких заимствованиях регулярно отмечается появление фарингализации у гласных первых слогов перед сильными согласными, характерными для монгольских языков как на современном этапе, так, вероятно, и на более древней ста-

⁵ См.: В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 340.

⁶ См.: Э. В. Севортян. К источникам и методам пратюркских реконструкций. — «Вопросы языкознания», 1973, стр. 42.

дин их развития⁷, в том числе — перед заднеязычными: еъге 'начало' (ст.-письм. монг. еке, монг. ех), теъге 'ложь' (ст.-письм. монг. теке, монг. тех), пеъге- 'требовать' (ст.-письм. монг. пеке-, монг. пех-), тиъ-үг 'тупой' (ст.-письм. монг. тиүг, монг. тихаг), њаъуу- 'заказывать' (ст.-письм. монг. јаки-, монг. захи-) и т. п.

Аналогичные изменения претерпевает и звуковой облик слов, общих для ряда тюркских и монгольских языков и имеющих в древнетюркских памятниках, но, возможно, являющихся монголизмами в тувинском языке, испытавшем в прошлом значительное монгольское влияние. Например: даъа 'подкова', биъа 'бык-производитель', тбъге 'борец, силач' и др.

3. В единичных случаях (в переднерядных словах), по-видимому, был возможен переход *k* других тюркских и, шире, алтайских языков в *ǰ* (вероятно, через промежуточную ступень *g*). При этом гласный первого слога, стоящий в анлауте, оказывается узким и фарингализованным: *ǰǰ* 'два' (ср. др.-тюрк. *ekī* ~ *iki* и современные фонетические варианты этого слова), *ǰǰе* 'мать' [ср. др.-тюрк. *ekā* 'старшая сестра, тетя' (ст.-письм. монг. еке 'мать' и другие сходные по внешнему облику термины родства для лиц женского пола в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках⁸)].

Указанные изменения, таким образом, приводят к соответствию *k* или *k* ~ *g* (*γ*) в других тюркских языках тувинскому *g* (*γ*) с фарингализацией гласного предшествующего слога или, чаще, без нее. Имеются еще и другие соответствия, различные по своей природе, причем далеко не все они являются результатом процессов чисто звуковых изменений рассматриваемого смычного заднеязычного согласного. Различия между языками складываются и по причинам фонетико-деривационного характера (специфика звукового облика производящих основ или деривационных аффиксов и т. д.).

Такие соответствия наблюдаются в немногих словах (глаголах). К ним, в частности, относится соответствие *k* или *k* ~ *γ* в большинстве других тюркских языков тувинской геминате *kk*, перед которой фарингализация у предшествующего гласного в одних случаях появляется, а в других — нет: каъккуг- 'откашливаться, отхаркиваться', ср. др.-тюрк., кирг. какуг-, хак. хаууг-, азерб. хајхуг- 'харкать, отхаркиваться', возводимые к звукоподражательному слову типа *ха* (или, возможно, *ка*, *как*, *хај*) + аффикс -ууг- или -уг-⁹; њаккуг- 'кричать (о некоторых хищных птицах)' и др.-тюрк. њакуг-, уйг. њакиг- 'звать, приглашать', тур. њаууг- 'звать, приглашать, призывать; кричать, петь, реветь (о животных)', а также азерб. њаууг- 'звать' и њуууг- 'кричать, выкрикивать, орать', возводимые также к звукоподражательным основам типа *њау* ~ *њак* или *њуу* и образованные при помощи указанного аффикса¹⁰. Как видно, в данных случаях допускается варьирование как производящих основ, так и формантов, в результате чего в интервокале соответствующих глаголов появляются различные согласные. Можно полагать, что тувинские глаголы образованы по модели «звукоподражательная основа, представляющая собой закрытый слог + аффикс -ууг-»: каъккуг- <как + ууг, њаккуг- <њак + ууг.

Ср. также ваъккула- 'заглядывать; выглядывать' (ср. широко распространенную в ряде тюркских языков, но исчезнувшую из свободного

⁷ См.: В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 112.

⁸ См.: В. И. Цинциус. К этимологии алтайских терминов родства. — В сб.: «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков». М., 1972, стр. 29—31.

⁹ См. об этом: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 263—267.

¹⁰ Там же, стр. 237, 268—269.

употребления в тувинском глагольную основу *vak- ~ rak-* 'смотреть; обзреть' и т. д. + аффикс *-(a)la-* с «уточающим значением»: см. хак. *raχla-* 'подсматривать; выглядывать из-за чего-либо', кирг. *bakala-* 'наблюдать, высматривать'¹¹. Тув. *baʔkkuɫa-*, возможно, образовано от указанной основы при помощи аффикса *-kuɫa-*, характерного для современного тувинского языка¹²), *akku* 'старший брат' (др.-тюрк. *aka id*¹³) < **ak+ky*¹⁴.

II

Анализ изменений рассматриваемого согласного в тувинском языке, не приводящих к утрате звука, и его соответствий согласным других тюркских языков показывает, что в одних случаях предшествующий этому согласному гласный оказывается фарингализованным, а в других — обычным кратким, что чаще встречается в словах тюркского происхождения. Возникает вопрос: чем вызвана такая диспропорция?

Прежде чем на него ответить, необходимо выяснить причины появления фарингализации. Эта особенность тувинских гласных, по мнению В. М. Иллича-Свитыча¹⁵, в конечном счете, является следствием ослабления неначальных сильных согласных, напряженность артикуляции которых передалась предшествующему гласному. Однако в последние годы фарингализация была обнаружена и описана также и в близком тувинскому тофаларском (тофском) языке, где она представляет собой явление, сопутствующее следующим за гласным сильным согласным, сохранившимся в тофском языке, в отличие от тувинского, не только в анлауте, но и в других позициях слов¹⁶. Все это позволяет предположить, что фарингализация могла появиться в результате исчезновения у последующих согласных придыхательности¹⁷ — признака, сопутствующего сильным согласным в тувинском¹⁸ и ряде других тюркских языков и их диалектов¹⁹. Последовавшее же за этим на тувинской языковой почве ослабление неначальных сильных согласных привело, по-видимому, к компенсирующему удлинению фарингализованных гласных, близких в этом отношении к долгим гласным²⁰.

¹¹ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования..., стр. 90—92, 346, 348.

¹² См.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Указ. раб., стр. 409.

¹³ Другие, очень многочисленные соответствия (как в тюркских, так и в других алтайских языках) см.: В. Г. Егоров. Указ. раб., стр. 23; В. И. Цинциус. Указ. раб., стр. 40 и сл.

¹⁴ См.: Э. В. Севортян. Пробные статьи к «Этномологическому словарю тюркских языков». М., 1966, стр. 46—47.

¹⁵ В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t, d, ɖ*. — «Вопросы языкознания», 1963, № 6, стр. 55.

¹⁶ См.: В. М. Наделяев. Особенности звуковой системы языка тоф. — «Этногенез народов Северной Азии. Материалы конференции», вып. II. Новосибирск, 1969, стр. 235—236.

¹⁷ Ср. также одно из объяснений фарингализации гласных в тувинском языке как «явления преаспирации сильных шумных гласных, развившегося вследствие частичного перемещения придыхания из эксплозивной части в имплозию» (А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. М., 1970, стр. 24).

¹⁸ А. Ч. Кунаа. Звуковая система современного тувинского языка. Кызыл, 1957, стр. 41; Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Указ. раб., стр. 93.

¹⁹ См.: Э. Р. Тенишев. Саларский язык. М., 1963, стр. 14—15; Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева. Язык желтых уйгуров. М., 1966, стр. 14—15; Э. Р. Тенишев. Говор урумов села Прасковеевки. — «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 94; его же. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников. — «Советская тюркология», 1973, № 2, стр. 44—45.

²⁰ Ср. соответствующие данные по длительности фарингализованных и долгих гласных тувинского языка в указанной работе А. Ч. Кунаа (стр. 25—26).

В целом, однако, появление фарингализованных гласных связано с изменением качественных характеристик указанных сильных согласных, в том числе и *k*. Поэтому можно полагать, что в словах с фарингализацией этот согласный первоначально был сильным (и одновременно придыхательным), независимо от указанных выше изменений, которым он подвергся впоследствии. При наличии же геминированного *kk* силой и напряженностью характеризовалось произношение одного из удвоенных согласных (вероятнее всего, первого, корневого)²¹. И, напротив, при отсутствии фарингализации гласного, предшествующего согласному *k*, последний, так же как и другие, в прошлом мог быть только слабым. Поскольку в тувинских словах тюркского происхождения гласный, стоящий перед **k*, чаще всего оказывается обычным кратким, нефарингализованным, то можно заключить, что сильный **k* в ряде подобных слов претерпел какие-то другие изменения.

III

В связи с вышеизложенным необходимо обратиться к анализу изменений второго типа, характерных именно для рассматриваемого согласного. Результатом таких изменений является соответствие звуковому комплексу «гласный-*k* (или чередующиеся с ним согласные) + гласный», существующему в других тюркских языках, одного обычного краткого широкого гласного в тувинском языке. Широкие гласные входят и в состав указанного звукового комплекса, причем таковыми могут быть как оба гласных, так и один из них (начальный или конечный).

Слова с указанным соответствием довольно широко распространены в тувинском языке. В качестве примеров можно привести тув. *sal* 'растительность на лице', др.-тюрк. *sakal* 'борода' и его варианты в современных тюркских языках, а также соответственно *ses* и *sekiz* 'восемь', *tos* и *tokuz* 'девять', *ten* и *tiken ~ tikken* 'колючка', *te* 'дикий козел (самец)' и *teke* 'козел', *saγu* 'клещ' и *sakaγku* 'верблюжий клещ', *xoγ* 'неэкономичный, быстро кончающийся, легко расходуемый' и *koγuk* 'пустой, ничтожный; мало, незначительно', *xos* 'пустой, свободный (от чего-либо)' и *koγuz* 'пустой, ничтожный' (можно полагать, что прилагательные-синонимы *koγuk* и *koγuz* связаны с существительным *kok* 'пыль, прах; мельчайшая частица, пылинка' или семантически близким к нему глаголом *kok* 'уменьшаться, идти на убыль'), *šerγi* и *šekürge* 'кузнечик', *tödü* 'весь, вся, все' и *töketi ~ tüketi* 'совершенно, целиком, полностью'.

В некоторых тюркских языках и их диалектах звуковому комплексу с интервокальным *k* может соответствовать долгий гласный. Так, в диалекте черневых татар (туба-кижи) отмечены формы *säl* 'борода', *tënek* 'колючка'.

В единичных случаях рассматриваемый согласный в одних тюркских языках оказывается интервокальным, тогда как в других он находится между гласным и согласным. Так, тувинскому слову *xögek* 'грудь'

²¹ Имеются единичные примеры, когда фарингализация фиксируется перед *g* или *kk*, которым в других языках, по имеющимся данным, соответствует только *g* или *γ*, а также другие согласные, но не *k* (иногда чередующийся с *g* (*γ*), как в ранее рассмотренных случаях). Ср., например, тув. *eγip* 'плечо', др.-тюрк. *eγip*, *eγnip*, *eγip* и современные соответствия, вроде *eγip*, *iγip*, *eγip*, *iγip* и т. д. (РСл., I, 698, 728, 1426, 1438), тув. *suγkku* 'плевок сквозь зубы', *suγkkuγ-* 'плевать (сквозь зубы)' и др.-тюрк. *saγuγ-* 'плевать'. Но в первом случае слово имеет не вполне ясную этимологию и можно предположить наличие в его основе чередования *k* (сильного) ~ *g* (см.: В. Д. Колесникова. Названия частей тела человека в алтайских языках. — В сб.: «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков», стр. 92). Во втором случае слово образовано от звукоподражательной основы по той же модели, что и слова *kaγkkuγ-*, *šakkuγ-*, и эта основа (типа *sak* или *suγ*), по-видимому, оканчивалась на сильный согласный.

соответствуют, с одной стороны, чув. *kăkăg*, кумык. *kökürek*, ног. *kökirek*, кирг. *kökügök*, а с другой — туркм. *kükrek*, уйг., чаг. *kökrek*, узб. *kukrak* *id* и т. д. По-видимому, гласный, следующий за *k*, мог быть вставочным, и тув. *xögek* < *kökürek < *kökrek. В древнетюркских памятниках и некоторых современных тюркских языках этому слову соответствуют *köküz* и его варианты. (Ср. также тувинское парное слово *köъskü* (*köъksü*)-*xögek* 'грудь', первый компонент которого, вероятно, восходит к *köküz, а фонетические его изменения могли быть результатом метатез. Таким образом, в тувинском языке сохранились обе формы тюркских слов).

Необходимый сравнительный материал не всегда можно найти в древнетюркских памятниках, поэтому приходится ограничиваться данными современных языков, где в рассматриваемом комплексе иногда встречается не *k*, а другой заднеязычный согласный, который, можно полагать, является поздним субститутом *k*: тув. *topak* 'затвор (у ружья)' < *tokupak (ср. кумык. *toṷapak* 'затвор (засов)', уйг. *tokupak* 'зацепка; крючок', образованное от глагольной основы *tokup-* 'задевать, зацеплять: сталкиваться'), тув. *tej* 'макушка головы; холм, сопка' < *tekej или *tikej (шорск. *tegej* 'верхушка; темя', хак. *tigej* 'вершина горы; сопка, холм; макушка головы'), *toṷa* 'дятел' < *tokurka (бараб.-тат. *toṷurtka*, *toṷurtku*, чулым.-тат. *toṷurṷa* 'дятел'), *töš* 'пень' < *tökeč (вероятно, от глагола *töke-* 'завершаться. кончаться; истощаться'; ср. шорск. *tögeš*, чулым.-тат. *töges*, якут. *čöŋöčök* 'пень'), *šepək* 'локоть' < *sikenek (кирг. *čykapak*, чулым.-тат. *суṷapak*, сарыгюг. *tikenek id* и др.)²².

В отдельных случаях в других тюркских языках полные соответствия тувинским словам не обнаруживаются, однако их можно возвести к тюркским прототипам с указанным звуковым комплексом. Так, в ряде языков существует слово *toka* ~ *toṷa* ~ *toṷṷa* (азерб.) 'пряжка', образованное от глагола *tok-* 'составлять, соединять' (см. РСл, III, 1140, 1146, 1158; ср. также др.-тюрк. *toku* 'пряжка'). Тувинское *tol* с тем же значением восходит, по-видимому, к *tokal или *tokul, в которых конечный *-l* мог быть аффиксом, придающим основе *toka (*toku) уменьшительный оттенок²³.

В связи с этим следует отметить, что часть слов тувинского языка, входящих в рассматриваемую группу и воспринимаемых в настоящее время как простые, структурно неразложимые, могут восходить к основам, имеющим в своем составе не только словообразовательные, но и формообразующие (словоизменительные) форманты.

Эта особенность присуща, в частности, глаголам, прототипами которых являлись формы различных залогов, несмотря на то, что в рассматриваемом языке формы их исходных основ отсутствуют. Ср., например, тувинские глагольные основы *tön-* 'кончаться, завершаться' и *töt-* 'кончать; израсходовать, растрчивать, транжирить'. Прототипом обеих основ послужил, скорее всего, один и тот же, уже рассматривавшийся выше глагол *töke-*, стоящий соответственно в формах возвратного залога (*toke-+-n-*)²⁴ и каузатива (*töke-+-t-*). Ср. также тув. *šel-* 'дергать; тя-

²² Предполагаемую этимологию слова см.: Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования..., стр. 227.

²³ См. об этом форманте: А. Н. Кононов. К этимологии слова *огул* 'сын'. — «Филология и история монгольских народов». М., 1958, стр. 176.

²⁴ Ср. другую версию происхождения глагола *tön-*, сближающую его с азерб., тур. *dön-*, туркм. *dön-*, тат. *tün-* 'поворачиваться' (см., кроме того, др.-тюрк. *tön-* 'возвращаться'). (А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 92). Но более целесообразно сближать приводимые глаголы не с *tön-* 'кончаться', а с имеющимся в тувинском языке глаголом *dünṷer-* (др.-тюрк. *dönṷer-*) 'переворачивать' (см.: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования..., стр. 514—515).

нуть (с силой)' и др.-тюрк. *şek-* 'тянуть, тащить', *şekil-* 'быть стянутым, затянутым', где *-(i)l-* — аффикс пассивного залога.

Форму возвратного залога можно обнаружить и в глагольной основе *şop-* 'жечь, щипать (об открытых участках кожного покрова — на солнце и морозе)', восходящей, в свою очередь, к существительному *şok ~ соу*, имеющему в различных тюркских языках следующий круг значений: «жар, распространяющийся от огня», «горячий уголь», «пламя», а также «блеск, сияние (солнца)», «блеск, огонь (ума, глаз)» (РСл., III, 2003, 2012; ДТС, 151).

В современном тувинском языке ни один из вариантов указанного слова самостоятельно не употребляется, но следы их, тем не менее, обнаруживаются. Так, к варианту *соу* восходит, по-видимому, тув. *şоу*, являющееся компонентом аналитического наименования (по форме — изафета II) *карак şо* (<*карак şоу*) 'радужная оболочка глаза; острота зрения'. Другой компонент (*şок*) прослеживается (в измененном виде) в рассматриваемом глаголе.

О том, что такое предположение вполне допустимо, свидетельствуют следующие примеры: тур. *şоуап-* 'быть на солнце', тур., чаг. *şоуаş* 'жар солнца' (РСл., III, 2012, 2013). Поэтому можно признать реальность существования глагола **şоуа-* (*şоу+а-*) или **şока-* (*şок+а-*) с предполагаемым значением «подвергать действию солнца». К форме возвратного залога последнего (**şокап-*) и восходит, надо полагать, тув. *şоп*.²⁵

В этом плане представляет также интерес глагол *топур* (*topur*) 'трогать, задевать' (в переносном значении)²⁶. Для него не характерно употребление в повелительном наклонении, и потому, исходя из современного языкового состояния, невозможно определить его основу, совпадающую с формой 1-го лица единственного числа указанного наклонения. Между тем слово *топур* восходит к приведенной выше глагольной основе *токуп-*, имеющей также целый ряд других значений в тюркских языках (ср., например, тур. *dokup-* 'прикасаться; трогать; задевать; оскорблять; вредить'). Эта основа по своему происхождению является залоговой фор-

мой глагола *tok-* или *tok* $\frac{a}{u}$, упоминавшегося выше. Ср. телеут. *tok-* 'ткать', чаг. *tok-* 'составлять, соединять', *тока-* 'ткать', кир., каз., уйг. *току-* 'ткать', шор., хак. *тоуа-* 'встретиться' (РСл., III, 1145, 1147, 1150, 1158), тур. *доку-* 'ткать, плести'.

Некоторые из рассматриваемых тувинских слов имеют в языке параллели, в которых интервокальный *k* не исчезает, а лишь претерпевает определенные изменения, затрагивающие также предшествующий гласный.

Таковыми параллелями являются слова, чаще всего находящиеся в синонимических или близких к ним смысловых связях с рассматриваемыми словами. При этом *те* и другие могут восходить либо к одному прототипу: *те* 'дикий козел (самец)' и *деъге* 'козел-самец (домашний и дикий)'²⁷ <*teke, *соъ* и ранее анализированное *соъуиш* 'драка' <*çokuş ли-

²⁵ Менее убедительным выглядит сопоставление этого слова с глаголами типа *јап-* 'гореть', возводимыми к корню **ја-* (В. Г. Егоров. Указ. раб., стр. 218), поскольку переходы *j > ş* и *a > o* для тувинского языка не характерны. Обычно начальному согласному *j*, имеющемуся в тюркских языках, в тувинском соответствует *ç*, а гласный *a* либо сохраняется без изменений, либо переходит в *y*. Кроме того, в тувинском языке есть слова, которые с большим основанием можно связывать с корнем **ја-*: *çalar* (в сочетании *çalar ot* 'сильный огонь'), *çalbüş* 'пламя', *çалуп* 'жар (от огня)' и т. д.

²⁶ Например: *Kыстунъ çаразы çüreкке топур турар* 'Красота девушки трогает сердце'.

²⁷ Не исключено, впрочем, что слово *деъге* является в тувинском языке монгольским заимствованием. Ср. ст.-письм. монг. *teke*, монг. *tex* 'дикий горный козел', бур. *tehe*, калм. *tek* 'козел (некастрированный)'.
 28

бо (прямо или косвенно) к общим или родственным исходным словам. Таковы, с одной стороны, слова *töt-* 'кончать, израсходовать', *töp-* 'кончаться', *töš* 'пень' и *tödü* 'весь, все, вся', этимологически связанные с глагольной основой *töke-*, а с другой — *döyger-* 'заканчивать, завершать'. *döygege* 'все', *döygü-* 'приближаться (к концу, к цели)', восходящие к прототипам **töker-*, **tökege* и **tökü-*, также имеющим связь с данной основой, хотя характер этой связи не вполне ясен. Впрочем, *döygü-* может восходить к монгольскому прототипу [ст.-письм. монг. *dökü-*, монг. *döx-* 'приближаться, сблизиться (напр., о сроке), завершаться (о работе)']. Ср. также глаголы *тугу-* 'туго (плотно) набивать' и *дүзүү-* *id*, сопоставляемые нами с широко распространенной тюркской глагольной основой *тук-* 'набивать, затыкать' (РСл., III, 1300), а также с турецкими *тука-* 'затыкать; закупоривать' и *тууг-* 'проткнуть, набивать' (РСл., III, 1306), зафиксированными в чалканском (лебединском) диалекте алтайского языка. Ср. также прилагательные *хог* и *хос*, прототипами которых мы называли соответственно слова *кокиг* и *kokuz*, и существительное *коьүгүт* 'продолжительный низовой ветер (нередко с пылью), дующий весной и осенью', возможно, восходящее, в конечном итоге, к слову *кок* 'пыль, прах'. От последнего мог быть образован (с помощью аффикса $-(\frac{a}{u})$ г-) глагол *кокиг-*, означающий 'пылить, поднимать пыль', производным от него следует считать существительное *коьүгүт* < *кокигүт* < *кокиг*-+-т.

IV

Наличие случаев типа *te||deьge* и подобных им позволяет судить о качестве бывшего интервокального *k* по силе артикуляции. Как можно предположить, последний выступал сильным в обоих случаях, в том числе и там, где имела место его элизия, то есть во всех рассмотренных нами выше примерах.

Вышесказанное подтверждается дополнительным языковым материалом. В частности, ряд глаголов с односложными основами, оканчивающимися на некогда сильный согласный (что можно утверждать с достаточной уверенностью)²⁸, имеют грамматические формы с большим числом слогов, в которых этот согласный претерпевает различные изменения. В одних глагольных формах (в частности, в двухсложных причастиях будущего времени на *-r*, а также в других, не рассматриваемых здесь) возникают те же звуковые комплексы, что и в словах *deьge* 'козел-самец' и *šoьүiš* 'драка'. В других глагольных формах (точнее, только в деепричастиях на *-p*) мы фиксируем то же, что и в параллелях этих слов *te* и *šoš*.

Все подобные глаголы характерны как для современных тюркских языков, так и для памятников древнетюркской письменности. В большинстве своем их основы оканчиваются на заднеязычный слабый *k*, восходящий к сильному согласному, сохранившему свое качество в словах тофаларского языка. Так, от глагольной основы *tök-* (тоф. *tэк-*) 'выливать' образуются соответственно следующие причастная и деепричастная формы: *döyger* и *tör* (<*tögür*). Ср. также *хак-* 'бить' (тоф. *qаьq-*), *каьуаг* ч хар; *сок* 'бить, ударять' (тоф. *сэьq* 'расколоть'), *соьуаг* и *сор*; *сөк-* 'распарывать' (тоф. *сэьк-*), *сөьgeг* и *сөр*, *сук-* 'ломать, загигать; выдавливать' (тоф. *суьg-*) *суьаг* и *сур*.

²⁸ Это подтверждается сопоставлением с данными тофаларского языка, где *v* ауслауте приводимых ниже глагольных основ сильные согласные сохраняются и в настоящее время, как о том свидетельствуют материалы, приводимые в упомянутой монографии В. И. Рассадина.

Такие же изменения происходят и в глаголах, основы которых оканчиваются на *-p* (также в прошлом сильный): *ter-* 'пинать; лягать' (<*te-bip*) (тоф. *teър-*), *deъver* и *ter*; *tyr-* 'находить' (тоф. *tuър-*), *duъvar* и *tyr*, *xur-* 'гореть' (тоф. *qыър-*), *kyъvar* и *xur*²⁹.

На основании анализа изменений звукового облика грамматических форм можно делать выводы о первоначальном качестве не только интервокальных (*k*), но и начальных согласных в тех словах, где наблюдалось выпадение *k* с сопутствующими этому процессу преобразованиями. Во всех подобных случаях согласные в анлауте (*s, t, š, x*) являются на современном этапе сильными и, по-видимому, были таковыми и до указанных преобразований. Об этом свидетельствует наличие начальных напряженных согласных как в приводимых глагольных основах, так и в деепричастных формах, где как бы «восстанавливается» первоначальное качество таких звуков.

В то же время для согласных в анлауте, исконно являвшихся сильными, характерно превращение в слабые, соотносимые с прежними по месту образования, перед последующими фарингализованными гласными, что связывается со свойственным тувинскому языку ослаблением неначальных (по В. М. Илличу-Свитычу, только интервокальных, что не вполне точно) сильных согласных³⁰.

Вероятно, именно наличие у прототипов рассматриваемых тувинских слов начальных сильных согласных и было одним из условий, способствовавших утрате интервокального согласного, восходящего к сильному *k* (и отчасти *p*), и сопутствующим этому процессу изменениям в звуковом комплексе *VCV*. Лишь у немногих слов с начальными гласными зафиксировано соответствие тувинского краткого гласного звуковому комплексу с возможным интервокальным *k*. Таким словом является, в частности, *os* 'бурелом; затор на реке' (<**okus, *okuz?*). Ср. телеут. *oγus* 'куча леса, нанесенного водой' (РСл., I, 997), куманд. *uγus* 'мусор, сор'. Не исключено, однако, что это слово с неясной этимологией могло прийти в тувинском языке особым путем развития, минуя стадию с интервокальным *k*, чего, по-видимому, нельзя сказать о ранее рассмотренных нами словах с начальными сильными согласными.

V

На основании изложенного правомерно заключить, что возникшая на каком-то этапе истории тувинского языка тенденция к изменению качества неначальных сильных согласных, а в их числе — интервокальных шумных смычных, приведшая в конечном итоге к сонантизации и ослаблению последних, развивалась двумя путями. Первый из них, наиболее обусловленный комбинаторно, связан с исчезновением интервокальных согласных (в первую очередь ртовых смычных, в частности *k*); второй, позиционно менее обусловленный, — связан с частичными видоизменениями звукового комплекса, в состав которого входили указанные соглас-

²⁹ Выпадение согласного *p* в указанной деепричастной форме этих и некоторых других глаголов (но с образованием долгих гласных) отмечено также в алтайском, хакасском и киргизском языках. См. об этом: Г. М. Тоцакова. Орфография алтайского языка. Горно-Алтайск, 1958, стр. 34—35; В. Г. Карпов. Хакасский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. II. М., 1966, стр. 431; Н. К. Дмитриев. Вторичные долготы в тюркских языках. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. I. М., 1955, стр. 202. В некоторых языках наблюдается выпадение интервокального *k*, также сопровождаемое появлением вторичных долгот. См., в частности, языковые материалы по северным диалектам алтайского языка, опубликованные в монографиях Н. А. Баскакова, посвященных этим диалектам.

³⁰ В. М. Иллич-Свитыч. Указ. раб., стр. 43.

ные, но без их утраты (в частности, с появлением фарингализации у гласных).

Можно полагать, что первый путь реализации данной тенденции соответствовал более ранней стадии языкового развития. Об этом свидетельствуют структурные и смысловые особенности многих слов с кратким гласным, восходящим к комплексу с интервокальным *k*, а также тот факт, что среди этих слов не зафиксированы бесспорные монгольские заимствования, заметное проникновение которых в лексику тувинского языка началось, скорее всего, в XIII—XIV вв. (частично, возможно, и несколько раньше)³¹. В явных же монголизмах, по нашим данным, изменение сильных согласных, в том числе и заднеязычных, идет по второму пути.

Архаичность процесса элизии интервокального *k* (с предшествующей этому сонантизацией) косвенно подтверждается характером сопутствующих ему изменений, в частности, отсутствием долготы при стяжении соседних гласных звукового комплекса «гласный + *k* + гласный». Действительно, кажется неясным, почему в основах слов тувинского языка элизия рассматриваемого согласного, а также и *p* (в деепричастных формах) не сопровождается долготой, как, например, на стыке основы и словоизменительного аффикса. (Ср. примеры типа *balyk* 'рыба' и *balū* 'его рыба')³². Анализируя деепричастные формы, можно объяснить это утратой долготы в прошлом³³. Такая трактовка представляется в общем приемлемой, и вместе с тем она позволяет сделать вывод, что слова и их формы, претерпевшие подобные преобразования, прошли более длительный путь развития, чем слова и формы с вторичными долгими гласными, и исчезновение интервокального согласного произошло у них раньше.

Не исключено, однако, что в период, когда происходило указанное изменение, в тюркском языке, послужившем основой современного тувинского, вторичные долготы вообще не существовали, а появились позднее. Именно поэтому стяжение соседних гласных могло привести к появлению краткого гласного, минуя стадию долготы, в отличие от некоторых других тюркских языков, где элизия соответствующих согласных повлекла за собой образование долгот.

Есть также основания полагать, что первый способ реализации тенденции к изменению качества неначальных сильных согласных уже на раннем этапе развития языка сменился вторым. Процесс утраты интервокальных (бывших сильных придыхательных согласных) с сопутствующим ему изменениями охватил лишь единичные ртовые смычные³⁴ в сравнительно немногочисленных словах, часть из которых имеет параллели, где данные согласные сохранились, а предшествующие им гласные являются фарингализованными. Второй путь реализации указанной тенденции был позиционно менее обусловленным и, в этом смысле, более «универсальным», и, возможно, именно этим объясняется широкое распространение его в тувинском языке.

³¹ См.: Б. И. Татаринцев. О лексических заимствованиях в тувинском языке. — «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. XV. Кызыл, 1971, стр. 159—160.

³² См. также: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Указ. раб., стр. 37—38.

³³ Там же, стр. 39—41.

³⁴ В типологическом плане этот процесс можно сопоставить с характерным для многих языков различных семей «изнашиванием» ртовых смычных, ведущим к их исчезновению и образованию на их месте гортанной смычки. См. об этом: Вяч. Вс. Иванов. О происхождении ларингализации—фарингализации в енисейских языках. — В сб.: «Фонетика. Фонология. Грамматика». К 70-летию А. А. Реформатского. М., 1971, стр. 134—135.

М. И. ТРОФИМОВ

АНЛАУТНЫЙ j , ГЕМИНАТЫ И ГЛУХИЕ ДИФТОНГИ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Существование в уйгурском языке особых глухих дифтонгов отмечено многими авторами. Сущность этих звуков и их происхождение представляют собой вопросы, нуждающиеся в отдельном рассмотрении. Уже Г. Рекетт отметил существование особого свистящего i , произносимого со сжатыми челюстями, при сближении языка с передней частью нёба¹. Г. Ярринг пишет, что этот звук более передний, чем i , произносится при более сближенных челюстях — «жужжание»². С. Е. Малов дает такое описание: звук i сопровождается привходящим звуком $\check{s}$; в конце артикуляции гласного свободный проход для воздуха сужается и примешивается фрикативный $\check{s}$ ³. К. Шрифль называет этот $\check{s}$ «паразитическим»⁴. Некоторые авторы, например О. Прицак, Т. Талипов⁵ и другие, прямо говорят о возникновении эпентетического $\check{s}$.

Поскольку $\check{s}$ образуется в результате появления щели примерно в той же области, что при артикуляции j , то $i\check{s}$ можно считать возникшим в результате оглушения дифтонга ii или своего рода глухим дифтонгом. Слово $ri\check{s}t\check{p}uxo$, производное от $ri\check{n}\check{a}$ 'интрига', указывает на то, что здесь скорее имеет место дифтонг (в соответствии с мнением С. Е. Малова), так как трудно предположить возможность стечения трех согласных даже в середине слова.

Г. Ракетт указывает, что этот звук встречается довольно редко и то лишь в «вульгарной» речи. О. Прицак через пятьдесят лет после него оговаривается, что три таких слова существуют и в литературном языке (впрочем, как известно, в начале XX в. литературный язык имел другую диалектную основу, нежели полвека спустя). Согласно данным Э. Р. Тенишева, этот звук встречается во всех диалектах, северных и южных, за исключением лобнорского, причем почти везде, случайно или не случайно, — одновременно с регулярным или спорадическим переходом $j > \check{z}$ в

¹ G. Raquette. A Contribution to the existing Knowledge of the Eastern-Turkestan dialect... — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», XXVI, 5 Ah. Helsingfors, 1909. стр. 3.

² G. Jarring. Studien zu einer osttürkische Lautlehre. Lund—Leipzig, 1933. стр. 124.

³ С. Е. Малов. Материалы по уйгурским наречиям Син-Дзяна. — В сб.: «С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности». Л., 1934, стр. 310.

⁴ K. Schriefl. Bemerkungen zur Sprache von Kašgar und Jarkend. — «Keleti Szemle». XIV. Budapest, 1913—1914, стр. 182.

⁵ О. Pritsak. Das Neuuiigurische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», I. Wiesbaden, 1959, стр. 541; Т. Талипов. Метатеза гласных и согласных в тюркских языках. — В сб.: «Исследования по уйгурскому языку», ч. II. Алма-Ата, 1970, стр. 86.

начале слова перед узкими гласными⁶. По-видимому, об аналогичном явлении в татарском языке говорил Г. Шараф⁷.

Что касается возникновения этого призвука, то чаще других дискутируется гипотеза М. Хартманна, согласно которой сначала возник протетический *j*, затем произошла метатеза: *iki* > *jiki* > *ijki* и, наконец, осуществился переход *j* > *š*⁸. К. Менгес вслед за В. Бангом опять-таки предполагает здесь наличие «вытянутых» форм, то есть, очевидно, возникших в результате удлинения *i* или возникновения дифтонга⁹. К. Шрифль справедливо указывает, что не все случаи можно объяснить гипотезой М. Хартманна и выдвигает свою собственную: в позиции между двумя согласными или в абсолютном начале слова перед согласным узкий гласный редуцируется и даже полностью заглушается. Этому способствует и само качество гласного. Редуцированный *i* переходит в *j* и далее в *š*. Однако слогаобразующий *š* неудобен для произношения, поэтому развивается переходный гласный (как в словах *išt̪ap*, *išpion*), позиция которого (перед или после спиранта) зависит от фонетического окружения. Неясно также, являются ли гласные в этом случае полными или редуцированными¹⁰. В самом деле, С. Е. Малов приводит такие слова в форме *iške*, *kišt̪ap*¹¹, Г. Ярринг — в форме *išt̪||išit̪*, *iški||išiki* (ср. там же *bzi*¹), а К. Шрифль — в форме *iškiki* и *kšit̪ab*.

В качестве примеров чаще всего приводятся слова *išt̪* (<*it*), *pišt̪* (<*pit*), *iški* (<*ikki*) и *išt̪ik* (<*ittik*)¹². Г. Ракетт дает следующий список слов: *it* 'собака', *pit* 'вошь', *iki* 'два', *ki* 'грязное белье', *kim* 'одежда', *il/jil* 'год', а также *bir* 'один', *kim* 'кто', *kitab* 'книга' (в последних этот звук встречается sporadически)¹³. Несколько иной список приводится К. Шрифлем по данным М. Хартманна: *ikki* 'два', *patisči* 'пастух', *išči* 'его нутро', *išt̪ik* 'острый', *kščka-* (*kyčka-*) 'звать', *kšit̪ab* 'книга'¹⁴. К этому перечню можно еще добавить слова *pišč-* 'резать', *pišt̪nixo* 'склочник, интриган', *uštmāk* 'терять'¹⁵, *pišadā* (*pijadā*) 'пешком' и, может быть, слова *išt̪armāk* 'толкать', *ipāk||jipāk||žipāk* 'шелк'¹⁶ (у Л. А. Аганиной выступает в форме *ihpāk*, что, по-видимому, также свидетельствует о наличии призвука)¹⁷, арабск. *iplas* 'грязный'¹⁸ (в семиреченском просторечии — *čiplas*. Переход призвука в анлаутную позицию объясняется стремлением избежать стечения согласных, а переход спиранта в аффрикату — в свою очередь, его анлаутной позицией).

В связи с тем, что артикуляция данного звука описывается по-разному, разнятся также списки приводимых примеров и расходятся интерпретации его образования, вообще трудно быть уверенным, что во всех слу-

⁶ Э. Р. Тенишев. Об уйгурских диалектах Синьцзяна. — В сб.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 138—148.

⁷ См.: Т. Талипов. Указ. раб., стр. 87—88.

⁸ M. Hartmann. Ein türkischer Text aus Kašgar. — «Keleti Szemle», VI. Budapest, 1905.

⁹ K. Menges. [Рец.:] G. Jarring. Studien... — «Göttingische gelehrte Anzeigen», 1934, № 5, стр. 372

¹⁰ K. Schriebl. Указ. раб., стр. 183.

¹¹ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 311.

¹² G. Jarring. Указ. раб.

¹³ G. Raquette. Указ. раб., стр. 3.

¹⁴ K. Schriebl. Указ. раб., стр. 183.

¹⁵ Т. Талипов. Указ. раб., стр. 86—87.

¹⁶ Э. Р. Тенишев. Указ. раб., стр. 145; Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, т. I. Алма-Ата, 1970, стр. 56.

¹⁷ Л. А. Аганина. Фонетические закономерности чиликского диалекта уйгурского языка. — «Краткие сообщения Института народов Азии», 72. Языкознание. М., 1963, стр. 133.

¹⁸ Ср. Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 21.

чаях речь идет об одном и том же явлении. Представляется бесспорным только то, что такие примеры, как *br* 'один' и *jigirmä* 'двадцать', надо рассматривать отдельно и что, вероятно, существует звонкая разновидность того же звука, в которой, однако, призвук более близок к *ž*, чем к *j*.

Тем не менее мы попытаемся сопоставить обе гипотезы — М. Хартманна и К. Шрифля. В возникновении этих звуков, в частности в словах *it*, *pit*, *j*, видимо, действительно принадлежала известная роль¹⁹. Р. Шоу приводит слово *ike* также с *j* — *ijke*²⁰. Далее *j* выступал в абсолютном начале слова в словах *ipäk*, *üštmäk*, *üštärmäk*, что доказывается формами *žipäk*, *žütmäk*, *žütärmäk*²¹ (в последних словах выступает уже не дифтонг *iš*, а дифтонг *üš*). *J* зарегистрирован также в слове *ištik* < *jitik*²². (Впрочем, К. Брокельман объясняет возникновение здесь *j* из твердого приступа). В некоторых случаях мы имеем заместительную долготу, как, например, в словах *kī*(r) и *kīm* (< *kijim*), которая, однако, также может чередоваться с *j*. *J* выступает в слове *jil*, причем здесь он подвержен выпадению. Возможно, в этом слове, взятом из списка Г. Ракетта, развилась звонкая разновидность того же дифтонга (под влиянием сонорного *l*). Далее выступает интервокальный *j* в слове *rijadä||pišadä*, и, наконец, имеется ряд слов, в которых *i* стоит в их абсолютном начале и где существовала абстрактная возможность возникновения протетического *j*: помимо уже указанных *it*, *ikki*, *ittik*, — *ič*, *itärmäk*, *iplas*.

В тюркских языках вообще и в уйгурском в частности происходят два следующих противоположных процесса — возникновение и отпадение протетического *j* в начале слов. Большинство авторов, исследующих уйгурский язык, больше говорят об отпадении *j* в начале слова перед узкими гласными, чем о возникновении протетического *j*. Таким образом, *j*, отпадающий в начале некоторых слов, можно условно назвать первоначальным; например: *ilan* < *jilan*, *ildam* < *jildam*, *ilpiz* < *jilpiz*, *ilqa* < *jilqa*, *iltiz* < *jiltiz*, *il* < *jil*, *ivär* < *jihär*, *iynä* < *jıynä*, *ipäk* < *jipäk*, *üz* < *jüz*, *üzüm* < *jüzüm*, *üzük* < *jüzük*, *Üsüp* < *Jüsüp*²³. Аналогичные примеры приводятся О. Прицаком для разных диалектов, включая лобнорский и язык саларов, а также К. Брокельманом для языка, относящегося к несколько более раннему периоду, в том числе примеры выпадения *j* перед широкими гласными, например, хотанск. *är* 'земля', саларск. *at* 'лежать'²⁴. Б. М. Юнусалиев указывает, что это явление вообще широко распространено в тюркских языках. Согласно Махмуду Кашгарскому оно характерно прежде всего для диалектов огузов и кыпчаков²⁵.

Напротив, о протетическом *j* более уверенно говорят авторы, занимающиеся исследованием других тюркских языков или тюркских языков в целом. Г. Моргенстерн лишь упоминает, что в яркендском диалекте, так же как и в узбекских говорах, протетический *j* встречается спорадически, однако не приводит в подтверждение никаких примеров²⁶.

¹⁹ К. Menges. Указ. рец., стр. 372; Б. М. Юнусалиев. Заметки о выпадении некоторых согласных в основах слов тюркских языков. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. IV. Баку, 1966, стр. 28.

²⁰ R. B. Shaw. A Grammar of the language of Eastern Turkistan. — «Journal of the Asiatic Society of Bengal», Vol. XLVI, p. 1, Calcutta, 1877, № 3, стр. 252.

²¹ Т. Талипов. Указ. раб., стр. 86.

²² С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, стр. 47; Т. Талипов. Указ. раб., стр. 92.

²³ Л. А. Аганина. Указ. раб.; А. Кайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Һазирки заман уйғур тили. Алмута, 1963, 1-нчи қисим. Лексика вә фонетика, стр. 211; Б. М. Юнусалиев. Указ. раб., стр. 24; Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 54.

²⁴ О. Pritsak. Указ. раб., стр. 541; С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 46.

²⁵ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 46.

²⁶ G. Morgenstierne. Gleanings from Turki dialects. — «Studia Septentrionalia», Bd II (Festschrift til K. Nielsen), Oslo, 1945, стр. 142—143.

Л. А. Аганина также указывает, что в чиликском говоре *j* изредка выступает в качестве протезы, но приводит лишь спорный пример *jüzük*. К. Брокельман отмечает, что наряду с отпадением начального *j* наблюдается возникновение протезы из твердого приступа²⁷. Э. В. Севортян считает этот вопрос нерешенным, причем приводит примеры, соответствующие уйгурским *jıraq||žıraq*, *jirik||žirik*, тому же *jip||zip*, *jıyla-||žıyla-* (азерб. *ayla-*) и *jaǰač* (азерб. *aǰač*)²⁸. Н. К. Дмитриев также останавливается на вопросе о протетическом *j*, причем относит его в основном к огузским языкам²⁹. Наконец, А. М. Щербак считает, что *j* в начале слова вообще не является в тюркских языках первоначальным. В частности, в словах *jıyla-* и *jaǰač* он считает его протетическим (<**ayla-* и *aǰač)³⁰.

Интересно сопоставить слова приведенного выше ряда, в которых, по предположению М. Хартманна, *j* должен возникать, со словами другого ряда, в которых он выпадает в абсолютном начале слова. В группе *it*, *ikki*, *ittik*, *ič*, *itärmäk*, *ipäk*, *iplas* он должен выступать перед глухими смычными согласными, тогда как в словах *ilan*, *ildam*, *ilpiz*, *iltiz*, *ilqa*, *ilyq* он выпадает чаще всего перед сонорным *l*, но иногда также и перед другими сонорными, звонкими шумными или глухими спирантами: *iväg*, *iṗä*, *iñčikä*, *ip*, *ipäk*, *üz*, *üzük*, *üzüm*, *Üsür*.

К. Шрифль и Т. Талипов справедливо замечают, что формы типа *iki*, *ijtik*, *kjıtab* и т. п. нигде не засвидетельствованы³¹. Поэтому можно предположить, что *j* выступает здесь не в виде конкретного реального звука, а как некая абстрактная величина, что же касается метатезы М. Хартманна, то она может быть представлена не действительно происходившим конкретным историческим процессом, а компонентом более сложной картины.

В другой группе слов существование *j* вообще трудно себе представить. Сюда относятся слова: *kitab*, *pič-*, *pištıno*, *qučqar-*, а также *kim*. Именно к ним может быть в первую очередь отнесена гипотеза К. Шрифля о редукции. Следует отметить при этом, что во всех этих словах предполагаемая редукция происходит в первом слоге (ср. *p'šip*, *č'qur*, *p'čaq* и т. п.). Во всех примерах предыдущей группы это явление также возникает в первом слоге. Однако здесь, несомненно, имеют место различные явления, что отчетливо можно видеть хотя бы на примере двух слов из списка Г. Ракетта: *kim* и *kım* (если даже не учитывать того, что сонорный *m* мог оказывать озвончающее действие на наш гипотетический звук), в которых ясно противопоставлены долгота и редукция.

Отметим два слова, в которых тема звука *iš* переплетается с темой геминатии: это *ikki* и *ittik*. Четыре слова, указанные в списке Г. Ярринга и обычно приводящиеся в качестве примеров, в данном случае можно связать между собой следующим образом: если в словах *it*, *pit* можно предположить долгий гласный (так же, как в некоторых других словах этого ряда), то в словах *ikki*, *ittik* выступает уже долгий согласный. Таким образом, мы здесь наблюдаем явление, получившее у некоторых авторов название «контрастной корреляции количества»: если гласный — долгий, то следующий за ним согласный — краткий, и наоборот. Поэтому возникновение глухих дифтонгов может оказаться связанным с двумя такими

²⁷ С. Brockelmann. Указ. раб.

²⁸ Э. В. Севортян. Материалы по сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика. М., 1955, стр. 37.

²⁹ Н. К. Дмитриев. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках. — Там же, стр. 286.

³⁰ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 80.

³¹ К. Schriefl. Указ. раб., стр. 183; Т. Талипов. Указ. раб., стр. 87.

разными явлениями, как дифтонги и геминация, и иметь точки пересечения с каждым из них. (М. Хартманн предполагает в слове *ittik* просто диссимиляцию двух *t*, хотя диссимиляция такого типа и неизвестна в уйгурском языке).

Геминатам в тюркских языках посвящена довольно обширная литература; в частности, о геминатах в уйгурском языке специальная статья написана Г. Садвакасовым³². Основываясь главным образом на этой последней работе, мы решаемся предложить следующую классификацию геминат в уйгурском языке.

Геминаты должны быть прежде всего подразделены на мнимые и истинные. К мнимым относятся геминаты, образовавшиеся на стыке морфем в результате стечения согласных, ассимиляции и других аналогичных причин; остальные геминаты — истинные. Конечно, подобное подразделение является в известной мере условным. Различное происхождение не обуславливает различия в их сущности. Расхождения в морфологическом плане далеко не всегда приводят к расхождению в фонетическом плане; что же касается фонологии, то уже отмечалось, что гласные перед геминатами не подвергаются умлауту в таких словах, как *qattıq* и *aşuq*. Последнее означает, что геминированный согласный как бы играет роль перегородки из двух согласных и, следовательно, может быть разделен на два согласных — имплозивный и эксплозивный.

Истинные геминаты, в свою очередь, могут быть подразделены на исконные и заимствованные. Мнимые геминаты, и особенно заимствованные, подвержены упрощению³³ и поэтому самостоятельной роли в языке не играют. Исконные же могут быть подразделены на геминаты речи и геминаты языка. Следует отметить, что здесь в первую очередь противопоставляются не литературный язык и разговорная речь, а язык и речь вообще. Фактор экспрессии, очевидно, прежде всего сказывается в речи.

К первой группе, то есть к геминатам речи, относятся в первую очередь геминаты:

а) выступающие в междометиях и всякого рода речениях междометного характера, то есть таких, где экспрессивная функция превалирует над экспликативной: *hässinä* (<*hã seni hä*) 'эх-ма!', *jappirim* (<*ja pirim*) 'о боже!', *beşşinî jegüg* 'будь ты проклят!', *mammañni kö: süttimä* 'я покажу тебе кузькину мать!', *akkañ* (*akañ*) 'Я!' (когда подчеркивают свою роль), *attam, annam* 'миленький!' (мать о ребенке, когда ласкает его);

б) слова с качественной семантикой, в первую очередь прилагательные, иногда также наречия, в которых геминация служит для образования интенсивной формы: *jumşaq* 'мягкий-премягкий', *tolluq* 'полный-преполный', *illdam* 'очень быстро', *oñajla* 'легко-легко', *muzzdäk* 'холодный-прехолодный';

в) некоторые существительные с аффиксами пространственных падежей, обозначающие место. В этом случае геминация также обозначает степень приближения к месту, например: *jennida*, *qeşşida*, *tüvvidä* 'в непосредственной близости', *uçşida* 'на самом кончике', *çettidä* 'на самом краю', *töppisidä* 'на самой вершине', *qattirisiya* (<*qatar+i+si+ya*) 'ровнехонько'. То, что эти слова выступают в умлаутной форме, опять-таки доказывает, что подобное явление относится больше к области речи, нежели языка.

Конечно, в какой-то мере эти формы существуют и в области языка, причем стоят несколько особняком, так же как, например, турецк. *anne*

³² Г. Садвакасов. Двойные согласные в современном уйгурском языке. — «Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественная», 1968, № 5, стр. 48—53.

³³ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 66.

‘мама’³⁴, а в таких случаях вступают в действие особые фонетические закономерности, не характерные для языка в целом³⁵.

Ко второй группе, то есть геминатам языка, относятся те из них, которые являются единственно возможным средством выражения данного значения, поскольку здесь имеется в виду лишь экспликативная функция речи (при этом экспрессия в большинстве случаев отсутствует). Сюда входят:

а) наречия с аффиксом *-idä*, выступающие как «изобразительное средство с обобщенными значениями интенсивности, мгновенности и неожиданности действия, обилия, избытка чего-либо и пр.»³⁶, зачастую не поддающиеся точному переводу, например: *žiq* ‘много’, *žiqqidä* ‘очень много’; *žim* ‘тихо’, *žimmidä* ‘тихо-тихо’ и т. п. Хотя здесь находит выражение экспрессия, геминация не может быть связана только с ней, поскольку данная форма является единственно возможной для выражения соответствующего значения;

б) несколько существительных, в частности, *ortǵa||ottura*, а также *šoqqa* ‘вершина’, *šekkä* ‘висок’. Согласно Г. Садвакасову, образование данной группы может быть объяснено путем сопоставления с пунктом «в» первой группы, а именно: от некоторых существительных, например *ortǵa||ortu*, образовались формы с аффиксами пространственных падежей, например *ortusyda*, которые могли также выступать в экспрессивной форме с удвоенными согласными. Затем эти формы стилистически нейтрализовались и сделались единственно возможными, а геминация по аналогии распространилась и на исходную форму. Различие между существительными этих двух групп заключается в том, что если в первой группе (пункт «в») экспрессивная форма образуется с помощью геминации и удлинения гласного первого слога, то в последней группе она может образовываться с помощью только удлинения гласного. Таким образом, в двух последних группах геминация также может быть объяснена экспрессией с той или иной степенью достоверности;

в) некоторые прилагательные и изредка наречия с качественной семантикой, например: *qattyq* ‘твердый’, *issyq* ‘горячий, жаркий’, *ašsyq* ‘горький’, *illyq* ‘теплый’, *uššaq* ‘мелкий’, *ruššyq* ‘спелый, крепкий’, *perpiz* ‘тонкий’, *imşyq* ‘теплый, без ветра’ (о погоде). Это явление широко распространено в различных тюркских языках. Н. К. Дмитриев приводит примеры: туркменск. *gaqqu* ‘старый’, *agquq* ‘худой’, *yssy* ‘жаркий’, кумыск. *ašsy* ‘горький’, *issi* ‘теплый’, *ullu* ‘большой’, *gičči* ‘маленький’, *itti* ‘острый’, *qatty* ‘твердый’, турецк. *yssy* ‘горячий’³⁷. А. М. Щербак также приводит примеры: туркменск. диалектн. *jassi* ‘гладкий, плоский’, узбекск. диалектн. *šyčči* ‘сладкий’, *sassi* ‘вонючий’, *ully* ‘большой’, *kičči* ‘маленький’³⁸. Сюда же можно отнести некоторые наречия. Так, например, у Г. Садвакасова *uttur||uddul* ‘прямо’, у К. Брокельмана *jaqqun* ‘близко’³⁹. Напрашивается сопоставление с рассмотренной выше группой прилагательных и наречий (первая группа, пункт «б»), хотя конкретные пути перехода от прилагательных типа этой группы к прилагательным данного типа не совсем ясны.

Для отдельных прилагательных и наречий типа второй группы (пункт «в») могут предлагаться этимологии другого рода, однако это не

³⁴ Н. К. Дмитриев. Двойные согласные в тюркских языках. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I, стр. 263.

³⁵ А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 47—48.

³⁶ Г. Садвакасов. Указ. раб., стр. 51.

³⁷ Н. К. Дмитриев. Двойные согласные в тюркских языках, стр. 262.

³⁸ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 104.

³⁹ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 114.

ставит под сомнение самое существование этой группы. Например, Н. К. Дмитриев дает этимологию *arttyk* 'более' < *artdyk*, *kattyk* < *katdyk*⁴⁰; К. Брокельман приводит этимологию *uluq* 'великий' < *ulluq 'обоснованный'⁴¹. В некоторых случаях такие этимологии достаточно прозрачны и убедительны, например: *аррақ* образовался в результате ассимиляции хамзы⁴², однако гемината была принята и истолкована языком как выражение превосходной степени и экспрессии уже вторично. То же самое относится и к наречию *mäkkäm* < *mähkäm* 'прочно, твердо'⁴³.

Своей связью с явлением умлаута внимание исследователей многократно привлекали два слова: *qattyq* 'твердый' и *ačsuq* 'горький'. Г. Садвакасов указывает, что умлаут в этих словах не наступает именно благодаря геминации, играющей роль перегородки из двух согласных и закрывающей первый слог. При этом он приводит такие пары слов: *qattyq* 'твердый' — *qetiq* 'простокваша' (видимо, от того же глагола *qatmaq* 'затвердевать'), *ačsuq* 'горький', но *ečiq* 'место разветвления арыка'. (Возможно, еще убедительнее пример Г. Ярринга *æčylamʷq* 'быть, становиться кислым'⁴⁴). Большинство авторов вместе с Г. Садвакасовым считают, что геминированная форма является вторичной⁴⁵ (исключение составляют Н. К. Дмитриев, этимология которого для *qattyq* приведена выше, и В. Банг, предлагающий свою этимологию для *ačsuq* < *atsuy)⁴⁶. Интересно, что В. Банг и Г. Ярринг, указывая на неподверженность этих слов умлауту⁴⁷, приводят их не с геминированным согласным, а с простым: *ačiq*, *qʷtiq* (в последнем слове лабиализация гласного первого слога, на которую иногда указывает Г. Ярринг для кашгарского говора, представляет собой, очевидно, результат влияния узбекского). Возникает вопрос: не предшествовала ли геминации своего рода долгота гласного первого слога? Ведь именно в этом случае такая долгота могла служить механизмом, через который осуществлялась «тенденция к укреплению первого слога и сохранению корневого вокализма»⁴⁸.

Г. Садвакасов указывает, что в экспрессивной форме слов первой группы (пункты «б» и «в») геминация согласного сочетается с удлинением предшествующего гласного первого слога (которое в статье Г. Садвакасова называется ударением). Однако данное явление относится скорее к области речи, тогда как в области языка может существовать другая закономерность, в некоторых случаях именуемая «контрастной корреляцией количества»⁴⁹; в определенных словах выступает или долгота гласного, или долгота следующего за ним согласного. В уйгурском языке как рефлекс согласного, выпадающего в исходе слога, выступает или долгота предшествующего гласного (в частности, в илийском говоре), или долгота следующего за ним согласного (в частности, в кашгарском и

⁴⁰ Н. К. Дмитриев. Двойные согласные в тюркских языках, стр. 261.

⁴¹ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 66.

⁴² Там же, стр. 67.

⁴³ А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, ч. I. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата, 1969, стр. 294.

⁴⁴ G. Jarring. Указ. раб., стр. 91.

⁴⁵ О. Pritsak. Указ. раб., стр. 542; С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 67; «Ҳазирки заман уйғур тили», стр. 213.

⁴⁶ K. Menges. Указ. раб., стр. 370.

⁴⁷ W. Bang. Zur Geschichte der Gutturale im Osttürkischen. — SBAW, Phil.-hist. Kl. Berlin, 1915, XV, стр. 271; G. Jarring. Указ. раб., стр. 91.

⁴⁸ Ф. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров узбекского языка. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1961, стр. 132.

⁴⁹ А. М. Мамедов. Древнетюркская акцентуация и некоторые вопросы развития фонологических систем тюркских языков. — «Советская тюркология», 1970, № 5, стр. 67—68.

ферганском говорах): *ba:ma—bamma*, *a:midī—ammidī* и т. д.⁵⁰ А. Лекок указывает для комкульского диалекта вторичную экспрессивную долготу как раз в слове *ulūγ* 'великий'⁵¹. Любопытно также отметить, что слово *ilūγ* выступало первоначально с анлаутным *j* — *yilīγ*⁵².

Следующая группа примеров («г») — это в основном числительные: *ikki*, *jättä*, *säkkiz*, *toqquz*, *ottuz*, *ällik*. Для некоторых из этих слов существуют такие этимологии, как, например, *ällik* < *äl*+*lig*, то есть «горсть» (Банг и Рамстедт)⁵³. Однако об этих этимологиях можно сказать то же, что говорилось выше о других: независимо от степени их достоверности факт существования данной группы остается несомненным. Хотя конкретные пути происхождения этой геминации остаются столь же неясными, как и для прилагательных предыдущей группы, напрашивается сопоставление с чувашскими числительными. В чувашском языке, где имеются два ряда количественных числительных первого десятка — полные и краткие, — полные, употребляющиеся при абстрактном счете, выступают с геминатами: *рег—реггä*, *vis'—vis's'e*. В связи с этим можно предположить наличие в счете элемента эмфазы⁵⁴. К. Брокельман указывает, что геминаты в древности могли упрощаться⁵⁵. Но, в конце концов, это могло быть и вторичным явлением.

К данной группе могут примыкать и некоторые другие слова, например, *päččä* (< *pä*+*čä*)⁵⁶, а также названия, связанные с игрой в альчики; *rukka*, *takka*, *čikka*. Возможно, что здесь мы так же, как при счете, имеем дело с элементом эмфазы.

Еще одну группу примеров («д») составляют те междометия, в которых геминация окончательно превратилась из окказионального явления в узуальное, например: *bäll!*, *ättäginäj* 'эх, жаль' (возможно, родственно *ättäj* 'умышленно, нарочно'), *älläj* (дает производный глагол *älläj ätmäk* 'баюкать').

Конечно, есть еще слова, вообще остающиеся за пределами всех групп, с неясной этимологией, например такие, как *ussul* 'танец'.

Таким образом, слова *ikki* и *ittik* принадлежат к двум наиболее характерным группам слов с геминатами, и геминация в них представляет собой давнее явление, прочно укрепившееся в языке.

Интересно отметить существование различных точек зрения еще по одному пункту. Как указывает Г. Садвакасов, прилагательные первой группы («б») (с непостоянными геминатами), сопоставляемые обычно с прилагательными второй группы («в») (с постоянными геминатами), в экспрессивной форме имеют ударение на первом слоге. Если прилагательные второй группы действительно произошли от прилагательных первой группы, то прилагательное *ittik* в какой-то момент должно было нести ударение на первом слоге. Но, с другой стороны, К. Шрифль предполагает, что форма *ištik* возникла в результате редукции первого слога и даже специально подчеркивает это как условие отсутствия главного ударения на первом слоге⁵⁷. Однако трудно себе представить, чтобы в то время как форма *ittik* возникла при удлинении гласного первого слога, форма *ištik* возникла бы при его редукции. Поскольку вопрос о связи уда-

⁵⁰ Г. Садвакасов. Двойные согласные..., стр. 50; *его же*. Язык уйгуров Ферганской долины..., стр. 25; А. Т. Кайдаров. Указ. раб., стр. 169.

⁵¹ См.: С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 52, прим. 5.

⁵² Там же, стр. 46.

⁵³ Там же, стр. 66.

⁵⁴ Н. К. Дмитриев. Двойные согласные..., стр. 263—264.

⁵⁵ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 66, 160.

⁵⁶ Там же, стр. 79.

⁵⁷ К. Schriefl. Указ. раб., стр. 186.

рения с редукцией в уйгурском языке вообще остается нерешенным во многих отношениях, этот частный вопрос, вероятно, еще некоторое время также останется открытым.

Хотя гипотеза К. Шрифля дополняет гипотезу М. Хартманна, и в некоторых отношениях она заметно полнее последней, все же одно слово остается необъясненным и ею, а именно, *paŋšči* < *paŋäči* 'пастух'. Редукция возможна, конечно, и в средних слогах, но она здесь иного типа, чем в начальных, и, следовательно, приведенные выше примеры уже не могут служить тут аргументами. Поэтому, видимо, существует еще третий фактор, кроме двух, указанных выше, — характер последующего согласного. Г. Ярринг и О. Прицак указывают, что данный звук возникает перед смычными согласными *t* и *k*⁵⁸. Это относится к словам *it*, *pit*, *ikki*, *ittik*, *itärmäk*, *ütmäk*, *riŋuxo*, *kitar*. Сюда можно также присоединить слова с аффрикатой *č*: *ič*, *rič*-, *qučqar*-. В слове *paŋäči* могло иметь место сложное взаимодействие согласных, своего рода частичная ассимиляция, не имеющая, собственно, прямого отношения к образованию звука *iš*, а лишь внешне с ним сходная.

Явление, которое Л. А. Аганина и А. Т. Қайдаров указывают для илийского говора, а Г. Садвакасов для языка уйгуров Ферганской долины, можно рассматривать как образование еще одной разновидности глухих дифтонгов, ибо в них гласные *u/ü* перед глухими смычными *p*, *k*, *š* произносятся с призвучком *f*: *üfra* 'пудра', *üfka* 'младший брат', *üškatmak* 'свистеть'⁵⁹.

⁵⁸ G. Jarring. Указ. раб., стр. 124; O. Pritsak. Указ. раб., стр. 541.

⁵⁹ Л. А. Аганина. Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский район). Автореф. канд. дисс. М., 1954, стр. 4; А. Т. Қайдаров. Указ. раб., стр. 153; Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 21.

К. ИБРАГИМОВ

НЕКОТОРЫЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ НАЗВАНИЯ ПТИЦ И ИХ ПАРАЛЛЕЛИ В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

С древнейших времен на протяжении многих веков охота была для тюркоязычных народов одним из основных источников существования. Среди традиционных охотничьих промыслов значительное место занимала охота на птиц. Возникшая, как и все другие виды промысловой охоты, в связи с хозяйственными нуждами людей, она в то же время издавна считалась своего рода искусством и видом национального спорта. Широкая популярность охоты на птиц у тюркоязычных народов (киргизов, казахов, башкир, татар и др.) способствовала постепенному формированию богатой и разнообразной терминологии. Изучение последней представляет интерес для тюркологии в целом.

В данной статье анализируются лишь некоторые названия птиц, встречающиеся как в древнетюркских памятниках, так и в большинстве современных тюркских языков.

Для анализа нами выбраны названия лебедя, сокола (кречета), соловья, воробья, гуся и утки. С целью выявления лексико-семантических особенностей этих названий в живых тюркских языках используются материалы различных памятников.

Киүи 'лебедь'. Слово *киүи* (ДТС, 464) в значении «лебедь» встречается в словаре Махмуда Кашгари, а также в древнетюркских рунических и древнеуйгурских памятниках: *киүи* 'лебедь' (МК, III, 225); *er kiüi kiška sokiştuş* 'муж повстречался с лебедем' (ThS II 52); *киүи kiş uştu kölünə kopmaz* 'лебедь улетел, не спустился на свое озеро' (ТТ I 216); *киүи* имеет также переносное значение «седина»: *киүи kondy başka* 'на (мою) голову сел лебедь' (то есть появилась седина) (КВН, 404₈).

Наиболее близка к древнетюркской турецкая форма *kiği* 'лебедь'. В современных тюркских языках форма *киүи* имеет различные фонетические варианты. Ср., например: алт. кирг. *куу*, хак. *хуу*, кумык. *кэув*, туркм. *гув*, азерб. *гу||гу гушу*, якут. *куба*.

Чаще всего в сочетании с названием лебедя употребляется словоопределитель *ак* 'белый'. Некоторые из такого рода сочетаний выступают в качестве признака, характеризующего определенную группу тюркских языков. Так, например, в некоторых языках в основном употребляется композита *ақ қуиш* 'лебедь' (букв. 'белая птица'); узб. *оққуиш*, уйг. *оққуиш*, тат. *аққош*, башк. *акқош*, чув. *акйш*. На основании этого можно выделить названные языки в отдельный ареал.

Другой ареал составляют тюркские языки, в которых встречается композита *ак куу*: кирг. *ақ қуу*, каракалп. *ақкуу*, ног. *ақ кув*, казах. *аққу*.

Среди тюркских языков в данном случае исключение составляет караево-балкарский язык, где для обозначения понятия «лебедь» употребляется слово *кзанекъаз||дууадакъ*.

В тюркских языках рассматриваемое название является компонентом целого ряда терминологических сочетаний: казах. *аққу мамығы*, ног. *ак кув кушыны* 'лебяжий пух'; тув. *куу чүглери, куу дүгү* 'лебединые перья', хак. *хуу тјгi* 'лебединый пух', кирг. *ала куу* (или *ала гуу*) 'вяхирь'; узб. *оққуш пати* 'лебединое перо'; уйг. *аққуш мамуги*, чув. *акйш мймке* 'лебяжий пух'; *акйш тёке* 'лебяжье перо'.

Таким образом, в современных тюркских языках в значении «лебедь» наиболее употребительны две формы: простая (*кууи, кув, куу*) и композитная (*ақ қуш, ақйш*).

Şuŋkar, laçyn, toyan 'сокол'. В памятниках древнетюркской письменности встречается несколько названий сокола. Так в словаре Махмуда Кашгари, в памятниках рунического письма, а также в древнеуйгурских источниках зафиксированы следующие названия сокола: *şaŋru* (ДТС, 136), *kekük* (ДТС, 295), *şuŋkar* (ДТС, 525), *soŋkur* (ДТС, 508), *laçyn* (ДТС, 332), *toyan* (ДТС, 571); *şaŋru alur arkun münür arkari jetär* 'взяв сокола, сев на скакуна, он настигает горных козлов' (МК, I, 212₇); *şaŋru kazyŋ taraslady* 'сокол разогнал гусей' (МК, III, 590₁); *kekük* 'сокол' (ThS II₃₅, МК, II, 287); *şuŋkar* 'сокол, алтайский кречет' (*Falco gyrfalco altaicus*); *bir şuŋkar kiat* (?) (~kat?) *niŋ iëäküsün jemäkdä turur* 'кречет поедает внутренности единорога' (ЛОК, 5₅); *ja birlä ok birlä şuŋkarnu öltürdi* 'он умертвил кречета луком и стрелами' (ЛОК, 5₇); *şoŋkur* 'кречет', *soŋkur* 'сокол-кречет'; *saçum boldy şoŋkur tüsi teg şa-şut/sakal boldy jazky güläf teg ugut* 'мои волосы приобрели цвет кречета, стали пепельными, борода стала выгоревшей, подобно весенней траве' (КВК, 336₁₅); *kiçig uluŋka turmuşmas kugŋuj sonkurka karuşmas* 'малый не противостоит большому, ястреб-перепелятник не встречается с кречетом' (МК, II, 95). Наиболее употребительна форма *şuŋkar||soŋkur*.

Слово *şuŋkar* зафиксировано в ряде средневековых памятников: *şuŋkar* 'сокол из ряда хищных птиц' (Б. БАЛ, 197); *сункор||сункар* (птица из семейства соколиных) (К. ИЛТАС, 192). В источниках, относящихся к этому периоду, встречаются названия, характеризующие сокола и по его внешним признакам: *Ак суңқор* (собств. имя) *досл.* 'белый сокол': *ак* 'белый' + *суңқор* 'сокол'; *Кара суңқор* (собств. имя) *досл.* 'черный сокол': *кара* 'черный' + *суңқор* 'сокол' (К. ИЛТАС, 157); *шункор* 'сокол' (РСл, т. IV, ч. I, стлб. 1098).

Древнетюркская форма *şuŋkar* в современных тюркских языках представлена следующими фонетическими разновидностями: алт. *шонкор*, казах. *сунқар*, каракалп. *суңқар*, кирг. *шумкар*.

На базе рассматриваемого слова в некоторых тюркских языках (казахском, каракалпакском и киргизском) возникли устойчивые лексикализованные сочетания типа каракалп. *ақ сунқарым* 'мой белый сокол' (ласковое обращение).

Н. К. Дмитриев особо отмечал, что «у киргизов существовал старинный институт соколиной охоты с весьма разработанным церемониалом и развитой терминологией»¹. В подтверждение данного положения сошлемся на тот факт, что в киргизском языке известные разновидности сокола строго дифференцированы по названиям: *ақ шумкар* 'белый сокол, белый кречет' (алтайский); *кара шумкар* 'черный сокол' (особь алтай-

¹ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 512—513.

ского кречета, имеющая темное оперение); *көк шумкар* 'сизый сокол', или 'старый кречет-сокол'; *балдактуу шумкар* 'особь кречета-сокола с темным оперением и поперечными полосами под хвостом'. Кроме того, в киргизском языке существуют термины, относящиеся к системе выращивания, дрессировки и тренировки сокола: *шумкардин табы* 'дрессировка, тренировка кречета'; *шумкарды таптоо* 'выращивание, дрессировка сокола-кречета'.

Название сокола в форме *šupkaγ* в некоторых тюркских языках употребляется в переносном значении. Ср., например, казах. *элимиздин айбанды сункарлары* 'гордые соколы нашей страны' (о советских летчиках); каракалп. *суңқарлар* 'соколы' (о летчиках); кирг. *биздин родинабыздин даңктуу шумкарлары* 'славные соколы нашей Родины'. Следует отметить, что слово *šupkaγ* в значении «сокол», встречающееся в основном в древнетюркских памятниках, употребляется и в некоторых современных тюркских языках: алтайском, казахском, каракалпакском, киргизском, что позволяет выделить их в отдельный ареал.

Выше указывалось, что в древнетюркских памятниках и в большинстве современных тюркских языков встречается другое, более распространенное название сокола: *lašup*. В различных словарях это слово толкуется следующим образом: *lašup* зоол. 'кречет, сокол, сапсан' (*Falco peregrinus*) (МК, 206₁₄); *uč kögürčäkän adajy lašupka kavytur erkän* 'три голубя-птенца попались кречету' (SUV, 620₂₀), *перен.* 'храбрец' (МК, 206₁₄); *lašup* 'сокол' (SUV, 620₂₀), (Мал. ПДП, 398); *lašip=šahin denen kuš* (ТЗ, 215), *kara šahin* 'черный сокол' (ТЗ, 184); *lašip kušu* (АХ, 56); *лачын* 'сокол' (К. ИЛТАС, 171); *лычын* 'сокол' (РСл, т. III, ч. I, 735); *лачын* 'голубятник', 'белый сокол' (БСл, т. 2, 185). Интересно, что в монгольских языках слово *pašip* 'сокол' в отдельных случаях означает еще и гончую собаку². Древнетюркское название сокола *lašup* представлено почти во всех живых тюркских языках в более или менее единообразных фонетических формах: туркм., кумык., тат. *лачын*, уйг. *лачин*, узб. *лочин*, ног. *лашин*, казах. *лашын*, карац.-балк. *илячин*, хак. *ылачын*, башк. *ыласын*, кирг. *ылаачын*.

Так же, как и *šupkaγ*, слово *lašup* употребляется в переносном значении: туркм. *биздин юрдумызын шохратлы лачынлары* 'славные соколы нашей страны'; совет. *лачынлары* 'советские соколы (о советских летчиках)'; уйг. *лачынларымыз* 'наши соколы (о летчиках)'; узб. *мамлакатимизнинг шонли лочинлари* 'гордые соколы нашей страны'.

Кроме того, слова *lašup* и *šupkaγ* входят в целый ряд выражений, пословиц и поговорок тюркоязычных народов: тат. *аулачыны* 'охотничий сокол', *лачын белән* 'соколом'; *лачын белән аулау* 'охотиться с соколом'; *лачын салу (жибэру)* 'пустить сокола'; *карга овызын ачар, лачын алып качар* (посл.) 'кто смел, тот два съел' (букв. 'ворона рот разинет, сокол схватит и улетит'); *лачын кошқа һава кадерле* (посл.) 'соколу дорог простор неба'; *тургайның тозагына лачын төшмәс* (посл.) 'в воробьиные силки сокол не попадает'; *һәр җош очып лачын булмас* (посл.) 'не всякая птица, летая, станет соколом'; *лачын кояштан югары оча алмай* (посл.) 'и сокол выше солнца не летает'.

В киргизском языке параллельно с *шумкар* употребляется форма *ылаачын* 'сапсан', обозначающая в сочетании с другими словами различные породы сокола: *кара ылаачин* 'черный сокол', 'сапсан тундровый'; *кызыл ылаачын*, или *тоо ылаачыны* 'горный сокол'; *куш кырааны* — *ылаачын* (фольк.) 'сокол — самая хваткая, ловкая птица'.

² См.: «Джангар». М., 1940, стр. 334.

Своеобразно употребление формы *ыласын* в современном башкирском языке, где она выступает только в составе сложного слова: *һа ғызақ ыласыны* 'осоед, пчелоед' (птица). В данном случае стирается основное значение слова *ыласын* 'сокол, кречет'.

В древнетюркских памятниках наряду со словами *şunkar*, *laçun* для обозначения понятия «сокол» употреблялось слово *toğan*: *toğan kuş tuŋaqu suçulunmuş* 'коготки сокола были выпущены' (ThS II₆₆); *toğan kuş täŋridin kody tabuşyan terän karmuş* 'сокол, думая, что (это) заяц, ринулся с неба вниз и схватил (его)' (ThS II₆₆); *togan* 'белого (цвета) птица всякого рода' (Б. БАЛ, 165); *тоған* 'дикая хищная птица' (К. ИЛТАС, 202); *toğan* = *toğan kus* (ТЗ, 260), (АХ, 104); *toğan (kuş)* 'сокол, кречет' (МАЛ. ПДП, 431); *togan* 'сокол' (РСл, т. III, ч. I, 1159).

Древнетюркская форма *toğan* 'сокол' сохранилась, по-видимому, только в турецком (ср. *doğan, şahin*) и азербайджанском (*шаһин*) языках.

В ряде тюркских языков название «сокол» выражается другими, несходными словами. Так, в чувашском и якутском языках употребляются в значении «сокол» соответственно слова *кӱйкӱр* и *мохсобол*. Ср. также: якут. *кус мохсоболо* 'утятник (большой ястреб)'; чув. *кӱйкӱр çуначӗсем* 'соколиные крылья'. В тувинском языке для обозначения понятия «сокол» употребляется русское заимствование.

Таким образом, из древнетюркских названий сокола — *şunkar*, *laçun*, *toğan*, *çaygu*, *kekük* — в современных тюркских языках сохранились первые три, причем *toğan* — только в турецком языке.

Sanduvaç 'соловей'. В древнетюркских памятниках зафиксировано несколько фонетических вариантов названия птицы соловей: *sandavaç*, *sanduvaç*, *sanduaç* (ДТС, 484). Ср. примеры из «Кутадгу билиг» и словаря Махмуда Кашгари: *çeçäklikdä sanduvaç ünin sumlydy/üdiglig ešiti köñül jalyŋudy* 'в цветнике соловей разлился трелью, / сердце, охваченное страстью, услышало и воспламенилось' (КВК, 357₁₂); *saŋuŋ sanduvaç sajrady* 'желтый соловей пел' (КВН, 139₂₅); *tatlyŋ ötar sanduvaç* 'соловей сладко поет' (МК, I, 529).

В современных тюркских языках имеются две фонетические разновидности этого слова: тат. *сандугач* и башк. *һандуғас*, тат. *сандугач булып сайру* 'петь, заливаться соловьем', башк. *һандуғас һайрау* 'соловьиная трель'. В некоторых диалектах татарского и башкирского языков в сочетании с *сандугач* и *һандуғас* употребляется слово *кояз*: *кояз сандугач*, *кейӗз һандуғас*. Однако в этом случае речь идет «о певчей птичке», «варакушке». Это же слово употребляется в переносном значении: «обманщик, врун, пустомеля». В татарском языке параллельно со словом *сандугач* употребляется и *былбыл*. Для других тюркских языков древнетюркская форма *sanduvaç* 'соловей' не типична. Поэтому татарский и башкирский языки в данном случае составляют отдельную группу.

В большинстве тюркских языков в значении «соловей» наиболее часто встречается слово *былбыл*, существующее в различных фонетических вариантах: узб., кирг., уйг., карач.-балк. *булбул*, казах. *бұлбұл*, тур. *bülbül*, азерб. *булбүл*, туркм., ног. *билбил*, каракалп. *булбул*, кумык. *бюлбюл*.

Слово, обозначающее понятие «соловей», во многих тюркских языках лежит в основе идиоматических выражений, а также пословиц и поговорок. Ср. кирг. *булбул чечме* 'один из видов узора для вышивания' (в южном диалекте); узб. *булбул гўё* 'красноречивый человек, говорун, краснбай'; тур. *bülbülaç oyu oynataz* 'соловья баснями не кормят';

казах. *булбулдай сайрады*; каракалп. *булбилдей сайрады* 'пел, как соловей'.

Если в кыпчакской и огузской группах тюркских языков в значении «соловей» употребляется слово *булбул*, то в восточнотюркских языках это же значение образуется от совершенно других основ: тув. *айлаң кушкаш*, алт. *тоорчык*. В якутском же и хакасском языках в этом значении употребляется русское заимствование. В чувашском языке соловей обозначается словом *шӑпӑк*.

Serä 'воробей'. В письменных памятниках — древних и средневековых — зафиксировано около десяти фонетических и морфологических разновидностей этого слова: *sečä* 'воробей' (МК, III, 219), *serşe=serçe*, *sirše* (ТЗ, 235); *sirşe=serşe*, *sipşik*, *serşe*, *şirse*, *şerse* (ТЗ, 248); *şipşik=serşe* (ТЗ, 247); *серче* (М. ИИТЯ, 151): *серче* 'воробей' (К. ИЛТАС, 187), *серче* (ХТ, 76); *чыпчук-серче* 'маленькая птичка (вообще)' (К. ИЛТАС, 220), *sündiläc* 'воробей' (МК, МТW, МАЛ. ПДП, 423).

В современных тюркских языках сохранились в основном четыре варианта: тур. *serçe*, туркм. *серче*, азерб. *сәрчә*, чув. *серши*. Эти названия в фонетическом плане наиболее близки к древнетюркским. На основе *серче* 'воробей' аналитическим способом образуются новые слова, пословицы, поговорки: тур. *serçeden korkan dari ekmez*, туркм. *серчеден горкан дары экмез* (посл.) 'кто боится воробья, тот не сеет проса' (соответствует русск. 'волк бояться — в лес не ходить', 'лягушек бояться — в реке не купаться'); чув. *серши атми* 'силоч, сетка для ловли воробьев', *серши пуçе пек юр сӑвать* 'идет крупный, как воробьиная голова, снег'. Слово *серче* характерно главным образом для языков юго-западной (огузской) группы, которые по данному признаку можно выделить в отдельный ареал.

В древних и некоторых современных тюркских языках в значении «воробей» употребляется другое слово: *чыпчук* (К. ИЛТАС, 220), узб. *чумчуқ*, кирг. *чымчык*, тат. *чыпчык*, каракалп. *шымшык*, казах. *шымшық*||*торгай*, карач.-балк. *шӀрбат чыпчыкӀ*, кумык. *жымчыкӀ*. В узбекском и татарском языках с помощью компонента *чыпчук* (*чыпчык*) 'воробей' образованы аналитическим способом названия других мелких птиц из семейства воробьиных, ср.: узб. *қарабаш чумчуқ* 'снегирь'; *сарик чумчуқ* 'чиж (овсянка)'; *тоғ чумчуқ* 'малиновка'; тат. *коен чыпчыгы* зоол. 'берёзовка'; *камыш чыпчыгы* зоол. 'камышевка'; *киндер чыпчыгы* зоол. 'коноплянка'; *кычыткан чыпчыгы* зоол. 'крапивник', перен. 'егоза'; *миләш чыпчыгы* 'дрозд-рябинник'; *тау чыпчыгы* зоол. 'ржанка'; *чебен чыпчыгы* зоол. 'мухоловка'.

Со словами *чумчук*, *чыпчыг* в узбекском и татарском языках образовано немало пословиц, поговорок. Приводим некоторые из них: узб. *чумчук пир этса, унинг юраги шир этади* (погов.) 'даже если воробей вспорхнет, у него душа в пятки уходит'; *чумчук сўйса ҳам кассоб сўйсин* (посл.) 'даже воробья должен резать мясник' (соотв. «дело мастера боится»); тат. *илдә чыпчык улмас* (погов.) 'в миру воробей с голоду не умрет'; *ат билән чыпчык куу* (погов.) 'стрелять из пушек по воробьям' (букв. 'на лошади гнаться за воробьем'); *һавадагы торнаны тотам дин, кулындагы чыпчыкны жиберме* (посл.) 'лучше синица в кулаке, чем журавль в небе'. Таким образом, *чыпчык* и *чумчук*||*чымчык* употребляются в большинстве тюркских языков в одинаковом значении «воробей», и языки эти, объединенные общим признаком, образуют особый ареал.

В казахском, ногайском и башкирском языках воробей обозначается по-другому: казах. *торгай*, ног. *торгай*, башк. *тургай*. Рассматриваемое слово в этих языках участвует в целом ряде композит для обозначения мелких птиц. Ср. ног. *боз торгай* 'жаворонок'; *кара торгай* 'сини-

ца'; *уэй торгай* 'канарейка'; башк. *алакас турғай* 'вьюрок'; *балксы турғайзар* 'зимородки'; *бағыу турғайы* или *хабан турғайы* 'жаворонок'; *берғандак турғай* 'вертишейка, вертиголовка'; *йәшәл турғай* 'зеленушка'; *карабаш турғай* 'синичка'; *кейәз турғай* (*купшыкай*) 'шегол'; *карағай турғайы* 'шур', *әй турғайы* 'канарейка'; *себен турғайзары* 'мухоловки'; *сипылдак турғай* 'пищуха'; *таң турғайы*, *әберсә турғайы* 'зарянка, малиновка'; *тарма турғайы* 'коноплянка'; *таш турғайзары* 'каменки', *урман турғайы* 'жаворонок лесной'; *һағызак турғайы* 'шур'; *һары турғай* или *һары алакас* 'чиж, чижик'; *һылыукай турғай* 'дубовник'; *юл турғайы* бот. 'подорожник'; *турғай камышы* бот. 'канареечник'; *турғай тарыһы* 'росичка', 'просо воробьиное'. По указанному признаку казахский, ногайский и башкирский языки объединяются в северо-восточный кыпчакский ареал.

В восточных тюркских языках названием воробья служат особые, присущие только этим языкам, слова: алт. *боро кушкаш*, *кучийак*, уйг. *қушқач*, хак. *хусхачах*. В алтайском языке наряду с аналитическим образованием *боро кушкач* употребляется второе название *кучийак* 'воробей'. В алтайском, уйгурском, хакасском языках с помощью слова *қушқач* 'воробей' образуются новые (видовые) названия воробья: алт. *кучыяк* 'воробей'; *боро кучыяк* 'чиж'; уйг. *ак қушқач* 'саксаульный или кульджинский воробей'; *ала қушқач* 'горихвостка' и 'краснохвостка'; *серик қушқач* 'чиж', 'пеночка', 'овсянка-дубовник', 'канарейка'; *кара қушқач* 'черный воробей'. Употребление слова *қушқач* 'воробей' в алтайском, уйгурском, хакасском языках позволяет объединить последние в восточный ареал.

В тувинском и киргизском языках для обозначения воробья употребляются следующие слова: тув. *хирилээ*, кирг. *тараңчы* || *таараңчы*. В киргизском языке это название очень распространено в поговорках: *таараңчыдан корккон таруу айдабайт* 'кто воробьев боится, тот просо не сеет'; *тараңчы жеген тарууну бөдөнө тартат жазасын* 'за просо, съеденное воробьем, наказание несет перепелка'; *айтып буркурап, жатып калды Канышай тараңчыча тырпырап* (фолькл.) 'говорила, навзрыд плача, Канышай легла, трепеща, будто воробей'; *тараңчыны башка аткан мерген* 'меткий стрелок' (букв. 'стрелок, который бьет воробья в голову'). В якутском языке слово *барабий* 'воробей' заимствовано из русского языка и претерпело лишь фонетические изменения.

Таким образом, из зафиксированных в древнетюркских памятниках трех названий воробья: *serçe*, *şurşik* (*чипчук*), *sündilaç* в современных тюркских языках неизвестно только последнее.

Каз 'гусь'. Это слово встречается в древнетюркских рунических памятниках, в словаре Махмуда Кашгари и древнеуйгурских источниках: *kaz I* (ДТС, 438—439); *kaḡa kazḡa ötgürnsä buty synur* 'если ворона станет подражать гусю, она переломает себе ноги' (МК, I, 254); *kaz ördäk küyü kyl kalукуу tudy* 'гуси, утки, лебеди, кылы (~шилохвосты) наполнили небо (КВН, 14₆); *kuz aşy tytaуynta ud qoḡyn toḡuz gaz ödiräk taуугuta ulaty üküš telim özlüklärig ölürip uluу aš ičkü gylyty* 'по случаю свадьбы дочери он заколол множество быков, баранов, свиней, гусей, уток, кур и еще множество живых существ, и устроил большой пир' (SUV, 4₁₂); *kaк IV* (ДТС, 422) зоол. 'порода гусей' (КВН, 386₄); *kaк V* (ДТС, 422): *kaк kuk et-* 'гоготать': *kaz kaк kuk etti* 'гуси гоготали' (МК, III, 130); *kaу* (ДТС, 405): *kaу куу et-* 'гоготать (о гусях)' (МК, III, 128).

Слово *kaz* зафиксировано и в средневековых письменных памятниках: *kaз||каз* (АХ, 74); *kaz tübe kaz* (ТЗ, 184, 186); *kaz kaг kug etti* 'гусь

гоготал' (IV, 28); *kaz* (Ibn. M., 39); *kaz* 'гусь' (SUV, 4₁₂; KBW, 14); чув. хиг, якут. *kās* (Мал. ПДП, 413); *каз* 'гусь' (К. ИЛТАС, 154; Нт, 86); *каз*, *кас* 'гусь' (РСл, т. II, ч. I, 360), здесь же указываются различные породы диких гусей: *коңур каз*, *ақ каз*, *сар ала каз*, *ii ала каз*; тур., тат. *قاز* казах., кирг. *عاز*, алт. *قاس* 'гусь' (БСл, т. II, 13).

Древнетюркское название *каз* 'гусь' в современных тюркских языках представлено в следующих фонетических формах: кирг., казах., ног., тат. *каз*; тур. *каз*; башк. *каз*; кумык., карач.-балк. *къаз*; алт., тув. *кас*; ккалп., уйг. *ғаз*; азерб., туркм. *газ*; узб. *ғоз*; хак. *хас*; якут. *хаас*; чув. *хур*. Ср. перс. *каз*. Слово *каз* 'гусь', характерное для древнетюркских и современных тюркских языков, можно считать общетюркским.

Слово *каз* 'гусь' широко употребляется в словосочетаниях и образует новые понятия: кирг. *каз жолу* 'Млечный путь', *каз катар* 'строем, рядом, в ряд, вереницей' (как летят гуси); ног. *каз эти* 'гусятина', *каз кушыны* 'гусиный пух', тат. *каз ите* 'гусиное мясо, гусятина'; *каз канаты* 'гусиное крыло, гусиное перо'; *каз кетәге* 'гусятник' (специальное отделение в сарае для гусей); *каз оясы а* 'корзина, где гусяня высиживает яйца'; б) *перен.* 'непричесанная, лохматая голова (у женщин)'; *каз караучы* 'гусевод' (работник фермы); *каз аягы тапие* 'гусяная трава, гусяная лапа (растение)'; *каз йореше* 'гусяная походка (с выпяченной грудью)'; *каз тиресе (тәпе)* 'гусяная кожа (на теле человека)'; *каз чечәге* бот. 'белокопытник'; *каз юасы* 'гусяный лук'; *каз үләне* бот. 'подорожник'; башк. *каз үләне* бот. 'лапчатка гусяная, гусяная трава'; *каз майы һөртөү* 'стянуть, стащить, украсть кого-либо, что-либо'; *каз йолкою* 'щипать гусей'; кумык. *къаз эт*, ккалп. *ғаз эти* 'гусяное мясо'; турк. *газ юмурткасы* 'гусяное яйцо'; узб. *ғоз гушти* 'гусятина', *ғоз пари* 'гусяный пух'; якут. *хаас дабыдала* 'гусяные перья'; чув. *хур ашә* (или *какайә*) 'гусятина'; *хур сәмки* 'клюв гуся'; *хур үчә* 'гусяная кожа'; *хур сүнагә* 'крыло гуся'; *хур тукмакә* 'гусяная ножка'.

Сочетания с компонентом *каз* 'гусь', обозначающие породу или внешние признаки гуся и образующиеся аналитическим способом, употребляются в большинстве тюркских языков: тат., ног. *ата каз*; башк. *ата каз*; кумык. *ата къаз*; тув. *эр кас*, уйг. *әркәк ғаз*, хак. *іргек хас*, чув. *хур аси* 'гусак'; тат., ног. *ана каз*, башк. *инә каз*, кумык. *ана къаз*, алт. *әнә кас*, тув. *кыс кас*, уйг. *чиши ғаз*, туркм. *уркачы газ*, *урғочи ғоз*, хак. *инә хас*, чув. *ама хур* или *хурами* 'гусяня'; тат. *бала каз*, башк. *бала каз*, тур. *каз palazi*, узб. *ғоз боласы*, чув. *хур чәппи* 'гусенок'; тат. *кыр казы*, башк. *қыр казы*, тур. *уапан кази*, алт. *дъалан кас*, тув. *черлик кас*, или *сур ғаз* 'дикий гусь'; алт. *айыл кас*, тув. *азырал кас* 'домашний гусь'; тат. *кытай казы* 'гусь китайский', кирг. *ак каз* 'гусь белый'; *боз каз* 'гусь серый'; *кара каз* 'баклан'; *ак маңдай каз* 'гусь белоголовый'; *карала каз* 'поганка'; *маңка газ* 'горный или индийский гусь'; ккалп. *торы ала газ* 'серый гусь'; уйг. *ала ғаз* и *суралайи ғаз* 'утка с желтым оперением'; *қизил ғаз* 'фламинго'; якут. *хара хаас* 'новоземельский гуменник'; *лыглыи хаас* 'белолобый гусь', 'белолобая казарка'; *кыра лыглыи*, алтан *хорах* 'малый белолобый гусь-пискунец'; *хардыҕас хаас* 'черная казарка'.

На базе рассматриваемого слова в современных тюркских языках существуют фразеологизмы, пословицы, поговорки: кирг. *каз айланбас кара зоом* фольк. 'моя надежная защита'; казах. *барлығы да қаз калпында* (погов.) 'как с гуся вода'; ккалп. *ғаз тойғанға семирмейди, қыйғанға семиреди* (посл.) 'гусь жиреет не тогда, когда сыт, а когда (на воде) появляется шуга'; *ғаз орнына ғарға* (погов.) 'ворона в павлиньих перьях' (букв. 'вместо гуся — ворона'); *ғаз майынлы* 'с лебединой шеей' (букв. 'с шеей, как у гуся'); тат. *мактанга каз һәпәрәң аз* (посл.) 'не

хвались, гусь, не такая уж ты важная птица' (букв. 'не хвались, гусь, не велико твое искусство'); тур. *yarınki kazdan bukünkü yumurta yeğdir* (посл.) 'лучше синица в кулаке, чем журавль в небе' (букв. 'лучше сегодняшнее яйцо, нежели завтрашний гусь'); кумык. *башын къаздай тутуп юремек* 'ходить гусем, важничать, форсить'; туркм. *дунйәни сил алса, губа газың дешүнден* (посл.) 'если даже будет потоп, гусю все равно по грудь' (соответствует выражениям «море по колено», «как с гуся вода»); узб. *ғоз юриш* 'гусачья походка (когда человек идет, важно выпятив грудь)'; *ғоз-ғоз турмок* 'стоять (о ребенке, начинающем становиться на ножки)'; хак. *хас палазы хасха ирке, кизиниң палазы кизе* (погов.) 'гусю мил его гусенок, человеку мил его ребенок'; якут. *хаас харабыла буол* 'сидит караульным гусем' (о том, кто не ест, когда все едят); *кус-хаас саңата* (или *тойуга*) 'птичий язык' (непонятная речь, например, на каком-либо незнакомом языке); чув. *юрлан чаххи те хурән кураңна* (посл.) 'бедняку и курица покажется гусем'; *хур кепси* бот. 'дикарка'.

Таким образом, из зафиксированных в древнетюркских памятниках слов *kaz*, *kaγ*, как в значении «гусь» только форма *kaz* употребляется как в средневековых письменных памятниках, так и в современных тюркских языках. Формы *kaγ*, как до нашего времени не сохранились.

Ördäk 'утка'. В древнетюркских памятниках встречаются следующие три наименования утки: *ödiräk* (ДТС, 377) или *ördäk* (ДТС, 388), *kaşyalak* (ДТС, 431) и *şuṇa* (ДТС, 525).

Они зафиксированы в древнетюркских рунических памятниках, в словаре Махмуда Кашгари и в древнеуйгурских памятниках: *ödiräk*: 'утка', *ud kojın topuz takuγu kaz ödiräk bu muntaγ tynlyylar bir күntä uç kata kelip... meni ysururlar sokarlar* 'такие твари, как корова, овца, свинья, курица, гусь и утка, три раза в день приходят..., кусают и клюют меня' (SUV, 19₁₀); *kaz kopsa ördäk kölig igänür* 'если гуси поднимаются, утки захватывают озеро' (МК I, 104); *ördäk suvka çotmy* 'утка нырнула в воду' (МК II, 26); *kaz ördäk kuγu kyl kalykuγ tudy* 'гуси, утки, лебеди, дикие утки закрыли небо' (KBN, 18₆); *kaşyalak* зоол. 'утка-лысуха', *kalva kögür kaşyalaky suvka batar* 'увидев (у меня) стрелу без наконечника, лысухи ныряют в воду' (МК I, 528); *şuṇa* 'утка' (ДТС, 525).

Название утки встречается в следующих источниках: *ördäk* (АХ, 66; ТЗ, 226); *ördek* (IV, 37); *йрдäk, öрдäk* (М. АФ, 66); *ördök* 'утка', (Мал. ПДП, 407); *өрдек* (К. ИЛТАС, 179; Нt, 56); *өрдäk, өрдök, өртäk, йрдäk* (РСл, ч. I, т. II, 1238).

В современных тюркских языках наибольшее распространение получило древнетюркское слово *ördök||ördek* 'утка'. Например: тур. *ördek*, туркм. *өрдек*, азерб. *өрдäk*, уйг. *ө(р)дäk*, узб. *йрдак*, кирг. *өрдök*, кумык. *оьрдек*, алт. *өртök*, хак. *өртек*, тув. *өдурек*, тат. *урдäk*, башк. *өйрäk*, ккалп., казах. *үйрек*. Как известно, *ördök* в форме *ördek* (*erdäk*), *urdäk* встречается в ряде древнетюркских и средневековых памятников, что свидетельствует о древнем происхождении данного названия, являющегося общетюркским.

Это слово входит в состав целого ряда сочетаний: туркм. *мейдан өрдеги* 'дикая утка'; *өй өрдеги* 'домашняя утка'; *ала өрдек* 'пестрая утка'; *өрдек хоразы* 'селезень'; тур. *deniz ördeği* 'синьга' (вид утки); уйг. *эркäk ө(р)дäk* 'селезень'; *йавайи ө(р)дäk* 'кряква, дикая утка'; *ө(р)дäk балиси* 'утенок'; узб. *хонаки йрдак* 'домашняя утка'; *ёвойи йрдак* 'дикая утка'; *қизил баш йрдак* 'красноголовая утка'; *эркак йрдак* 'селезень'; кирг. *бакма өрдök* 'домашняя утка'; *жапйы өрдök* 'дикая утка'; *арам өрдök* 'крохоль'; *кызыл баш өрдök* 'красноголовая утка';

ак көз ердөк 'белоглазый нырок'; боз же куу өрдөк 'серая утка'; көк өрдөк 'чернозобая гагара'; көк куу өрдөк 'гагара'; урпек баш өрдөк 'хохлатая чернеть'; чачылуу ердөк 'хохлатая чернеть'; жазы тумшук өрдөк 'широконоска' (утка)³.

Слово *өрдөк* 'утка' широко употребляется в произведениях киргизского фольклора: *куу өрдөк* или *жез канаттуу өрдөк* 'меднокрылая утка' (один из чутких стражей богатыря Конгурбая в эпосе «Манас»); *куу* (или *жез канаттуу*) *өрдөктун эти* 'мясо меднокрылой утки' (по поверью, отведавший мяса этой утки, обретает бессмертие); *жез канаттуу өрдөктун этин жеген өлбөйт — деп, ушул дуйнө буткөнчө, аркы жайды көрбөйт — деп* (фолькл.) 'кто поест мяса утки меднокрылой, тот, мол, не умрет до тех пор, пока, мол, не умрет этот мир (он того мира, мол, не увидит)'. Эти мифологические представления (тотемистические и анималистические) с течением времени трансформировались в сознании людей, и в результате переосмысления различных морфологических понятий большинство названий животных и птиц в устном народном творчестве (особенно в эпосе «Манас») стало употребляться в качестве изобразительных средств, в частности, поэтических тропов — метафор, эпитетов. Например: кумык. *кзыр оьрдөк* 'дикая утка'; эркек *оьрдөк* 'селезень'; алт. *суу гуш орток* 'водяная утка'; хак. *иргек ортек* 'селезень'; *тизи ортек* 'утка (самка)'; *ортек полазы* 'утенок'; *газы ортек* или *сас ортек* 'дикая утка'; *хол ортек* 'домашняя утка', *көгин ортек* 'сизая утка'; *сус ортек* 'нырок, крохаль'; *хара ортек* 'гагара'; тат. *ата урдэк*, башк. *ата ойрэк*, ккалп. *еркек үйрек* 'селезень'; тат. *ана урдэк*, башк. *инэ өйрэк*, ккалп. *мәкийен үйрек* 'утка'; тат. *бала урдэк*, башк. *өйрэк бәпкәһе* 'утенок', тат. *кыр урдәге*, башк. *кыр өйрәге*, ккалп., казах. *жабайы үйрек* 'дикая утка', башк. *йорт өйрәге*, ккалп. *үй үйреги*, казах. *асырынды үйрек* 'домашняя утка'; тат. *чурәкәй үрдэк*, башк. *сумғалак өйрэк*, казах. *сүңгүір үйрек* 'нырок'; ккалп. *кызыл бас үйрек* 'красноголовая утка'; 'красноносый нырок'; тат. *деңгез урдәге* 'морская утка, турпан'; башк. *аласы бар өйрэк* 'пеганка', *кугә өйрэк* 'сизая утка', *сөрәгәй өйрэк* 'чирок', *һоро өйрэк* 'серая утка'; *һуна өйрэк* 'утка-кряква'.

Во многих тюркских языках это слово служит основой при образовании фразеологизмов и поговорок: узб. *уйда ўрдак сузаяпти* 'в комнате плавают утки' (говорится в том случае, когда в доме сильно протекает крыша); кирг. *беш өрдөк учур* 'рассказывать небылицы, пускать утку'; тув. *өдүрээн чассадаа, хөлүн часпас* (погов.) 'не попадает в утку, хоть попадает в озеро' (то есть ошибается в главном); тат. *үрдэк биреп каз алу* 'променять утку на гуся' (то же, что «променять кукушку на ястреба»); *үрдэк очыру* 'пустить утку, говорить неправду'; *үрдэк хәбәр* 'утка, вымысел, ложный слух'.

В некоторых современных тюркских языках: чувашском, якутском, карачаево-балкарском, ногайском имеются и другие названия утки: чув. *кәвакал*, якут. *кус*, карач.-балк. *аръкау*, ног. *баьний*, на основе которых образуются новые видовые названия: чув. *кәвакал ами* 'утка'; *кәвакал аси* 'селезень'; *кайәк кәвакал* 'дикая утка'; *кәвакал чәппи* 'утенок'; *килти кәвакал* 'домашняя утка'; *кайәк кәвакал* 'дикая утка'.

В. Г. Егоров считает *кәвакал* звукоподражательным словом, ср. также башк., тат. (диал.) *күгал*, кирг. *көгөл* 'селезень'⁴, якут. *үөл кус* 'нырковая утка'; *кураанак кус* 'кряква'; *таас куһа* 'вид морской утки'; ног. *уэй*

³ А. Биляшев. Киргизско-русский словарь терминов промысловой охоты. Фрунзе, 1967, стр. 73—74.

⁴ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 96.

баһний 'домашняя утка'; *кийик баһний, данчыл баһний, тарнан баһний, туз баһний* 'дикая утка'; *атаман баһний* 'селезень'.

В якутском языке на основе этого слова возникли поговорки: *кус быһый, ат бөбө* 'резвый, как утка, сильный, как лошадь (о сильных, быстроногих людях)'; *кус туспэтэх уута суох, тиин, ыштыбатах маһа суох* 'нет воды, куда бы не садилась утка, нет дерева, где бы не пробегала белка (о богатстве животного мира Якутии)'.

Приведенные данные позволяют сделать вывод: из зафиксированных в памятниках названий *ödiräk||ördök, kaşyalak, şuqa* наибольшее распространение в средневековых памятниках и современных тюркских языках получило *ördäk*; остальные названия в настоящее время не встречаются. В некоторых тюркских языках в значении «утка» употребляются слова: чув. *кăвакал*, якут. *кус*, карач.-балк. *аркъау*, ног. *баһний*.

Охотничья лексика в тюркских языках, включающая названия промысловых животных, ловчих и других птиц, отличается исключительным богатством и разнообразием. Эта лексика строго и детально дифференцирована. Названия птиц широко употребляются в устном народном творчестве, с птицами связано немало поверий, обычаев, обрядов, изучение которых дает ценный материал для этнографов, языковедов, фольклористов, историков.

Лингвистический анализ охотничьей лексики тюркских языков позволяет проследить процесс постоянного пополнения и обогащения словарного состава этих языков как за счет внутренних ресурсов, так и заимствований.

Названия птиц, как и всякая другая терминология, складывающаяся на основе бытующих в языке слов, употребляются в прямом и переносном значениях, во фразеологических сочетаниях, пословицах и поговорках. Как указывал В. В. Виноградов, «между словарем общего национального литературного языка и терминологическими сферами разных областей науки, техники, профессионального труда, искусства и так далее происходит глубокое и сложное взаимодействие»⁵.

На основе проведенного выше обзора можно сделать следующие выводы:

1. Для обозначения названий шести птиц в тюркских языках употребляется около пятидесяти слов, двадцать из которых характерны для древних и средневековых тюркских письменных памятников.

2. Названия птиц: *kaz* 'гусь', *ördök||ördek* 'утка', *kuv* 'лебедь', *laşun* 'сокол' употребляются в большинстве современных тюркских языков и поэтому являются общетюркскими.

3. Ареальным является каждое из следующих названий: *ak kuv*, *ak kuş* 'лебедь', *şuŋkar||suŋkar* 'сокол', *sandugaç* 'соловей', *serel||serçe*, *çunçuk||çunçuk*, *turgai*, *kuşkaç* 'воробей'.

4. Древнетюркские названия *kuçu* 'лебедь', *toŋap* 'сокол, кречет' сохранились только в современном турецком языке.

5. *Сауғи, kekik* 'сокол', *sündilaç* 'воробей', *кау*, как 'гусь', *kaşyalak* 'утка', характерные для древних и средневековых письменных памятников, в современных тюркских языках уже не встречаются.

6. Единичные названия птиц, встречающиеся в современных тюркских языках, следующие: карач.-балк. *къангкъаз, дуудак* 'лебедь', чув. *кайкар*, якут. *мохсобол* 'сокол', тув. *айлаң кушқаш*, алт. *тоорчык*, чув. *шӑпӑк* 'соловей', тув. *хирлээ*, кирг. *тааранчы||таранчы* 'воробей'.

⁵ В. В. Виноградов. Вступительное слово. — В сб.: «Вопросы терминологии». М., 1961, стр. 6.

7. Некоторые названия птиц заимствованы в современные тюркские языки из русского: тув. *сокол*, якут. *соловей*, *барабий* 'воробей', хак. *соловей*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АХ* — Abu-Hayyan. *Kitab al-Idrak li-lisan al-Atrak*. Istanbul, 1931.
Б. БАЛ — А. К. Боровков. *Бадаи ал-лугат*. М., 1961.
Б. Сл — Л. З. Будагов. *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий*, тт. I—II. СПб., 1869—1871.
ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
IV — V. Izbudak. *El-Idrâk haşiyesi*. Istanbul, 1936.
Иbn. М — A. Battal. *Ibnü-Mühenna lûgati*. Istanbul, 1934.
КВК — *Kutadgu bilig*. *Tırkıbasım*, III. *Mısır nüshası*. Istanbul, 1943.
КВН — Кудатку-Билик. Факсимиле уйгурской рукописи., изд. В. В. Радловым. СПб., 1890.
КВН. — *Kutadgu bilig*. *Tırkıbasım*, II. *Fergana nüshası*. Istanbul, 1943.
К. ИЛТАС — А. К. Курышжанов. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. Тюркско-арабского словаря. Алма-Ата, 1970.
ЛОК — W. Bang und D. R. Rachmati. *Die Legende von Oğuz Qayan*. — SPAW, 1932.
Мал. ПДП — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
МИИТЯ — З. Б. Мухамедова. Исследования по истории туркменского языка. XI—XIV вв. Ашхабад, 1973.
МК I, II, III — *Divanü lugat-it-türk tercümesi*. Çeviren Besim Atalay, I—III. Ankara, 1939—1941.
МТW — C. Brockelmann. *Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kaşgaris Divan Lûghat at-turk*. Budapest — Leipzig, 1928.
РСл — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, тт. I—IV. СПб., 1893—1911.
SUV — *Suvarğarabhâsa* (Сутра Золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов, ВВ. XVII, [Выпуски:] I—VIII. СПб., Пг., 1913—1917 [наборное воспроизведение ленинградского списка].
ТЗ — В. Atalay. *Ettuhfet-üz-Zekiyye fil-lûgat-it-Turkiyye*. Istanbul, 1945.
ТТ I — W. Bang und A. von Gabain. *Türkische Turfan-Texte, I. Bruchstücke eines Wahrsagebuches*. — SPAW, 1929, XV.
ThS II — [Томсен-Стейн] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности (исследования). М.—Л., 1951.
Ht — *Ein türkisch-arabisches Glossar. Nach der leidener Handschrift. Herausgegeben und erläutert von M. Th. Houtsma*. Leiden, E., Brill, 1894.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Т. А. МУДРАЯ

ОДНО ТЮРКСКОЕ НАЗВАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ («СОРОКА»)

Соро́ка — название одного из старинных русских головных уборов. Одно из наиболее ранних толкований такого значения слова *сорока* можно найти в словаре 1847 г.: «**Сорока...** обл. Головной убор у крестьянок, делаемый из холста и вышиваемый разноцветным гарусом или нитками; кичка»¹.

Словарь В. И. Даля дает уже значительно более подробное толкование этого названия: «**Сорока...** нвг. ол. твр. арх. ниж. кстр. урал. ряз. тул. орл. вор. тмб. род кички, на челе пониже, а с боков повыше; иногда по такому волоснику только повязывается шитая ширинка, и это сорока с повоем...»²

В. И. Даль отмечает, что *сорока* является убором, характерным для южнорусских областей. Ее распространение в северных областях и на Урале, очевидно, относится к более позднему времени; на это указывает и то обстоятельство, что здешние *сороки* весьма разнообразны и сложны по форме и, по всей вероятности, являются дальнейшим развитием южнорусского типа³.

Первоначальным видом *сороки* считается чехол, надеваемый на рогатый твердый головной убор — *кибалку* (наиболее древний и примитивный «рогатый» головной убор южновеликоруссов⁴), *кичку* (аналогичный убор более позднего времени, получивший самое широкое распространение), *сдериху* (убор, заменяющий кичку на севере России)⁵.

Самая архаическая *сорока* выглядит, как «особо выкроенный и обязательно украшенный вышивкою и т. п. кусок ткани (разрядка наша. — Т. М.), который надевается поверх рогатой кибалки»⁶. По су-

¹ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный II отделением Имп. Академии Наук, т. IV. СПб., 1847, стр. 188.

² В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1955, стр. 275.

³ Обычно в *сороке* отдельный мягкий чехол надет на твердую основу; но северные *сороки* и *сороки* уральских казаков уже соединили эти две части в одно целое (В. Ф. Миллер. Систематическое описание коллекции Дашковского этнографического музея, вып. III. М., 1893, стр. 6; Н-в. Заметки о народном быте и одежде уральских казаков. Из «Уральских войсковых ведомостей», 1866, стр. 17).

⁴ Д. К. Зеленин. Женские головные уборы восточных (русских) славян. — «Slavia», seš. 2, 1927, стр. 322 и сл.

⁵ Олонецкая сорока на сдерихе; см.: Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898, стр. 111.

⁶ Д. К. Зеленин. Указ. раб., стр. 330.

ти дела, *сорока* — кусок ткани, который первоначально служил покрывалом, а позднее стал выкраиваться и сшиваться в чехол.

В результате дальнейших изменений *сорока* превратилась в богато украшенный чехол с «крыльями» и «хвостом» (термины, обозначающие соответственно боковые лопасти и заднюю ее часть). Сходство конфигурации головного убора с птицей породило одно из распространенных толкований названия *сорока*.

Т. Турнбьернссон возводит этот термин к названию птицы сороки и отмечает параллелизм семантики русского *сорока* в значениях «птица» и «убор» и шведского *kråka* 'ворона', являющегося также названием чепца⁷.

Д. К. Зеленин приводит конкретные доводы в пользу такой этимологии: «... среди частей сороки имеются *крылья* и *хвост*, что и роднит ее с птицей сорокой»⁸.

Пестрота данного головного убора усиливает его сходство именно с этой птицей (у сороки — птицы — белые, черные, зеленые перья, у *сороки* — головного убора — сочетание разноцветных лоскутков и вышивки).

Сближению этих названий содействуют народные поверья: чучело птицы сороки подвешивается в конюшне как оберег от домового, а на Украине принято считать, что если хозяйка выйдет в сени, не покрыв голову платком, ее за волосы утащит домовый. Таким образом, головной убор, как и птица, выполняет функцию оберега. Примечательно, что обычай «беречься платком от домового» не распространен в тех областях, где носят *сороку*.

Д. К. Зеленин считает возможным происхождение названия головного убора *сорока* от названия птицы и добавляет, что финны калькировали наименование этого убора, назвав его *harakka*⁹, что по-фински значит «сорока». Следовательно, этимологическая связь головного убора *сороки* с названием птицы ко времени заимствования этого слова в финский язык была вполне очевидной.

А. Г. Преображенский считает приведенные выше доводы достаточно убедительными¹⁰. Он ссылается на Т. Турнбьернссона и приводит слово *kråka*, сравнивая его с литовским *szarkas, szarkai*¹¹ 'одежда'. М. Фасмер¹² разделяет мнение А. Г. Преображенского и ссылается на Т. Турнбьернссона и Д. К. Зеленина, однако ограничивается исключительно тем материалом, который дает основание связывать слово *сорока* с названием птицы.

И все же Д. К. Зеленин в заключение отмечает: «При всем том, насколько бесспорно птичье происхождение имени *кокошника* (от *кокошь* 'курица', 'петух'. — Т. М.), настолько сомнительно птичье происхождение названия *сороки*»¹³.

Он предлагает второй вариант этимологии этого слова, также отмечавшийся Т. Турнбьернссоном (и позднее упомянутый А. Г. Преображенским): «*Сорóка*, ум. *сорóчка* — известное славянское название рубахи, явно родственное лит. *szarkas* одежда. В старом русском языке *сорочкой* называли еще воротник рубахи, низанный жемчугом и пристеги-

⁷ Т. Tornbiornsson. Die gemeinslavische Liquidametathese, т. II, Upsala, 1903, стр. 63.

⁸ Д. К. Зеленин. Указ. раб., стр. 63.

⁹ Там же, стр. 330.

¹⁰ А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. II, М., 1958, стр. 358.

¹¹ Современное литовское написание *šarkas* (ед.), *šarkai* (мн.).

¹² М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. III, М., 1971, стр. 722.

¹³ Д. К. Зеленин. Указ. раб., стр. 337.

ваемый к рубахе отдельно. От этого последнего значения легко могло развиться современное значение женского головного убора, для которого разные украшения и вышивки столь характерны. Во многих местах великоруссы и теперь называют *сорокой* именно отдельные украшенные части рассматриваемого нами убора»¹⁴.

Подобное образование нового значения путем «сдвига» старого — явление не только возможное, но и в какой-то мере и традиционное для русского словообразования. Эта этимология *сороки* как будто подкрепляется и вариантом названия головного убора *сороки* в Архангельской губернии: «*Соро́ка, соро́чка* — головной убор замужних женщин, делаемый из кумачу, холста и каразеи. Лопарки пришивают к нему сзади вышитый гарусом и стеклярусом назатыльник из красного сукна»¹⁵.

В данном случае следует отметить, что суффиксация служит средством разграничения значений. От названия *сорока* в значении «птица» уменьшительной формы не образуется, но эта форма весьма употребительна как название рубахи и воротника, причем в современном языке форма с суффиксом *-к-* даже вытеснила изначальное название «рубаха» (в диалекте могло и не произойти «застывания» уменьшительной формы). С другой стороны, если бы головной убор *сорока* в Архангельской губернии хотя бы в далеком прошлом ассоциировался с птицей, то едва ли стало бы возможным указанное суффиксальное образование. Иными словами, *сорока* — название убора восходит к названию рубахи. Вопрос лишь в том, закономерно ли подобное сближение или это результат народной этимологии. Во втором случае при объяснении этимологии не следует ограничиваться лишь фактами русского языка¹⁶ и описаниями головного убора *сороки* у русских.

Название головного убора, напоминающего русский, именуемый *сорокой*, бытует и у финно-угорских народностей¹⁷. Бесспорно, что и сам убор и его название заимствованы из русского языка. Именно так объясняет И. Миккола карельское и вепское названия.

В то же время возникает вопрос: является ли название *сорока* бесспорно русским? В одном из описаний *сороки* говорится: «Этот головной убор, по-видимому, заимствован от татар или, по крайней мере, и у них был в употреблении»¹⁸. К сожалению, данные, на основании которых делается подобный вывод, не приводятся. Интересен уже тот факт, что русское происхождение как самого убора *сорока*, так и его названия

¹⁴ Д. К. Зеленин. Указ. раб., стр. 337.

¹⁵ А. О. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, стр. 161.

¹⁶ Говоря о сфере русского языка, мы не имеем в виду этимологий самих названий, соотносимых с головным убором *сорокой*, для объяснения которых привлекается различный индоевропейский языковой материал. Авторы приводят иноязычный материал лишь в качестве семантической параллели, а не для объяснения происхождения.

¹⁷ Например, у карелов — «карельский головной убор» (В. И. Даль, IV, стр. 188); J. J. Mikkola. Die älteren Berühungen zwischen ostseefinnisch und russisch. Helsinki, 1938, стр. 26 (карел. *sorokka*, вепс. *sorok*); Г. С. Маслова. Народный орнамент верхневолжских карел. — «Труды Института этнографии АН СССР», вып. 11. М., 1951, стр. 24; у саамов — А. О. Подвысоцкий. Указ. раб.; у марийцев — Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. М., 1927, стр. 77; у мордвы. — Там же и в кн.: П. Д. Степанов. Головные уборы мордовских замужних женщин в Саратовской губернии. — «Труды Нижне-Волжского Областного Научного Общества краеведения», вып. 35, ч. 5. Саратов, 1928, стр. 42; В. Н. Белицер. Народная одежда мордвы. — «Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», т. XXXII. М., 1959, стр. 89; Н. И. Гаген-Торн. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960, стр. 193.

¹⁸ П. В. Синицын. Древности Российского государства. М., 1849—1853. Отд. II, стр. 80.

ставится под сомнение¹⁹. Представляется возможным нарушить замкнутость этимологий Т. Турнбьернссона и Д. К. Зеленина привлечением какого-либо иноязычного, судя по всему, тюркского (татарского) материала. В определенной степени новый подход к истории этого слова диктуется самими реалиями. Если пестрый, богато украшенный, состоящий из относительно самостоятельных частей убор *сорока* и по форме напоминал птицу сороку или воротник того же названия, то более простой архаический тип головного убора, так называемый «полотенечный головной убор»²⁰, вряд ли мог породить подобные ассоциации. С другой стороны, по-видимому, этот «архаический тип» головного убора связывается с подобным, сходным по названию убором у тюркоязычных народов. У В. В. Радлова *saɣuk* (турецкое, половецкое: из *saɣ+k*) означает: «шаль или платок, которым обвертывают голову, чалма»²¹. Сюда же относится азербайджанское *saɣug* 'повязка, перевязка, бинт, чалма, обмотка, тюрбан' и *saɣu* 'повязка, обмотка'²², турецкое *saɣik* 'тюрбан, чалма' и *saɣi* 'повязка, перевязка, бинт'²³, чувашское *saɣ*, *saɣ* (название поясного украшения чувашек)²⁴.

Итак, *saɣuk*, как и архаическая *сорока*, является полотенечным головным убором. Однако совпадение типов головных уборов (к тому же в известной степени предположительное), как и созвучие обоих названий (*сорока* — *saɣuk*), — это еще не решающий аргумент. Не так важно даже установить идентичность этих двух головных уборов с точки зрения этнографии (при заимствовании вполне допустимы смысловые сдвиги), как выяснить, действительно ли существует точное фонетическое соответствие между их названиями. В тюркских языках термин *saɣuk* имеет отчетливое морфологическое строение: глагольный корень *saɣ*+именной суффикс *-k* (весьма распространенный). Наиболее близким к общему значению слова является значение корня — «окружать, окутать, обмотать, обнимать»²⁵, древнетюркское — «завертывать, наматывать, обматывать»²⁶.

Первоначальное звучание слова *saɣuk* — *saɣk*; звук *y* вторичен. Подобный звук в кыпчакских языках, как известно, представляет собой краткий и неполного образования гласный, средний между русским *a* и *ы* (ближе к *ы*). Близким к нему, по всей вероятности, был гласный, развившийся во второй части полногласных сочетаний в восточнославянских языках, который впоследствии трансформировался в *o*. В таком случае можно предположить, что после заимствования в русский язык, в слове *saɣ(y)k* развилось полногласие. Это явление могло произойти в относительно поздний период, так как еще в середине IX века процесс развития полногласия полностью не завершился²⁷.

Заимствование могло происходить лишь в одном направлении, так как прозрачный состав слова *saɣuk* и наличие у него родственных связей

¹⁹ Современные этнографы не пытаются объяснить название; они фиксируют только места распространения убора.

²⁰ Термин, обозначающий в этнографии головной убор в виде полосы материи, накинутой на голову или обвязанной вокруг нее.

²¹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV. М., 1963, стлб. 321.

²² См.: «Азербайджанско-русский словарь». Баку, 1965, стр. 299.

²³ См.: «Турецко-русский словарь». М., 1945, стр. 520.

²⁴ См.: В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 179.

²⁵ См.: В. В. Радлов. Указ. раб., т. IV, стлб. 314.

²⁶ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 490.

²⁷ И. Г. Добродомов. Из древнерусской этнонимии. — «Советская этнография», 1966, № 3, стр. 127.

на тюркской почве²⁸ исключают возможность обратного заимствования из русского в тюркские языки (в отличие от карельского и т. п., где легко доказывается вторичность этого названия). Факт заимствования подкрепляется тем обстоятельством, что *saγuk* и *сорока*, с этнографической точки зрения, — уборы одного типа: сближению их способствует и географический фактор — первоначальное распространение *сороки* на юге страны, где русские соприкасались с тюркскими племенами. Кроме того, слова, производные от *saγuk*, обнаруживаются не только в русском, но и в балкарских языках (в которых проникновению тюркского слова способствовали как местоположение, так и длительные межъязыковые контакты). Любопытный материал приводит Ф. Миклошич²⁹, который в гнезде тюрк. *صارق* 'тюрбан' дает также сев. тюрк. *saγek* 'овца', обосновывая это тем, что тюрбан мог быть сделан из овчины³⁰, а также приводит болг. *saγuk*, серб. *saγuk*, рум. *saγik*, греч. *saγiki* (последнее — явный экзотизм: его значение — «род головного убора турчанок»).

Однако характер русского и балканских заимствований принципиально различен. В сущности, полноценное заимствование произошло только в русском языке. В других языках *saγuk* — редкий экзотизм, употребляемый в диалектах.

Широкое распространение термина *сорока* в русском языке привело к его сближению с созвучными исконными словами — названиями птицы и рубахи, которые способствовали, в частности, оформлению этого заимствования по модели существительных женского рода. В результате рассматриваемое слово было полностью освоено русским языком.

Таким образом, название головного убора — *сорока* следует считать одним из широко распространенных в русском языке тюркских заимствований, хотя история его и необычна.

²⁸ Возможно, что этот же корень имеют: телеутское *saγarγu* 'вуаль' (В. В. Радлов, IV, стлб. 318), чагайтское *saγaγuz* (Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1871, стр. 624), *saγaγuč* (С. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kāšgharī's Divān Lughāt at-türk. Budapest—Leipzig, 1928, стр. 172; «Древнетюркский словарь», стр. 488; М. Räsänen. Versuch einer etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen. Helsinki, 1969, стр. 404a).

²⁹ F. von Miklosich. Die türkischen Elemente in den südost und osteuropäische Sprache. Wien, 1884, стр. 50.

³⁰ Очевидно, недоразумение. Хотя М. Ряснен (см. его указ. раб., стр. 402в) возводит каз.-тат., казах. *saγuk* 'овца' к корню *saγ* со значением «обматывать» и пр., но еще у В. В. Радлова (IV, стлб. 322) *saγuk* 'овца' является, в отличие от *saγuk* 'чалма', неразложимым словом, которое не этимологизируется в тюркских языках. Слово *saγuk* 'овца' имеет несколько иную сферу распространения, чем *saγuk* 'чалма', а именно: в кыпчакских (тат., казах., каракалп. *saγuk*, башк. *haγuk*) и в чувашском (*suγэх*) языках. В русский язык тюркское название овцы заимствовано в форме *сарга* (В. В. Даль, IV, стр. 138) каз. 'овца' (через посредство татарского), *шурка* (В. И. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, стр. 1009) в том же значении (из древнечувашского *šurək; см.: И. Г. Добродомов. Из болгарского вклада в славянских языках. — В сб.: «Этимология. 1968». М., 1971, стр. 195). Таким образом, два самостоятельных тюркских слова *saγuk* в указанных значениях возникли и развивались независимо друг от друга.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Л. СЕРИКОВА

РОЛЬ И СОДЕРЖАНИЕ СУФИЙСКИХ ТЕРМИНОВ В «КЫТЪА» НАВОИ

Советское навоиведение, возникшее сравнительно недавно — около тридцати лет назад, — располагает значительным числом исследований, посвященных творчеству Навои. Однако такая сложная проблема, как мировоззрение поэта, все еще не получила достаточно глубокого освещения.

Публикация наследия Навои, предпринимаемая в последнее время во все более полном объеме, делает необходимым и возможным, на наш взгляд, осуществление некоторой корреляции в изложении вопросов, касающихся мировоззрения великого поэта.

Выдающийся поэт-мыслитель и государственный деятель средневекового Востока Алишер Навои был яркой и сложной личностью: «практический политик, однако не честолюбивый интриган от политики, не правитель и не вождь, равным образом и не властолюбец, но советчик и примиритель, государственный муж, чья активность и стремление вперед смягчались мудростью и глубоким проникновением в несовершенство и многосложность человеческой природы, которому его слава, его опытность, его знание людей и обстоятельств и, не в последнюю очередь, его бескорыстие и личная безупречность давали немаловажную власть»¹.

Творческое наследие Навои обширно и многообразно, суть философских воззрений поэта, облеченная в совершенную поэтическую форму, зачастую трактуется исследователями совершенно по-разному, обилие кажущихся или действительно существующих противоречий приводит к тому, что авторы отдают предпочтение одним фактам и игнорируют другие.

Анализируя характер мировосприятия поэта, многие исследователи оставляют вне поля зрения вступительные главы к его поэмам, газели, вынесенные в начало каждого раздела поэтических диванов Навои, считая их лишь данью традициям канонической поэзии Востока. Такой подход в свое время был продиктован справедливым стремлением исследователей выделить в поэзии Навои присущие ей подлинно реалистические черты, опровергнуть ложное представление о Навои как о поэте-мистике². Думается, что в настоящее время необходимость в этом уже отпала, и настало время приступить к анализу поэтического наследия Навои в целом.

¹ Г. Гессе. *Игра в бисер*. М., 1969, стр. 200.

² См.: Е. Э. Бертельс. *Избранные труды*. (Навои и Джамн). М., 1965, стр. 104.

Настоящая статья представляет собой попытку определить некоторые черты мировоззрения поэта на основании его *кыт'а* (фрагментов). Этот раздел поэзии Навои нами рассматривается как объемная проекция обширной сферы приложения творческих сил поэта, его могучего интеллекта, тонкой интуиции, глубоких общественных интересов.

Сам термин *кыт'а* определяет лишь формальный, внешний признак этой стихотворной формы, более других свободной от строгих канонов средневековой восточной поэтики. Сущность этого жанра хорошо выразили арабские теоретики, назвав его *хикмат* — мудрость³. Кыт'а предполагает обращение поэта непосредственно к жизни, к событиям современности; позволяет свободно излагать свое мнение по тому или иному вопросу, не ограничивая его ни объемом, ни темой. Именно поэтому кыт'а, если рассмотреть их в целом, раскрывают подлинное богатство и широту интересов автора, обостренно воспринимающего окружающую действительность. Специфичность поэзии, в которой всегда «художественная задача соединяется с задачей морально-общественной проповеди, эмоционально-волевого воздействия»⁴ и которая в классической поэзии Востока значительно затемняется в канонизированных формах, выступает на первый план в жанре кыт'а.

Богатство и разносторонность тематики кыт'а Навои, их социальная насыщенность, справедливо отмечаемые рядом исследователей творчества поэта, и позволяют нам использовать их в качестве своеобразной канвы для уточнения некоторых существенных черт мировоззрения выдающегося мыслителя средневековья.

Следует сразу же отметить, что морально-общественная проповедь во многих кыт'а Навои облечена в форму трактовки тех или иных канонов шариата, толкований хадисов, изложения сущности суфийских представлений о мироустройстве и о человеке. Это не только дань традиции. Нам кажется гораздо более логичным предположить, что Навои ощущал необходимость соотнесения своего мировосприятия с философской мыслью современной ему эпохи, осмысления реального содержания тех идеологических принципов, в духе которых он был воспитан. Навои размышляет о посылах религии с той же серьезностью, что и о данных науки, он угадывает в них первоначальный этический смысл, лежащий в основе любых религиозных представлений и являющийся отражением общественного опыта поколений. В философии его интересует прежде всего приложение ее к реальному человеческому бытию, к человеческим отношениям, поэтому он старается выявить в ней рациональные выводы, которые могут служить рекомендациями для сознательной деятельности людей, для его собственной весьма разносторонней и ответственной деятельности. Что бы ни стало предметом его внимания в стихе, всегда за этим угадываются его интерес к социальным проблемам, его поиски меры соотношения людской добродетели и пороков, его стремление к направленному воздействию на человеческую природу через разум и эмоции. Возможность такого воздействия Навои видит в приобщении людей к поэтическому, образному, интуитивному восприятию многостороннего и сложного мира человеческих отношений.

Именно серьезному отношению к официальной религии своего времени Навои обязан тем, что его поэзия завоевала доверие у современников, в подавляющем большинстве своем людей религиозных и суевер-

³ См.: Е. Э. Бертельс. Персидская поэзия в Бухаре X в. М.—Л., 1935, стр. 17.

⁴ В. М. Жирмунский. К вопросу о формальном методе. — В кн.: О. Вальцель. «Проблема формы в поэзии». Пг., 1923, стр. 19.

ных. Нам кажется крайне важным не только не обходить при исследовании творчества поэта использованные в нем религиозные мотивы, но, напротив, изучить и понять ту роль, которую они выполняли, какой реальный смысл они несли, коль скоро Навои включил их в свой поэтический арсенал.

Для этого прежде всего необходимо выделить наиболее характерные для поэзии Навои суфийские термины и понятия и определить содержание их в трактовке поэта. Это тем более важно, что в этом вопросе у исследователей нет единого мнения. Органически связанный с воспитавшей его средой, оставаясь в известной мере верным ей и стремясь в то же время к проявлению собственной индивидуальности и сохранению верности личным вкусам и привязанностям, Навои находит созвучные его душе идеи в суфийском учении Накшбанда, преподанном ему Джамии, его старшим современником, замечательным персидско-таджикским поэтом, которого Навои признал своим *пиром* — духовным наставником. Навои по рекомендации Джамии официально вступает в накшбандийский орден и во всей своей практической деятельности руководствуется советами своего наставника, одного из видных деятелей этого ордена. О том, как понимал Навои сущность этого учения, какой смысл вкладывал он в проповедуемые суфизмом добродетели, правомернее всего судить по его собственным стихам.

У Навои есть кытъя, посвященное изложению основных принципов накшбандийского учения; суть этого учения большинством навоиведов излагается, вслед за Е. Э. Бертельсом⁵, по формулировкам Джамии в его трактате «Нафохот-ул-унс». Джамии называет четыре основных принципа: *xilvat dar anʒuman* («уединение в обществе»), *paʒar dar kadam* («внимание ко всему»), *safar dar vatan* («путешествие по родине»), *huš dar dam* («наслаждение каждым мигом»). В изложении Навои каждое из этих положений конкретизировано, соотнесено с реальной действительностью и может быть воспринято как обобщенный принцип наиболее рационального поведения человека, хотя не исключает возможности и более широкого толкования. Такая двуплановость смысла, наличие подтекста вообще характерны для поэзии Навои. Так, требование уединения в обществе может быть истолковано как необходимость сохранять в неприкосновенности свой внутренний мир, ограждая его от внешних обязанностей, навязываемых человеку обществом. Именно этим принципом руководствовался Навои в своей практической деятельности, так же понимал его и Джамии, настаивавший, по свидетельству Навои, на том, чтобы поэт оставался на государственной службе⁶, ибо, несмотря на то, что жизнь во дворце была ему в тягость, деятельность его благотворно сказывалась на политике государства и на положении народа.

В положении *safar dar vatan* — о путешествии по родине Навои подчеркивает, что человек может непрестанно познавать мир и оставаясь на одном месте, ибо самое главное, чтобы он был внутренне активным, равнодушным к окружающему миру. Принцип *paʒar dar kadam* расшифровывается Навои как требование не быть безучастным к любым проявлениям жизни, ибо все в жизни исполнено смысла. Это может быть понято и как совет быть сыном своего времени, использовать свои реальные возможности, уметь радоваться тому, чем обладаешь в данный момент. Четвертый принцип излагается Навои так:

⁵ См.: Е. Э. Бертельс. Навои. Опыт творческой биографии. М.—Л., 1948, стр. 142—143.

⁶ Алишер Навоий. Хамсат ул-мутахайрин. — Асарлар, т. 14. Тошкент, 1967, стр. 18—19.

Damingdin jirok tutmagil hušni,
Ki juzlanmagaj har dam ofat sanga⁷.

‘Не будь благодушен, беспечен,
(или: Не теряй ни на миг рассудка),
Тогда каждый миг не обернется для тебя бедой’.

Как явствует из этих строк, в слове huš Навои подчеркивается значение «рассудок», «разум», в отличие от значения «чувство» у Джами, как это воспринимается большинством исследователей, в формулировке последним этого же принципа.

Изложение этих основ накшбандийского учения Навои предваряет обращением к читателю, подчеркивая при этом, что необходимым условием для успешного восприятия провозглашаемых им принципов является благожелательное приятие человеком окружающего мира. Именно этот смысл вкладывается Навои в традиционный суфийский термин kanoat, обычно переводящийся как «воздержанность, довольство малым». Но в устах Навои это слово обретает всю гамму значений, этимологически возможных для него, в том числе и значение «согласия» (от ар. قنع — соглашаться), то есть поэт испытывает чувство слияния с миром, верит в его возможности, умеет по достоинству оценить то, что он может дать человеку. Вот как говорит об этом Навои:

Kanoat tarikiya k'ir, āj k'ungul,
K'i xatm ölyaj ojini izzat sanga.
Desang šoh öljaj jeru k'uk' basdurur,
Bu bir taxtu ul čatri rif'at sanga.
Fano šu'lasida jošur žismni,
K'erak' bölsa zarbaft xil'at sanga.
Jetar lola butgan kijo kullasi,
Murod ölsa gulgun hašmat sanga.
Erur bas ariy nuk'tau kon jošing,
Duru la'ldin zebu zijnat sanga⁸.

‘О сердце, вступи на путь согласия, довольства малым,
Ты будешь вознаграждено в конечном счете.
Чтобы чувствовать себя шахом, достаточно иметь небо и землю;
Земля — трон, а небо — величественный шатер.
В лучах преходящего укрой свое тело,
Если нужна тебе златотканная парча.
Довольно зазеленевшего росточка тюльпана,
Если твоя цель — алое великолепие.
Довольно чистых мыслей и кровавых слез (то есть страданий),
Вместо жемчугов и рубинов они украсят тебя’.

Навои стремится воздействовать на сознание общества в целом, его поэзия обращена к каждому отдельному человеку, способному мыслить, чувствовать и страдать, задумывающемуся о своей миссии на земле. Выдающийся талант Навои помог ему наполнить религиозные представления новым содержанием, переосмыслить их на основе явлений и условий реальной жизни. В эпоху средневековья, когда религия представляет собой самосознание и самочувствие человека, еще не отыскавшего себя (К. Маркс), такое расширенное толкование религиозных понятий объективно способствовало воспитанию общественного самосознания в духе демократического восприятия личности и ее прав в единственно возможной и приемлемой тогда форме, способствовало утверждению возвышенных представлений о сущности человеческого предназначения.

⁷ Алишер Навоий. Хазонн ул-маоний, т. I. Тошкент, 1959, стр. 724.

⁸ Там же.

Величие Навои как поэта-мыслителя состоит в том, что, преломив через «магический кристалл» души знания и верования своей эпохи, он сумел трансформировать их в свою поэтическую систему видения мира таким образом, что в каждом из общепринятых тогда положений обнажилось то рациональное, что могло быть соотнесено с действительностью. При этом самым важным для поэта было осмысление значимости этих установок для жизни общества в целом и каждого человека в отдельности.

Навои, почтительно относившийся к официальной религии, воспринял ислам через призму суфизма — учения, формально опиравшегося на коран, но внесшего в него существенные изменения. Суфизм, по определению одного из исследователей этого философского течения — Массэ, «... ставил размышление выше проповеди и пренебрегал религиозными обрядами... он незаметно устранял богословскую науку и ставил на ее место интуицию»⁹. А интуитивное познание мира есть, по существу, поэтическое восприятие его. Именно в этом смысле понимается нами титул *мутасаввуф* — человек, познавший сокровенное (от *тасаввуф* — учение о сокровенном), — так называли великого поэта его современники.

На наш взгляд, очень важно понять, какое именно содержание вкладывалось Навои в те или иные суфийские термины и определения, каким предстает в его изображении сокровенное, как видится ему мир.

В одном из кытъя Навои следующим образом толкует высказывание Ходжи Накшбанда:

Ma'ni ajtur bu suzga bir komil,
K'i suzi erdi hak sori šomil.
Yaraz ermas bu k'asbdin dunjo,
Bal erur k'asbidin murodi fano¹⁰.

'Выразил один достигший совершенства смысл этих слов,
Его слова соответствуют истине.
По этому наставлению не мир — желанная цель,
Но цель его наставлений — «фано» — преходящее'.

Эти строки можно истолковать различно. Слово *fano* переводится обычно как «тленный», «бренный». М. Раджабов определяет смысл «фано» не как буквальное, физическое самоуничтожение, а как состояние человека, внутренне настолько погруженного в созерцание бога, что уже как бы переставшего существовать индивидуально, то есть растворившегося в божестве¹¹.

Анализ стихов Навои позволяет думать, что он вкладывает в данное слово несколько иной смысл. Для поэта достичь состояния «*fano*» означает постижение высокой ценности хотя и преходящей человеческой жизни, умение пользоваться каждым ее мигот, для того чтобы приблизиться к вечным, подлинным духовным ценностям, овладение которыми доступно человеку. Понятие *fano* включает в себе также требование избавиться от низменных эгоистических чувств, побороть в себе собственное *я*, то есть подняться на высшую ступень человеческого совершенства. У Навои слово *fano* противопоставляется таким понятиям, как *апоният* 'заносчивость, самолюбие', *özluk'* 'забота лишь о самом себе, эгонистичность':

K'imk'i özluk' imoratin buzdi,
Böldi nakdi fano aning muzdi.

⁹ А. Массэ. Ислам. М., 1963, стр. 163.

¹⁰ Алишер Навоий. Хазон ул-маоний, т. III. Тошкент, 1960, стр. 691.

¹¹ См.: М. Раджабов. Абдурахман Джами и таджикская философия XV в. Душанбе, 1968, стр. 123—124.

Ul imoratin buzmajin solik',
Bölaolmas bu nakdga molik'¹².

'Тому, кто разрушил обитель эгоизма,
Наградой стало овладение «фано».
Тот праведник, который не разрушил это строение,
Не может завладеть этой ценностью'.

Итак, праведник — это человек, постигший истину, что смысл человеческого существования заключается не в заботе о себе самом, и сумевший преодолеть в себе эгоистические побуждения, ибо он не может не видеть, что короткая человеческая жизнь теряет всякий смысл, если не подчинена служению всему обществу, частицей которого является каждый индивидуум. Однако это не означает и того, что человек должен отказаться от всех радостей жизни:

Foniji mutlak ölmajin solik',
Anga jöktur umide, maksadi k'ul.
Karo tufrokya singmagan katra,
Andin imk'oni jök oçilmok gul'¹³.

'Праведник, не достигший абсолютной тленности,
Ни одной из своих целей не достигнет.
Если капля не просочится в черную землю,
На ней не сможет расцвести роза'.

Образ розы — символ совершенства, стремиться к которому призывает Навои человека:

K'amol et k'asbkim, olam ujdin
Sanga farz ölmayaj yamnok'çikmok'¹⁴.

'Сделай ремеслом совершенство, тогда из дома-мира
Не придется тебе уходить опечаленным'.

Характеризуя мировоззрения Навои, Е. Э. Бертельс писал: «Навои мечтал о достижении конечной цели суфия, стремился к тому умиротворению и отдыху, который ему обещала фана — прекращение индивидуального бытия»¹⁵.

Для Навои «прекращение индивидуального бытия» означает отказ от эгоистических устремлений, осознание себя частицей человечества, мыслящим существом, способным достигать возвышенного состояния духа и служить всем людям.

Поэт утверждает, что тот, кто постиг высший смысл жизни, не может стремиться только к личному благополучию. Более того, никакие материальные блага не в состоянии совратить его и сделать эгоистом:

Solik'i ozodani körsang yanij kilyoj debon
Mol aning man'i suluk'i kilmayil ink'or anga.
K'ema tijri mol aro bölmis mukajad demagil,
K'örk'i, onça mol ölugmu raftor anga'¹⁶.

'Если увидишь свободного праведника богатым,
Не упрекай этим, говоря, что богатство препятствует
праведности.

Не думай, что мачта корабля завязла в товарах,
Взгляни, разве обилие товара мешает кораблю двигаться?'

¹² Алишер Навоий. Хазонн ул-маоний, т. I, стр. 735.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 725.

¹⁵ Е. Э. Бертельс. Суфизм и суфийская литература. М., 1965, стр. 419.

¹⁶ Алишер Навоий. Хазонн ул-маоний, т. I, стр. 722.

Таким образом, для Навои состояние *fanō* — это скромная жизнь, создающая условия для более полного, более естественного приобщения к бытию, постижение посредством собственного опыта закономерностей мира, частицей которого человек является.

Только постигнув, что сущность индивидуального бытия преходяща, человек может приобщиться к вечности. Вот как об этом пишет Навои:

To sok'ini k'ui benišonj našavj,
Šoistai asrori nihoni našavj,
Makrup ba hajoti žovidoni našavj,
To az asari vužud fonij našavj¹⁷.

'Пока ты не будешь жить в покое в неприметном месте,
Ты не удостоишься (познания) скрытых тайн,
Ты не приблизишься к вечной жизни,
Пока твое существование не будет «фано»'.

Высший смысл человеческого существования Навои видит в осуществлении лучших качеств, которыми наделила человека природа, а для этого ему необходима свобода самопроявления. Для человека, обуреваемого корыстными помыслами, это невозможно. Чувством собственного достоинства обладает лишь тот, кто готов отказаться от материальных благ во имя сохранения верности своим принципам. Отсюда вывод Навои:

Gadoliy jaxširok ahli fanodin,
K'i olam ičra kilsang podšoliy.
Zahon ahliya, k'örk'im, šah ne ajlar,
Zahon tarkini kilyondin gadoliy¹⁸.

'Для тех, кто постиг преходящую суть мира,
Крайняя бедность лучше, чем быть падишахом в мире.
Посмотри, что делает падишах с теми людьми,
Которые покинули мир ради нищеты'.

Навои, как и его современники, считал естественным деление общества на различные социальные слои, но все же критерием истинной человечности служат для него душевные качества, а не «благородное» происхождение и не социальное положение:

Tož k'öp dardisar berur bizga,
Zulmidur aklu huš toroži.
Vošimizdan bu tožni k'am kil,
Varča gar bōlsa saltanat toži¹⁹.

'Корона причиняет нам много страданий,
От ее гнета — разор уму и сознанию.
Пусть будет меньше корон над нашими головами,
Хоть будь они коронами всех царств'.

Утверждению человеческого достоинства способствует, считал Навои, *tavak'k'ul*, то есть упование на бога, как обычно переводится это слово. Некоторые исследователи полагают, что это положение противоречит требованию об активном действии, проповедуемому *накшбанди*²⁰.

¹⁷ Алишер Навоий. Асарлар, т. V, кн. 2. Тошкент, 1965, стр. 431.

¹⁸ Алишер Навоий. Хазон ул-маоний, т. III, стр. 693.

¹⁹ Там же, стр. 703.

²⁰ См.: Ш. Шукуров. Навоий китъаларининг социал мотивлари. Янги серия, вып. 127, Самарканд, 1963, стр. 135—136.

В поэтической системе Навои это понятие исполнено более глубокого смысла. В переводе с арабского это слово означает «принятие с доверием».

Поэтому его вовсе не следует толковать как призыв к смирению перед судьбой, к фанатизму. Это скорее проповедь оптимизма и благородного риска в сочетании с последовательностью и верностью своим убеждениям. По мысли Навои, *tavak'k'ul* оберегает человека от соблазна искать легкие пути для личного обогащения и тем самым способствует сохранению независимости перед лицом сильных мира сего. Навои резко осуждает людей, способных рабски прислуживать шаху за миску плова:

*Tavak'k'ulni ulk'im köjub хотiriya,
Tušar šoh ollinda kulluk' havosi,
Nasibi aning bir ajok oš erur bas,
Agar ganži Korun erur muddaosi.
Biravk'im, bölor bir ajok oš uçun kul,
Juziga k'erak'dur kazonning karosi²¹.*

‘Тот, кто помнит об уповании
И впадает в страсть раболепия перед шахом,
Его уделом будет одна миска плова, не больше.
Если претендует он на богатства Каруна.
Тот, кто ради миски плова будет рабом,
Достоин, чтобы лицо его (вымазали) сажей котла’.

Эту мысль поэт развивает в словах о том, что порочно желать добытое трудом других людей, ибо каждый имеет возможность получить необходимое ему своим трудом, собственными стараниями:

*Tengri xonin oçuk akida kilib,
Xalkdin rözi istagon gumroh.
Ujladurk'im tengiz kirroyinda
Röza oçmokka k'imsa kozyoj çoh²².*

‘Верящий в то, что скатерть бога открыта,
И ищущий хлеба насущного у людей, заблуждается.
Это то же, что на берегу моря
Рыть колодец, чтобы завершить пост’.

Суфизм, зиждившийся на интуитивном познании бога как высшей истины, давал простор творческому воображению поэта. Навои находит естественные аналогии суфийским добродетелям, без обладания которыми постижение истины считалось невозможным. Так, щедрости он советует учиться у реки и солнца, причину утраты человеком уважения он видит в алчности, в его желании пользоваться не принадлежащим ему по праву — так и луна, светя отраженным светом солнца, не может сравниться с ним достоинством²³. В сложности, противоречивости мировой гармонии находит он объяснение естественным сложностям человеческих отношений:

*Gar tijralar takadduni ahli safoya bor,
Bu nuk'tani muomaladin korma laškari.
Davron arok'i k'örajı sözu gudoz erur,
Sö'la erur hamiša kuji, dud jukori²⁴.*

‘Если есть опережение чистых людей темными,
Не смотри на это иначе, чем на тонкость устройства.

²¹ Алишер Навоий. Хазоин ул-маоний, т. I, стр. 725.

²² Там же, стр. 693.

²³ См.: Алишер Навоий. Асарлар., стр. 389.

²⁴ См.: Алишер Навоий. Хазоин ул-маоний, т. III, стр. 702.

Эпоха — пылающая печь,
Пламя всегда внизу, а дым наверху'.

Суфийское представление о любви как о проявлении божественной взаимосвязанности всего сущего, частью которого является и человек, лежит в основе философского осмысления поэтом этого чувства, что подтверждается его трактовкой любви в «Махбуб ал-кулуб».

По Навои, любовь имеет три проявления.

Самое обычное, простое проявление ее — любовь индивидуальная, порожденная физическим влечением. Второе проявление этого чувства — поэтическая одухотворенность, увлечение прекрасным, — реализующаяся в служении искусству. Чем возвышеннее предмет любви, тем более высокие требования предъявляются этим чувством к способности души к эмоциональному накалу, к страсти до самозабвения. Высшим проявлением этого чувства Навои считает экстаз, момент озарения, когда человек ощущает себя частицей Вселенной, то есть становится способным чувственно постигнуть самую сокровенную истину, выражаемую в понятии «бог». Тот, кому доступно подобное проявление любви, не может не предпочесть его другим проявлениям. Но этот взлет человеческого духа достигается не сразу, и этапом на пути к нему является индивидуальная любовь:

Mažozdin manga maksud erur hakikij išk
Nedink'i, ahli hakikatk'a bu tarikat erur²⁵.

'Цель дозволенной любви для меня — истинная любовь,
Ибо это путь людей, познавших истину'.

Религиозная догматика метафизична, и потому предъявляемые ею требования оказываются прокрустовым ложем для живых человеческих чувств. А поэтическое видение Навои оперирует религиозными представлениями как готовой формой, используемой им для воссоздания модели подлинной картины наблюдаемых в мире явлений:

K'ormasa hušni mažozī ičra žuz hak sun'ini,
Ošikik'im bōlsa išk atvori ičra pok'boz,
Zohido, bu iškđin man' ajlama ošiknik'im,
Gar sen idrok' ajlasang, ajni hakikatdur mažoz²⁶.

'Если влюбленный видит в красоте любви только божественную
силу.

И чист в своих любовных помыслах;
О отшельник, не препятствуй ему в этой любви,
Если ты вдумаешься, истинна эта земная любовь'.

Благодаря своему высокому поэтическому дару Навои вдохнул жизнь в мертвые схемы религиозных построений: соотнеся последние с реальной действительностью и используя как форму, одухотворил их, наполнив живыми человеческими чувствами. Сын своего времени, Навои со всей искренностью исповедовал веру предков, но, будучи мыслящим и глубоко чувствующим человеком, как бы испытывал традиционные символы веры философским камнем своих раздумий. о положении человека в обществе, о путях и возможностях его самоутверждения, о смысле самой жизни и так далее, что уже само по себе находилось в разительном противоречии с духом религии.

²⁵ Алишер Навоий. Ҳазоин ул-маоний, т. IV, 1960, стр. 726.

²⁶ Там же, стр. 727.

Стихи Навои учили человека задумываться над вопросами о значении мира и собственном месте в нем, призывали не повиноваться слепо воле обстоятельств и других людей, познать себя, свои возможности и в полной мере использовать их для достижения возвышенных целей. Высокая человеческая мысль, пронизывающая поэзию Навои, вытесняла из сознания людей положения ортодоксального ислама, освобождая от оков последнего их разум. В этом — одна из главных причин величия Алишера Навои и его неувядающей поэзии.

А. Е. МАРТЫНЦЕВ

ЗВУКОВОЙ ПОВТОР В ТУРЕЦКОМ СТИХЕ

Исследование звукового строя турецкого стиха до сих пор ограничивалось изучением рифмы и аллитерации, то есть звуковых повторов, выполняющих ритмическую и организующую функции. Вопросы же эвфонии специально не рассматривались, хотя в общетеоретической литературе¹ важность этого предмета стиховедения постоянно подчеркивается. Видимо, это оправдывает попытку наметить некоторые возможные пути анализа звукового строя турецкого стиха.

Ниже речь пойдет о звуковых повторах, в использовании которых не удалось установить какую-либо регулярность или закономерность. А явления такого порядка, как звукообраз и так далее, по своей специфике заслуживают отдельного рассмотрения, и в настоящей статье мы их касаться не будем.

При исследовании фоники стиха обычно исходят из представления, что звуки речи кроме смысловоразличительной обладают также экспрессивной функцией². Эта посылка не раскрывает, однако, механизма проявления художественной функции повтора.

С точки зрения объяснения роли звуковых повторов в стихе определенный интерес представляет мнение Ю. М. Лотмана, считающего, что повторяемость в тексте одних и тех же звуков создает ритмическую инерцию³. Подобное определение возникающей инерции противоречит традиционному пониманию ритма как упорядоченного процесса, расчлененного на равнодлительные звенья⁴, или цикличного повторения разных элементов в одинаковых позициях⁵. Тем не менее введение самого понятия инерции, которое предлагалось уже давно⁶, но применительно к рассматриваемому вопросу не получило широкого распространения, кажется вполне конструктивным.

Известно, что артикуляционная база связана с соответствующими полями головного мозга⁷, в которых при восприятии речи отражаются

¹ См., например, Б. П. Гончаров. Звуковая организация стиха и проблема рифмы. М., 1973, стр. 113—118.

² П. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1961, стр. 13.

³ Ю. М. Лотман. Анализ поэтического текста. Л., 1972, стр. 63.

⁴ Т. Шенгели. Техника стиха. М., 1960, стр. 13.

⁵ Ю. М. Лотман. Указ. раб., стр. 45.

⁶ П. Сокальский, объясняя происхождение музыкальных и словесных повторов физиологическими и психологическими особенностями человека, отмечал, что по закону инерции ощущения меняются не так быстро как мысль. См.: П. Сокальский. Русская народная музыка: великорусская и малоросская в ее строении мелодическом и ритмическом в отличие ее от основ современной гармонической музыки. Харьков, 1888, стр. 243.

⁷ В. Пенфильд, Л. Робертс. Речь и мозговые механизмы. Л., 1964, стр. 230.

имитационные колебания речеобразующих органов. В результате повторения идентичных колебаний возникает инерция восприятия одного и того же звука, который, вероятно, тем самым выделяется из системы других звуков, то есть увеличение в тексте повторяемости одного и того же звука может привести к явлению адаптации⁸ и восприятию этого звука как основного сигнала данного фрагмента текста или речи. Не исключено также, что возникновение инерции объясняется стремлением «к возможному уменьшению затраты силы на произнесение словесного комплекса»⁹ и в какой-то степени облегчает артикуляционный процесс.

Для выяснения причин использования звуковых повторов в поэтической речи определеннй интерес представляют исследования, связанные с изучением афазии¹⁰. Так, например, было установлено, что у больных афазией затруднено переключение с одного вида артикуляции на другой. Даже при повторении в разбивку только двух различных звуков речи время реакции увеличивалось. Когда же переключения не требовалось, время реакции сокращалось, то есть единообразие в значительной мере облегчает артикуляцию¹¹. Если предположить, что патология гипертрофирует скрытые или неясные тенденции нормы, то использование звуковых повторов в поэтической речи, видимо, отчасти объясняется стремлением к облегчению артикуляции.

Вероятно, наиболее отчетливо тенденция к упрощению артикуляции проявляется в поэтической речи повышенной эмоциональности. В пользу этого предположения говорят данные специального анализа стихотворного текста, указывающие на то, что в произведениях с яркой экспрессивной окраской звуковые повторы встречаются намного чаще, чем в обычной разговорной речи¹². Эту мысль подтверждают также «звукописные» образования, составленные по способу повтора (в том числе трансформированного и усеченного), которые часто используются для интенсификации основного значения слов, что придает им некоторую эмоциональность, например: *araçık* 'совершенно открытый', *kırkırmızı* 'абсолютно красный', *tıklım tıklım* 'битком набитый' и т. д. Нельзя оставлять без внимания и то обстоятельство, что доминирующие на формальном и содержательном уровне части текста нередко обладают повышенной, в сравнении с другими стихами, звуковой урегулированностью. Это относится в первую очередь к первым бейтам в монофонических произведениях, часто отличающихся богатой инструментовкой, например:

Leblerin tek la' li lafzın tek düri şehvar yoh
*La'lü gevher çoh lebin tek la'li gevherbar yoh*¹³

‘Подобных твоим губам, подобных рубинам твоих слов
нет царственных жемчужин,
Много рубинов и жемчуга, но подобных твоим губам
нет сокровищницы рубинов’.

⁸ А. Чистович. Психоакустика и вопросы теории восприятия речи. Распознавание слуховых образов. Новосибирск, 1970, стр. 79.

⁹ А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 84.

¹⁰ А. Р. Лурия, например, считает, что афазия позволяет выявить различные факторы, лежащие в основе экспрессивной речи человека. См.: А. Р. Лурия. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М., 1962, стр. 14.

¹¹ Е. Н. Винарская, Н. И. Ленская. Звуковые нарушения артикулированной речи при эфферентной моторной афазии. — В сб.: «Исследования по речевой информации». М., 1968, стр. 28.

¹² А. П. Журавлев. Автоматический анализ эмоционального фона стихотворного текста. — В сб.: «Проблемы прикладной лингвистики», ч. I. М., 1969, стр. 119.

¹³ Fuzulî. *Köprülüzade Mehmed Fuad*. Eski şairlerimiz divan edebiyatı antolojisi. İstanbul, 1934, стр. 211.

Предполагаемое стремление к единообразию артикуляции в турецком стихе, по-видимому, может быть частично удовлетворено за счет совпадений агглютинативных элементов:

Euler, alanlar, tepeler, dağlar
*Otlardan ağaçlara dek*¹⁴

‘Дома, поляны, холмы, горы
От травы до деревьев’.

Но зачастую повтор встречается в основе слова и производит впечатление специального приема, выполняющего заданную художественную функцию:

Hiç bir geminin gitmediği
Gözlerinin gittiği
*Gökyüzünü*¹⁵

‘Небосвод,
Который не бороздил ни один корабль,
К которому устремились их взоры’.

Иногда насыщенность повторов в стихе настолько велика, что повторяющийся звук воспринимается как основной звуковой признак текста:

Hangi sır sarıyor evreni
*Hangi el o sırı açıyor?*¹⁶

‘Какая тайна окутывает вселенную,
Какая рука раскрывает ту тайну?’

*Sıkıntılı acılı pırıltılardan baktım*¹⁷

‘Мне опротивел скучный, печальный свет’.

Однако сказать с определенностью, является повтор «случайным» или «организованным», то есть установить его первоначальную заданность и избежать при этом субъективных оценок, не представляется возможным. Пока нет четких критериев для объяснения содержательного значения повторов, их семантическая дифференциация будет субъективна и останется на совести исследователя. Впрочем, достаточно очевидно, что повторы тем более заметны, чем больше их сконцентрировано в стихе. Поэтому, допуская в стихотворной речи наличие тенденции к единообразию артикуляции, следует, по-видимому, прежде всего учитывать количественное соотношение между повторами и текстом, а также их распределение относительно друг друга; например:

Nerede boyumdan küçük rüyalarım
*Ekmek kavgasına düşmemiş insanların*¹⁸

‘Где мои сны, что короче меня,
И мои люди, не дерущиеся из-за куска хлеба’.

Здесь звук *r* повторяется четыре раза, *k* — пять раз и *m* — шесть раз. Распределение же этих звуков в тексте далеко не одинаково. Если *r* повторяется через большие промежутки, то *k* дополнительно к синтаксическим связям объединяет слова *ekmek kavgasına* еще и в звуковом отношении, так что функция этих звуков в тексте, видимо, несколько различна. Впрочем, насыщенность приведенного отрывка повторами не-

¹⁴ Fazıl Hüsnu Dağlarca. «Der Ki ...». — «Türk Dili». Nisan. 1963.

¹⁵ Ceyhan Atuf Kansu. «Güneş şapkası». — «Türk Dili». Aralık 1962.

¹⁶ Halit Fahri Ozansoy. «Hangi?». — «Türk Dili». Ağustos 1964.

¹⁷ Oğuz Karim Atok. «Güneşli yağmur». — «Türk Dili». Şubat 1964.

¹⁸ Ayhan Hünalp. «Uç otuz paralık. Bir marttı öttü». — «Türk Dili». Haziran 1969.

велика, и они не воспринимаются как эвфоническое средство. Но нередко звуки концентрируются в небольшом фрагменте текста и повторяются с определенной ритмичностью:

*O kadın bana baktı
Savurup saçlarını*¹⁹

‘Та женщина смотрела на меня,
Распустив волосы’.

Подобные случаи, видимо, необходимо различать; поэтому целесообразна формальная дифференциация повторов с учетом их позиций в единице текста. Так, например, согласно классификации А. М. Щербак, предложенной им для аллитерации²⁰, повторы можно членить на междусловные и строфические.

Повтор междусловный:

*Dalgada gemi gibi titreşir temelleri*²¹

‘Основы его сотрясались как корабль на волне’.

Повтор строфический:

*Alabildiğine yeşil ağaçlar
Renkleriyle alkış tutuyorlar,
İçiyorlar sarhoş aydınlıktan*²²

‘Ослепительно зеленые деревья
Плещут своими красками,
Льют пьянящий свет’.

Для более подробного анализа фоники стиха учет повторов возможен по иной схеме; например:

*Eski bir güneşten ufalanmış taşları*²³

‘Измельченные старым солнцем камни’.

Формула повтора для звука ξ будет выглядеть следующим образом:

$$\frac{11. \xi. \quad 11. \xi. \quad 2. \xi. 4}{30},$$

где в знаменателе — общее количество звуков в строке, а в числителе — повторяющийся звук и количество иных звуков между повторами.

Повторы, по-видимому, необходимо также дифференцировать в зависимости от порядка, в котором они следуют друг за другом, так как от этого может зависеть характер и величина возникающей звуковой инерции. Например, двузвучный повтор типа АВ ($\xi-r$, $\xi-r$):

*Ve ölüm at gibi geçer uçurumları*²⁴

‘И смерть, словно конь, перепрыгивает через пропасти’.

Обратный повтор типа ВА ($\xi-m$, $m-\xi$).

*Daha akşam olmamıştı sanırım*²⁵

‘Мне кажется, что вечер еще не наступил’.

¹⁹ Abdullah Rıza Ergüven. «Ya ben neyim ağacın tepesinde». — «Türk Dili». Mart 1963.

²⁰ А. М. Щербак. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении. — «Народы Азии и Африки», 1961, № 2, стр. 162.

²¹ Behşet Kemal Çağlar. «Bali adasında akşam töreni». — «Türk Dili». Aralık 1965.

²² İbrahim Zeki Burdurlu. «İzmir’e yağmur yağmıyor». — «Türk Dili». Mayıs 1964.

²³ Turgay Gönenç. «Kapılardan Kuyulu bir geçite». — «Türk Dili». Mart 1964.

²⁴ Seyfettin Başçılar. «Toroslar». — «Türk Dili». Subat 1970.

²⁵ Mehmet Turan Yarar. «Olay Gecesi». — «Türk Dili». Mart 1969.

Возможна и более детальная дифференциация повторов по этому принципу в зависимости от числа повторяющихся звуков и их порядка в тексте²⁶.

Звуковая характеристика текста определенным образом зависит также и от фонетических свойств повторяющихся звуков. Известно, что артикуляция и восприятие речи происходят не по отдельным звукам, а в их совокупности с предыдущими и последующими²⁷. Кроме того, свойства отдельных звуков, взятых вне фонетического контекста, не вполне соответствуют их свойствам в реальном потоке речи²⁸. Поэтому при анализе звукового строя стиха не следует выделять отдельные графемы, ибо повторяющиеся звуки должны рассматриваться в соответствующих позициях, например:

*Deniz biraz da kırmızıdır dokununca*²⁹

‘И чуть красное море при прикосновении’.

Очевидно, что повторяемый звук *z* в словах *deniz* и *biraz* звучит иначе, чем в слове *kırmızıdır*, где он находится в другой позиции. Вероятно, графический повтор в ряде случаев не может восприниматься как повтор звуковой, если фонетические свойства повторяемых звуков и занимаемая ими позиция не совпадают хотя бы частично. Кроме того, если звуковые идентификации повторяемых графем не соответствуют друг другу, не может возникнуть и звуковая инерция, о которой говорилось выше. Таким образом, по-видимому, следует различать графические и звуковые повторы, однако решение проблемы затрудняется из-за отсутствия четкого представления о механизме коартикуляции и сочетаемости звуков.

Подводя итог сказанному, необходимо еще раз подчеркнуть, что нерегулярные звуковые повторы, видимо, не играли сколько-нибудь заметной роли в осуществлении информационно-ассоциативных связей внутри стиха, и хотя в отдельных случаях можно усмотреть звуко-смысловые отношения, неизбежная субъективность в оценке таких отношений заставляет отказаться от интерпретации отдельных фактов, не укладывающихся в рамки «точных» построений. В то же время представляется достаточно очевидным, что звуковые повторы самостоятельно, вне авторских установок, существенно влияют на артикуляционную программу стиха. Поэтому, несмотря на скептицизм отдельных исследователей, ссылающихся на пресловутое «один слышит, а другой не слышит»³⁰, необходим количественный анализ повторяемости звуков в поэтическом языке.

²⁶ См.: О. Э. Брик. Звуковые повторы. — В кн.: «Поэтика». (Сборник по теории поэтического языка). Пг., 1919, стр. 83—93.

²⁷ A. M. Liberman, P. Delatre, F. S. Cooper. The role of selected stimulus-variables in the perception of the unvoiced stop consonants. Amer. Journ. Psychol. 65, 1952, стр. 581.

²⁸ Л. Р. Зиндер. Фонетический аспект в проблеме автоматического распознавания речи. — В сб.: «Проблемы прикладной лингвистики», ч. I, М., 1969, стр. 130.

²⁹ H. Zekâi Yiğitler. «Güzel aydınlık». — «Türk Dili». Ekim 1965.

³⁰ Е. В. Невзглядова. О звуке в поэтической речи. — В сб.: «Поэтика и стилистика русской литературы». Л., 1971, стр. 399.

ОНОМАСТИКА

М. Р. МОЛЛОВА

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О «БАЗАР» И «БАСАР»

Базар

1. **Антропонимы:** рус. *Базар* [Фомкин] (1495), *Базаров* ф. (1534), *Бозоров* ф. (1495), *Позоров* ф. (Тупиков); болг. *Базарски* ф., *Пазарски* ф., *Бозаров* ф., *Вазаров* ф., *Вагур* м., *Вагуров* ф., *Вагаров* ф., *Вагарский* ф. (Илчев); рум. *Văzăr* м. (Константинеску, стр. 201); ног. *Базарбийке* ж., *Базархан* ж., *Базарбай* м.¹; каз. *Базаралы* м., *Базаргул* ж.²; бурят. *Базар* м., *Базарма* ж. (Спр., стр. 93, 105); чув. *Бозар* (Магницкий); белорус. *Базар*, *Базаров* ф., *Базарэвич* ф. (Бірыла, стр. 33); узб. *Элбезар* м.³; сагайск. *Пазар* м.⁴; армянск. *Безарян* ф., *Позарян* ф.⁵

2. **Этнонимы:** *базар* — часть рода карасарас из кирг.-каз. малой орды (Аристов, стр. 383, прим. 2); *базар* — часть рода из кирг.-каз. малой орды (там же, стр. 384, прим. 2); *карабазар* — часть рода из кирг.-каз. малой орды (там же, стр. 383).

3. **Топонимы:** на территории СССР: *Базар* д. (Галиция); *Базар* поселок (Волыnsk.), *Базаргулова* д. (Оренбургск.), *Базарова* д. (Московск.), *Базарово* д. (Новгородск.), *Базаровка* д. (Самарск.), *Базаровка* д. (Волыnsk.), *Базарово* д. (Ярославск.) (еще 6 *Базарово*), *Базарчик* д. (Таурск.), *Базарянка* д. (Бессарабия)⁶; *Vazar Daqa* — горный хребет, *Vazar Daqa* — долина, *Vazar Daqa* — китайский пост (Фарквар, Ярринг, стр. 18); узб. *Бозори Хоним* — горная вершина в Самаркандской области Узбекской ССР (Караев, стр. 28); в Болгарии: *Нови Пазар* (ранее *Ени Пазар*, тур. *Yeni Pazar*) г. и д. (последняя в окр. Кырджали), *Пазарджик* (ранее *Татар Пазарджик*, тур. *Tatar Pazarcığı, Tatar Pazarcık*) г. (Списък, стр. 67); в Румынии: *Bezerin* — район в Ардеа, *Fazar* топ. (Константинеску, стр. 202, 442).

4. **Географический термин:** рус. *базар* — «плоские горизонтальные уступы на высоких приморских берегах северных морей, скопление чаек

¹ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940.

² Т. Жанузаков. Лично-собственные имена в казахском языке. Алма-Ата, 1961.

³ Я. Минаджиев, Х. Азаматов и др. Исеминизинг маъносинима? Тошкент, 1968, стр. 96.

⁴ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. IX. СПб., 1907, стр. 236, 259.

⁵ Н. А. Вартапетян. Справочник по русской транскрипции армянских имен, фамилий и географических названий. Ереван, 1961, стр. 117.

⁶ М. Vasmer. Russisches geographisches Namesbuch. Wiesbaden, 1962. Административные термины приводятся здесь по данной работе.

и других морских птиц на прибрежных морских уступах и плоских береговых утесах» (Мурманск, Новая Земля и др.)⁷

А. М. Селищев относит рус. *Базар* к группе «имен и прозвищ по разным предметам»⁸, имея в виду прежде всего персизм *базар* 'рынок'. Того же мнения придерживается Ст. Илчев относительно болг. *Базарски*, *Пазарски*. А. Гафуров высказывает следующее предположение: «В прошлом у восточных народов существовали особые „базарные“ дни, которые воспринимались, как праздник. Рождение ребенка в такой день считалось особенным событием, благоприятным для семьи. В память об этом и называли детей именем *Базар*» (Гафуров, стр. 58). Л. Рашони также связывает это имя с *базар* 'рынок'⁹. Лишь монголисты И. Д. Бураев, Н. Б. Дугаров, А. Р. Бадмеев возводят бурят. *Базар* к санскритскому слову со значением «алмаз» через посредство тибетского языка (Спр., стр. 35), а Й. Шуберт возводит монг. *Badar/Bazar* к санскритскому *vajra* 'громовые стрелы; фульгурит (оружие Индры)', которое имеет также формы *vaṣīg-a*, *vaṣīg*, *vṣīg*¹⁰. Монг. *Badar* > болг. *Бадáрев* ф. (Илчев). Б. Я. Владимирцов считает, что монг. *vṣīg* 'жест, скипетр' восходит к санскр. *vajra* через уйг. *vzīg* 'священный скипетр; алмаз; шарик на шляпе чиновников'¹¹; Г. Д. Санжеев строит следующую цепь переходов: монг. *бадзар* < *баджар* < тибет. *баджар* < санскр. *ваджра* 'алмаз', 'жест' > согд. *вчр* > др.-уйг. *вчир* > монг. *вачир* > *очир*¹². В книге «Материалы по истории туркмен и Туркмении»¹³ встречается термин *базар*, который, как предполагают авторы, имеет значение «отступное». Этот термин может быть связан с санскритским словом со значением «алмаз».

По нашему мнению, личное имя *Базар* санскритского происхождения и распространилось, по-видимому, вместе с буддизмом, как, например, и имя *Бурхан*. Ассоциация данного имени с базарным днем произошла позже. Топоним же *Базар||Пазар*, как это признается всеми авторами без исключения, имеет персидское происхождение. Русские топонимы *Базаргулова*, *Базарова*, *Базаровка*, *Базарово* образованы от антропонимов *Базаргул* (см. каз. личное имя *Базаргүл*) и *Базар*, так же как, по-видимому, и румынские топонимы *Bezerin*, *Fazar* — от личных имен *Bezer* и *Fazar*.

Санскритское слово *vajra* могло проникнуть к тюрко-монголам двумя путями: 1) непосредственно: др.-тюрк. имя собственное *Vaṣīg* и существительное *vaṣīg* 'алмаз' (ДТС), булг. *Вачур*, *Вачаров*; 2) через посредство тибетского языка: *Базар*. Что же касается слова *Вазар*, то оно ближе к *Базар*, чем *Вачар*. Может быть, *Вазар* — это более старая форма имени *Базар* (*Vajra* > *Vazra > *Vazar* > *Bazar* > *Pazar*). Рум. *Fazar* может восходить как к *Вазар*, так и к *Пазар*; *Bezer* и *Bezar* к рум. *Beze-*

⁷ Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., 1959.

⁸ Цитируем по: В. К. Чакагов. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959, стр. 31.

⁹ L. Rásonyi. Tarihte türklük. — «Türk Kültürümü Araştırma Enstitüsü Yayınları», 39, seri III, sayı A 14. Ankara, 1971, стр. 178; *его же*. Türklükte Kadın Adları. — TDAY-B. 1963, стр. 84.

¹⁰ Johannes Schubert. Paralipomena mongolica. Akademie-Verlag. Berlin, 1971, стр. 80; *его же*. Über mongolische Personennamen. — «Mitteilungen des Instituts für Orientalforschung», Bd VII. Berlin, 1960, стр. 399—400.

¹¹ Б. Я. Владимирцов. Турецкие элементы в монгольском языке. — ЗВОРАО, т. XX, СПб., 1911, стр. 13.

¹² Г. Д. Санжеев. О тюрко-монгольских лингвистических параллелях. — «Советская тюркология», 1973, № 6, стр. 74.

¹³ Т. II. XVI—XIX вв. Уранские, Бухарские и Хивинские источники. Под ред. акад. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромоскевича и П. Н. Иванова. М.—Л., 1938, стр. 543.

гип и узб. *Элбазар* — палатализованные или палатальные варианты имени *Базар* ($a > *ä > e$ в контакте с $з$).

Этноним *Базар* восходит к личному имени *Базар*, а производные фамилии могут быть связаны как с соответствующим личным именем, так и с топонимом.

Географический термин *базар*, очевидно, также восходит к персидскому значению этого слова, ибо им обозначается место скопления множества птиц. Сходное семантическое развитие наблюдается в пехлевийском слове *vāścāg* 'торговля' → 'рынок' > кумык. *очар* 'место, где мужчины проводят свой досуг (обычно на лавочке или на камнях у стен на улице)'¹⁴. В русском языке существует устойчивое сочетание *птичий базар* со значением «место массовых гнездовий птиц на морском берегу»¹⁵.

Слово *базар* в разных семантических вариантах заимствовано всеми европейскими языками.

Форма *Пазар* в турецком и в сагайском, а под влиянием турецкого и в болгарском — новое образование ($b > n$); русское *Бозоров* восходит к древнему северо-западному тюркскому диалекту, где a произносилось лабиализованно — [ã] (*Бозор* < *Bāzār, ср. узб. *бозор*); в форме *Позор* представлены и оглушение ($b > n$) и лабиализация ($a > ä > o$); в чув. и болг. *Бозар* лабиализация коснулась только первой гласной [ср. рус. *бозарь* 'рынок' в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (XV в.)]¹⁶.

Румынские формы *Băzăr*, *Bezerin*, *Fazar* отошли от оригинала дальше, чем все остальные. *Băzăr* < *Базар* ($a > ä$), *Bezerin* и узб. *Элбазар* содержат палатализованные формы — *Bezer* и *Безар* ($a > *ä > e$ в контакте с $з$); *Fazar* < *Пазар* ($n > f$, ср. в казанско-татарском *яфрак* ~ в других тюркских языках *япрак* 'лист'); болг. *Вазар(ов)* ближе к прототипу *Vāścāg* (рум. *Fazar* < *Вазар*).

Сложные имена

1. Антропонимы:

ног. *Базарбийке* ж. < *Базар* + *бийке* 'госпожа, жена, супруга' — здесь отличительный элемент женского имени;

ног. *Базархан* ж. < *Базар* + *хан* — титул, компонент имени, встречающийся и в женских составных именах;

ног. *Базарбай* м. < *Базар* + *бай* — титул, компонент имени (ср. тюрк. *бай* 'богатый')¹⁷;

каз. *Базаралы* м. < *Базар* + *Алы* (< ар. 'Alī — 'alī 'великий');

каз. *Базаргул* ж. < *Базар* + *Гүл* (< перс. *gol* — *gol* 'цветок');

бурят. *Базарма* м. < *Базар* + *ма* (< тибетское *та* < *а-та* 'мать') — отличительный элемент женского имени;

узб. *Элбазар* м. < *Эл* (?) + *Безар*.

2. Этнонимы:

кирг.-каз. *Карабазар* [qarabazar] < личное имя *Qarabazar* < *Qaqa* — имя или эпитет (пока остается необъясненным) + *Bazar*.

3. Топонимы:

Bazar Daga < *Bazar* 'рынок' + *Daga* 'ущелье, горный проход' или < индийское *Bazardaga* (личное имя?) < санскр. *vajradhara*, которое И. Шуберт оставил непереведенным¹⁸;

¹⁴ «Кумыкско-русский словарь», под ред. З. З. Бамматова. М., 1969, стр. 248.

¹⁵ Ю. Ф. Хаустова. Базар и рынок. — «Русская речь», 1973, № 2, стр. 146.

¹⁶ Там же, стр. 149.

¹⁷ М. И. Боргояков связывает хакасский этноним *бай* с гидронимом *Бай* (см.: М. И. Боргояков. Хакасские этнонимы тюркского и нетюркского происхождения. — В кн.: «Происхождение аборигенов Сибири». Томск, 1969, стр. 10).

¹⁸ J. Schubert. Über mongolische Personennamen..., стр. 400.

узб. *Бозори Хоним* <бозори <перс. *bāzāri* + *хоним* 'рынок принцессы, госпожи'. С. Караев приводит легенду о возникновении этого топонима (Караев, стр. 28);

болг. *Нови Пазар* <болг. *Ени Пазар* (*ени* <тур. *yeni*, переведенное на болгарский язык как *нови* 'новый') <тур. *Yeni Pazar* 'новый рынок' (город, возле которого возник новый рынок);

болг. *Пазарджик* <тур. *Pazarcık* (<*Tatar Pazarcık* <*Tatar Pazar-sığı*) > болг. *Татар Пазарджик*) — маленький рынок, где происходит смена почтовых лошадей <*Pazar* 'рынок' + *-cık* (турецкий аффикс с уменьшительным значением). Город *Толбухин* (Болгария) в прошлом также назывался *Пазарджик* (кроме того, имел болгарское название *Добрич*) <тур. *Pazarcık* <тур. *Насиоğlu Pazarcık* — маленький рынок в поселке, основанном Хаджи оглу (упоминается у путешественника XVII века Эвлия Челеби и сохранялось до последнего времени). Румыны называли его *Bazarǧik*;

русский топоним *Базарчик*, по-видимому, восходит к тюрк. *Bazarçik* (*ï* — велярно-палатальная гласная) 'маленький рынок' <*bazar* + *-çik* (тюркский уменьшительный аффикс);

рус. *Базарянка* имеет сходство, с одной стороны, с белорусским личным именем *Басаран* (см. ниже *Басар*), а с другой — с ногайским личным именем *Базархан*. Кроме того, этот топоним можно было бы возвести к армянской фамилии *Базарян* <*Базар* + *ян*, однако мы не нашли имя *Базар* в большом словаре Г. А. Ачаряна, вместе с тем известно, что кыпчакоязычные армяне жили именно в районе указанного топонима.

Басар

1. **Антропонимы:** тур. *Basar* ф.¹⁹, болг. *Басáров* ф., *Басáрски* ф., *Басáрков* ф., *Пасáров* ф., *Пасáрев* ф., *Пасарéлски* ф., *Песáров* ф., *Пéсеровски* ф., *Басарáбов* ф., *Басарбовски* ф., *Басарболíев* ф., *Бáсърболíев* ф., *Бýсаров* ф., *Бýсеров* ф., *Бýсерски* ф. (Илчев); серб. *Басоричевич* ф.²⁰; рус. [Иван] *Басарга* (1591); *Басаргин* ф. (1593), *Босаревич* ф. (1552), *Псарев* ф. (1679) (Тупиков); чув. *Басарай* м. (Магницкий); каз. *Орынбасар*²¹ м.; кирг. *Орунбасар* м. (Гафуров, стр. 215); туркм. *Яубасар-бек*²², *Басар*, сын Сасыка, сына Мингкадара, внука Джучи (Тизенгаузен, стр. 58), *Ильбасар*, сын Мингкара (Тизенгаузен, стр. 281); узб. *Избосар* м. (Саттаров, стр. 68); белорус. *Басаран-Басарановiч* ф. (Бiрыла, стр. 44); укр. *Басарáб*, *Басараба*, *Басарабовi*, *Басарабу*, *Басарабо* м.²³

2. **Этнонимы:** каракалп. *басар* — ответвление рода *он төрт уруй* племени *қыпшақ* (КРС); *чжурек-басар* — ответвление рода из кирг.-каз. средней орды (Аристов, стр. 358, пр. 1).

3. **Топонимы:** В РСФСР: *Басар* д., Поволжье (Саттаров, стр. 53); в Болгарии: *Басаробово* д., окр. Русе, *Песерево* (ныне Писарево, связываемое с болг. *писар* 'писарь, писец') д., окр. Плевен; *Горни Пасарел* (соответствует турецкому названию XVI в. *Горна Пасарил*²⁴) д., окр. Самоков

¹⁹ *Istanbul Telefon Rehberi*, 1972—1973. *Türk Tarih Kurumu Basımevi*. Ankara, 1972.

²⁰ *T. Maretič*. *Narodna imena i prezimena*. — «Rad Jugoslovenska Akademija», vol. 81, 1886, стр. 88.

²¹ *Б. К. Шубаева*. *Казахские имена*. — В сб.: «Ономастика Поволжья», 2. Горький, 1971, стр. 101.

²² «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, стр. 401.

²³ *Ю. К. Редько*. *Довідник українських прозвищ*. Київ, 1968, стр. 75.

²⁴ «Турски извори», състав. Б. Цветкова (ред. Б. Цветкова и А. Разбойников), София, 1972, стр. 102.

(Списък, стр. 62); *Басарин дол* — ложбина, овраг недалеко от г. Севлиево, окр. Велико Търново²⁵; *Gulbasar Mazar*, ранее было прочитано как *Gulbaser Mazar* — стоянка священная у киргизов (Фарквар, Ярринг, стр. 32); в Румынии: *Basaraba* (XIII в.) — район в юго-западной Трансильвании (Константинеску, стр. 192); в Казахской ССР: *Атбасар* г., Целиноградская обл.

Приведенные выше имена и названия получили самое различное толкование. Так, В. Миков связывает *Бесарабово*, *Басарбово* с тракий-

ским *Васбара* 'лиса'²⁶. Н. Ковачев предполагает связь *Басарин дол* (где *-ин* — суффикс, а *дол* означает «ложбина, овраг») с *басара* 'болезнь виноградной лозы' или *Васбара* 'ливийская лисица'²⁷. Н. А. Константинеску интерпретирует *Basaraba* как *Van + sarab* 'благородный дакский'. О. Денсусиану и Н. Йордан возводят этот же топоним к куманскому *bas + agi* 'самый хороший' + *aba* 'отец' (Константинеску). В. А. Никонов выводит топоним *Атбасар* из тюрк. *at* 'лошадь' + перс. *базар* 'рынок' или из тюрк. *басар* — причастие от *бас-* 'топтать'. В. А. Никонов отмечает, что этот «город возник на степном скотопрогонном тракте и был известен ярмарками скота»²⁸. Д. М. Фарквар и Г. Ярринг объясняют *Gulbasar Mazar* посредством перс.-ар. *gul bāzār-mazār* 'могила «цветочный рынок»'. По Л. Рашони (стр. 248) и Г. Ф. Саттарову, антропоним *Басар* восходит к тюркскому глаголу *бас-* 'топтать'. А. Гафуров толкует *Орунбасар* как «заместитель, замена». Допускается возможная связь топонима *Басар* с понятием *басар үлән*, *басар ут* 'растет (быстро) трава' в татарском языке, а антропонима *Басар* (наряду с этимологией: *бас-* 'топтать' + *-ар* — суффикс 3-го лица ед. числа будущего времени) — с др.-тюрк. *басар* 'горный чеснок' (Саттаров, стр. 51, 53).

Личное имя *Басар* может представлять собой древний вариант личного имени *Базар*, заимствованного из тибетского или непосредственно из санскрита тюрко-монгольскими, а затем и славянскими народами в той же форме или с оглушением ($z > c$), которое произошло на тюркской почве. На связь этого имени с причастной формой *басар* от глагола *бас-* 'топтать' могло бы указывать, например, существование наряду с *Ильбасар* имени *Ильбасмыш*, ср. *Ильтутар* и *Ильтутмыш* (Тизенгаузен, стр. 281). Однако, за исключением имен *Орынбасар*, *Яубасар*, *Ильбасар*, *Избосар*, употребление имени *Басар* отдельно или в составе других сложных имен не может быть объяснено на основе тюркского глагола *бас-* 'топтать'. Можно, конечно, допустить, что *Басар* — это сокращение от *Орынбасар*, *Яубасар* и т. д., участвующее в образовании прочих составных имен. Но мы имеем еще *Пасарил* (наверное, и **Басариз*), нейтрализующее наше объяснение имени *Ильбасар* как «топчущий страну, то есть завоеватель». Несомненно, что здесь *ил* означает не то, что тюрк. *il|lel* 'страна'.

В пользу отождествления имен *Басар* и *Базар* говорит и то, что в венгерских исторических документах (1324—1332 гг.) имя куманского князя *Basaraba* приводится также в формах *Bazarab*, *Bazarad*, *Vozorad*, *Mazarath*. Это имя дало название области *Basarabia*, *Besarabia*, русск. Бессарабия (отсюда, по-видимому, и белорусская фамилия *Базарэвич* < тюрк. **Базарäv* < **Базарав* < *Базараб* + *-ия*). *Aba* и *ad/ath* в *Basaraba* и *Bazarad* — очевидно, титулы. Л. Рашони (стр. 251) считает, что *aba* озна-

²⁵ Н. Ковачев. Местные названия от Севлиево. София, 1961, стр. 139.

²⁶ В. Миков. Происходит и значение на имената на нашите градове, села, реки, планини и места. София, 1943, стр. 233.

²⁷ Н. Ковачев. Указ. раб., стр. 139.

²⁸ В. А. Никонов. Топонимический словарь. М., 1966.

чает «отец», а *Basaraba* — «отец-завоеватель», «отец господствующий». Он не дает толкования имени *Bazarad*, но тюркское личное имя *Atbasar* рассматривает как составное: тюрк. *at* 'лошадь' + *basar* (стр. 250). Л. Рашони в своем исследовании цитирует румынского ученого Брытиану, зафиксировавшего в одном венецианском источнике (1307 г.) имя *Constantin Vassarabam*, которое носил некий выходец из Армении (246—247).

Л. Рашони отвергает предположение Брытиану о том, что первый компонент *Vassarabam* можно связать с *bazarra* 'рынок' (упомянутый носитель имени, по-видимому, был таможенником), поскольку переход *z > s* чужд исторической фонетике румынского языка (стр. 246—247). Таким образом, *Vassarabam* остается вне ряда *Basaraba*. Однако, учитывая существование болгарской фамилии *Базаров*, можно допустить, что *Vassarabam* состоит из компонентов *Vassar* и *abam* и представляет собой вариант *Basaraba*. Итак: *Vassarabam* < *Vasar* + *aba* + *-m* — суффикс принадлежности 1-го л. ед. числа, часто встречающийся в титулах у тюркских народов; *Vasar* < *Vazar* < *Fazar* < *Pazar* < *Bazar*.

На первый взгляд кажется естественным отнесение болгарских фамилий *Мазаров*, *Мезаров* (Илчев) к антропонимам арабского происхождения. Однако венгерский вариант имени князя *Басараба* — *Mazarath* позволяет выдвинуть другую гипотезу: *Mazar* < *Bazar*; *Mezar* < *Mazar* (ср. узб. *Элбесар*).

Некоторые фонетические варианты *Басар* идентичны с соответствующими вариантами *Базар*: *Пасар*, *Песер*, *Босар*. Новыми же здесь являются *Псар* (< *Пасар* или < *Пъсар < *Пасар*), *Бусар*, *Бусер*, представляющие результат дальнейшего вытеснения лабиального гласного (*o > y*), что весьма характерно для болгарского языка, а также *Басър* в *Басърболйев*, где *a > ъ* находятся в безударной позиции. Если бы *Басър* не было связано с *бо* (< *Басарабо* [+*-ли*+*-ев*]), можно было бы предположить его арабское происхождение.

Следует отметить, что *-ов*, *-ев*, *-ин*, *-евич*, *-ичевич*, *-ски*, *-евски* — славянские патронимные и фамильные суффиксы. Нам придется пока оставить необъясненными все лексические элементы, присоединяющиеся к *Басар* (*aba*, *at/ad*, *iz*, *il/el* и т. д.).

В отличие от *Базар* все этнонимы и топонимы, образованные от *Басар*, связаны с личным именем *Басар*, то есть они — антропотнонимы и антропотопонимы.

Итак, если вышеприведенные соображения верны, то к настоящему времени можно считать установленными следующие варианты личного имени *Базар*: *Bazar*, *Bezar*, *Bozar*, *Bozor*, *Băzăr*, *Fazar*, *Mazar*, *Mezar*, *Pazar*, *Pozor*, *Vazar*, *Vačir*, *Vačur*, *Vačar*; *Basar*, *Basor*, *Basăr*, *Bosar*, *Busar*, *Buser*, *Pasar*, *Pesar*, *Peser*, *Psar*; *Badar*, *Badar*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

г. — город	м. — мужское личное имя
д. — деревня	окр. — округ
ж. — женское личное имя	ф. — фамилия

ЛИТЕРАТУРА

- Аристов — Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — «Живая старина», г. 6, вып. I. СПб., 1869, стр. 277—456.

- Бірыла* — М. В. Бірыла. Беларуская антропанімія. Мінск, 1969.
- Гафуров* — А. Гафуров. Лев и кипарис. (О восточных именах). М., 1971.
- Илчев* — Ст. Илчев. Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969.
- Караев* — С. Қораев. Географик номлар маъносини биласизми? Тошкент, 1970.
- Константинеску* — N. A. Constantinescu. Dictionar onomastic romînesc. Bucureşti, 1963.
- КРС* — «Каракалпакско-русский словарь», под ред. Н. А. Баскакова. М., 1958.
- Магницкий* — В. К. Магницкий. Чувашские языческие имена. — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXI. Казань, 1905.
- Рашони* — L. Rásonyi. Contributions à l'histoire des premières cristallisations des états des Roumains, I. L'origine de Basaraba. Budapest, 1935.
- Саттаров* — Г. Ф. Саттаров. Татарстан АССРның антропотопонимнары. Казан, 1973.
- Списък* — «Списък на населените места». София, 1945.
- Спр.* — «Справочник личных имен народов РСФСР». М., 1965.
- Тизенгаузен* — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М—Л., 1941.
- Тупиков* — М. Н. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Фарквар, Ярринг* — Sven Hedin Central Asia Atlas. Memoir on Maps, t. II. Index of Geographical Names by D. M. Farquhar, G. Jarring and E. Norin. Stockholm, 1969.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Э. Н. НАДЖИП

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ НАМАНГАНСКОГО И КАИРСКОГО СПИСКОВ «КУТАДГУ БИЛИГ» *

При сравнительном изучении текстов различных рукописей одного и того же исторического памятника средневековья во всех расхождениях и разночтениях, встречающихся в этих рукописях, обычно винят переписчиков. Тщательный же анализ рукописей, сопоставительное изучение характера их расхождений часто убеждают в том, что подобные несколько поспешно вынесенные суждения не всегда обоснованы. Сказанное в полной мере относится и к текстам наманганского и каирского списков «Кутадгу билиг» (далее — КБ), в вину переписчикам ставят без достаточных оснований все «исправления», «редактирование авторского текста», «неправильное прочтение» и т. п.

Следует подчеркнуть, что расхождения в указанных списках весьма значительны: это относится как к графике, так и манере письма, а также к фонетике, морфологии, лексике текстов, к их объему. Расхождения в объеме текстов связаны главным образом с утерей больших фрагментов списков. Кроме того, в текстах часто отсутствуют отдельные стихи, а иногда даже небольшие отрывки. Однако в этом виновен, по-видимому, не только переписчик, который в отдельных случаях, конечно, может пропустить тот или иной бейт. Основная же причина, на наш взгляд, заключается в ином, о чем будет сказано ниже.

Постараемся установить общий объем труда по дошедшим до нас двум арабическим и венскому уйгурописменному вариантам.

Наманганский список КБ содержит 5793, а ташкентское его издание К. Каримова на основе русской графики — 6407 бейтов (расхождение объясняется тем, что в последнее были дополнительно включены 600 бейтов из каирского списка и 14 заключительных бейтов книги — из Радловского издания венского уйгурописменного списка). К. Каримов в подготовленном им издании восполнил из каирского списка не все отсутствующие в наманганском бейты, а лишь недостающие крупные фрагменты. В ташкентском издании после 450-го бейта отсутствуют следующие двести, имеющиеся в каирском списке: 8/12, 17/7, 19/15, 21/12, 23/12, 25/1, 25/6, 29/15, 29/16, 31/14, 31/15, 55/9, 55/11, 58/13, 59/14, 61/6, 61/7, 67/10, 69/4, 69/9, 69/11, 69/12, 70/6, 70/11, 72/13, 75/8, 77/4, 77/12, 77/13, 78/17, 79/18, 80/15, 82/7, 84/2, 89/1, 89/2, 89/10, 91/14, 109/13, 118/2, 120/1, 127/8, 128/10, 132/1, 134/3, 137/8, 159/1, 166/16, 191/6, 192/15, 193/1, 195/11, 206/2, 206/3, 206/4, 206/7, 206/14, 207/16, 207/17, 208/13, 208/14, 201/3, 209/4, 209/6, 209/7, 209/8, 209/10, 210/13, 212/8, 213/4, 213/9, 214/12,

* В основу статьи положен текст доклада, прочитанного в июне 1972 г. на «Ломоносовских чтениях» в Институте языкознания Академии наук СССР.

217/6, 217/11, 218/9, 218/12, 219/11, 229/3, 221/13—17, 222/3—5, 222/11—12, 222/15, 222/17, 224/11, 227/8, 230/17, 231/16, 232/14, 233/6, 234/4, 236/8, 237/17, 238/9, 239/1, 237/17, 238/9, 239/1, 240/3, 240/7, 240/8, 241/17, 242/7, 244/2, 249/5, 251/2, 284/14, 310/2, 316/15, 316/16, 335/6, 337/6, 340/10, 340/11, 344/15, 366/4—124 бейта. (Страницы и строки указаны по каирскому списку).

Таким образом, 124 бейта, отсутствующие в наманганском списке, но имющиеся в различных главах и разделах каирского списка, не были включены в указанное издание. Если бы эти 124 бейта были включены в ташкентское издание, то оно насчитывало бы $6407 + 124 = 6531$ бейт и могло считаться полным к настоящему времени текстом памятника (до обнаружения новых списков).

Однако каирский список также далеко не полный. В нем отсутствуют большие, весьма важные фрагменты и бейты, что явилось результатом утраты отдельных страниц списка. Так, например, полностью отсутствуют главы и разделы, повествующие о Тавгач улуг Богра хане, о небесных телах, указывающие, что ценность человека определяется его знаниями, о значении владения языком, о важности общения с хорошими людьми, о правителе Кунтогды, объясняющие название книги, с жалобой на подступившую старость и пр., что составляет 364 бейта. В разделе, посвященном встрече Айтолды с правителем, отсутствуют 33 бейта, в разделе, содержащем рассуждение о счастье, — 28 бейтов, в разделе, излагающем вопрос Айтолды правителю, — 122 бейта и т. д. В общей сложности не хватает 622 бейтов. Это можно было бы объяснить утратой фрагментов, если бы в различных частях произведения не встречались по одному или по два бейта из этих фрагментов.

В целом ряде случаев в наманганском списке отсутствуют подзаголовки, состоящие из вопроса и ответа на него. Зачастую вследствие пропуска таких подзаголовков ответ воспринимается как продолжение вопроса или вопрос читается как утверждение, что вносит определенную путаницу. Включив в свое издание отсутствующие в наманганском списке крупные фрагменты из каирского списка, К. Каримов почему-то не счел возможным сохранить и подзаголовки. В каирском списке многие стихи назидательного характера имеют подзаголовок *š'ir* 'стих'. В наманганском списке они также отсутствуют.

Остановимся подробнее на стихах, отсутствующих в наманганском списке.

Согласно древней восточной традиции книги обычно начинаются с упоминания имени бога. Каирский список тоже не отходит от этой традиции. Он открывается бейтом:

بيات اتى بيرا سوزوك بشلاديم
تورو تكان ايكيديكان كجوركان ايديم

Bājat aty birlā sōzūg bāšladym
Tōrūtgān, ugīdgān, kacūrgān idim

'С именем бога я начал свои слова,
Моего бога, который творил, лелеял и прощал'.

Этот бейт отсутствует в наманганском списке.

Едва ли традиционный первый бейт с именем бога пропущен по вине переписчика.

В каирском списке, в разделе, славословящем правителя, имеется следующий бейт, отсутствующий в наманганском списке:

اژون قا بادی کور توکال قوت قوری
قوزی بیرلا قتلیب یوریدی بوری

Ažun qa bady, kōr, tūgāl qut qury
Qozy birlä qätlyp jurydy bōri

‘Смотри, как он опоясал мир поясом полного счастья,
Пасутся ягнята, смешавшись с волками’.

Далее в наманганском списке отсутствует ряд бейтов, существенных с точки зрения общего содержания книги. Так, на стр. 25 пропущены бейты 15 и 16, имеющие назидательный характер, предостерегающие человека от свершения плохих дел, на стр. 31 — бейты 14 и 15, возносящие благодарение богу за все то, что он дал человеку и т. д. На стр. 59 отсутствуют стихи, резюмирующие ранее сказанное автором и содержащие совет не раскрывать свою тайну людям, не заслуживающим доверия. Последних автор характеризует следующим образом:

Бیری اول کیشی کا وفاسیز اوزی
ایکینچی اфотسوز بو یلغان سوزی

Biri ol kiši gā vāfasyz özi
Ikinçi uwwutsuz bu jälğan sözi

‘Первый из них тот, который не (хранит) верность самому (себе),
Второй бесстыден, речь его — одна ложь’.

На стр. 67 пропущен бейт, содержащий совет правителю не увлекаться постройкой дворцов, ибо во мраке земли дом ему уже приуготовлен. Далее отсутствует бейт, содержащий естественное развитие этой мысли:

ادیز کینک بدیزلیک سراپیغ قالیب
قیرانکغو بیر ایفدا یتورسا اولیب

Ädiz keng bädizlig särajyü qalyp
Qyragyü jer ew dä jätursän ölip

‘Останется высокий, обширный, разукрашенный твой дворец,
И будешь мертвецом лежать во мраке земляного дома’.

Пропущенные в наманганском списке стихи весьма существенны и по содержанию непосредственно связаны с предшествующими. Ни языком, ни стилем они не выделяются из контекста. Поэтому трудно предположить, что они дописаны позднее другим лицом. Вместе с тем невозможно объяснить это и тем, что переписчик пропустил столько стихов, и притом самых существенных.

Известно, что еще при жизни Саади отдельные его произведения, в частности его «Гулистан», существовали в нескольких редакциях. Некоторые стихи дошедших до нас списков отсутствовали в первоначальных вариантах произведения. Они, по-видимому, были написаны поэтом после составления упомянутых вариантов и включены в произведение дополнительно.

По нашему глубокому убеждению, КБ при жизни поэта также имела несколько редакций. Поэт обновлял некоторые строки произведения, дополняя его стихами, и, таким образом, первоначальный вариант дорабатывался самим автором. Об этом свидетельствуют существенные изменения и серьезные редакционные поправки, внесенные в поэму. Здесь имеются в виду, конечно, пропуски не больших фрагментов, а лишь отдельных бейтов. Никто, кроме автора, не стал, да и не мог бы при переписывании изменять текст, не снижая при этом его художественных достоинств, не нарушая ни рифмы, ни размера. Изменения, внесенные в

текст, не однотипны и не равноценны: Особенно много изменений внесено в первую треть произведения.

Редакционные поправки и расхождения в списках, несомненно, должны способствовать успешному проведению сравнительного анализа языка КБ. Используя их, можно установить, какой из списков сохранил начальный вариант произведения, независимо от даты переписки, и какой из них отразил отредактированный в дальнейшем автором вариант. Большое значение при этом имеет сопоставление нарушений в размере стиха, принятом поэтом.

Редакционные поправки, внесенные в текст произведений, имеют различный характер. В одних случаях заменены только определенные слова, в других — целые словосочетания, а в третьих — полустигии или даже двустигии. Правда, одно слово другим мог заменить и переписчик — вследствие неразборчивости оригинала или отсутствия диакритических знаков над буквами и т. д. Так, слово **بيرار** может быть прочитано как *birär* (*söz birär sözlägü* ‘следует быть твердым в словах’) и *bir az* (*söz bir az sözlägü* ‘следует мало говорить’), а слово **تور** — как *tör* (*bolur tör başu* ‘займет почетное положение’) и *tüz* (*bolur tüz başu* ‘станет главой верных’); слово **اتانك** — *atang* ‘твой отец’, *anang* ‘твоя мать’, *arang* ‘твои предки’ и т. д.

В ряде случаев слово в стихе заменяется его синонимом. Это мог сделать переписчик, посчитав то или иное слово архаичным для своего времени. Возможно также, что переписчик непонятное его племени слово заменял на понятное. Однако подобные замены не носят регулярного характера. Обращают на себя внимание также замены, носящие чисто фонетический или грамматический характер.

Отметим попутно и наличие графических расхождений. В обоих списках губно-губной *ʃ* передается особым знаком **ف** (арабским *f*), причем в каирском списке над ним ставятся обычно три точки, а в наманганском — одна: К15/8 **افينفو**, Н16/8 **افينغو** *awuṇṇu* ‘утешение’; К16/13 **طفغاچ**, Н18/2 **طفغاچ** *Tawṇač* ‘Китай’; К30/10 **جافی**, Н63/7 **جافی** *čawu* ‘его слова’ и т. д. Однако и в этом нет последовательности: слова с тремя надстрочными точками, хотя и редко, но встречаются и в наманганском списке. В средние века этот губной звук в одних районах распространения арабской письменности передавался знаком с тремя надстрочными точками, а в других — с одной. Поэтому данное графическое расхождение представляет определенный интерес.

Каирский список в отличие от наманганского в ряде случаев более точно передает произношение слов благодаря использованию гласных звуков; например: К 26/1 **نتاك**, Н 58/7 **نتك** *nätäk* ‘как’; К 26/11 **تيلينك**, Н **تيلينك** *tiling* ‘твой язык’; К 26/13 **كيجيك**, Н 59/5 **كيجيك** *kičig* ‘маленький’; К 27/3 **قوت**, Н 59/12 **قت** *qut* ‘счастье’; К 16/11 **قزِيل**, Н 18/1 **قزِيل** *quzyl* ‘красный’ и т. д. Однако в отдельных случаях бывает, что именно наманганский список более точно передает произношение; например: К 16/2 **يشل** и **يشيل**, Н 18/2 **ياشيل** *yaşyl* ‘зеленый, синий’; К 16/2 **يغز**, Н 18/2 **يغيز** *jägyz* ‘серый, бурый’; К 16/4 **جباك**, Н 18/4 **جيباك** *šečäk* ‘цветок’ (возможно, в данном случае имеет место фонетическое расхождение — *čäčäk* и *šečäk*); К 16/14 **يبار**, 16/15 **ايبار**, Н 18/4 **يبار**, 18/5 **بييار** *jurağ* ‘мускус’ и т. д.

Безусловно, вышеприведенное связано главным образом с неустойчивостью орфографии, а иногда с стремлением того или иного переписчика возможно точнее передать произношение данного слова.

В наманганском списке, как и в некоторых других средневековых рукописях, под буквой د ставится точка: Н 59/13 قوتادور qutadur 'осчастливит'; Н 17/1 فدا fida 'жертва'; Н 19/3 يشنادى jāšnady 'заблестел, засверкал'; Н 20/2 تېوغدا tapuγda 'на службе'. Иногда эта подстрочная точка появляется и под некоторыми другими буквами, имеющими графические аналоги с надстрочной точкой: Н 20/10 اصلى asly 'происхождение его'; طغاج Tawgač 'Китай'; Н 20 نوکار pökär 'слуга'; Н 20/2 تورو turur 'стоит'; Н 20/4 ازوندا aẓunda 'в мире'; Н 20/6 صورت surät 'картина' и т. д.

К графическим особенностям следует отнести также передачу местоименного аффикса и аффикса исходного падежа в каирском списке через *танвин*, а в наманганском — без *танвина* или полным аффиксом исходного падежа: К 24/12 كليرسا kim säp 'кто ты?', kälirsän 'идешь', Н 52/4 كليرسن kälir sän и Н 52/14 كيمسن kim sän; К 15/10 قموغدا qämuγdan 'от всех', Н 16/10 قموغدا qamuγda; К 15/6 موندا mundan, Н 17/2 موندا munda 'здесь'; К 20/14—15 اوزونكدا özünda, Н 48/9—0 اوزونكدا özüngda 'у тебя'; К 21/5 تيلارسا tilärsän 'захочешь', Н 49/2 قيلولرسن qylursän 'делаешь' и т. д. Как видно из приведенных примеров, в наманганском списке исходный падеж передается двояко: при помощи аффикса *dan* и аффикса *da*. Возможно, что в последнем случае подразумевается *танвин* или же здесь, как и в ряде других исторических памятников и в некоторых современных узбекских диалектах и говорах, при помощи аффикса *da* выражался и исходный падеж.

В фонетическом отношении каирский список отражает особенности *d*- группы тюркских языков, а наманганский — в основном *δ*- группы: К 57/3 ایدی idi, Н 102/10 ايدي iði 'бог'; К 57/3 ادگو adgü, Н 102/10 اذگو adgü 'добрый, хороший'; К 57/8 كودازگيل küdazgil, Н 102/15 كودازگيل küdazgil 'берегись'; К 58/4 ادريلورمن adrylurmän, Н 103/12 ادريلورمن adrylurmän 'разлучусь'; К 58/6 مينيكددا كيدين maningdä kedin, Н 103/13 منيكددا كيدين maningdä kedin 'после меня' и т. д.

Отрицательный аспект будущего времени глагола в каирском списке передается в основном аффиксом *-maz*, а в наманганском — *-mas*: К 27/6 توتسا بولماز tutsa bolmaz 'невозможно поймать', Н 60/9 يتسا بولماس jätsä bolmaz 'невозможно достигнуть'; К 28/5 بولوماز bulumaz, Н 60/15 بولوماس bulumas 'не сможет найти'; К 28/5 توتماز tutmaz, Н 60/15 توتماس tutmas 'не поймает'; К 29/2 تزوماز tozumaz, Н 61/15 تزوماس tozumas 'не распылится'; К 29/2 تكماز tägmäz, Н 61/15 تكماس tägmäs 'не достанется'. Однако иногда наблюдается некоторая непоследовательность: К 25/4 ايشتمازمو äšitmäs mü, Н 57/9 ايشتمازمو ešit-mäz mü 'не услышит ли'.

Каирский список в большей степени отражает губную гармонию в аффиксах и основе, например: К 21/4 كوروكلى körugli, Н 49/1 كوريكلى körigli 'тот, кто увидит'; К 69/6 موندين mundyn 'отсюда'; Н 115/4 ميندا munda 'здесь'; К 68/4 مونگو müngü, Н 114/3 مينگو mingü 'будет садиться'; К 78/2 افوجغا awuçğa, Н 127/10 افيجغا awuçğa 'пожилой че-

ловек' и т. д. Случается, что негубному звуку в каирском списке в наманганском соответствует губной: К 71/4 *كليركا* *kälirgä*, Н 116/12 *كلوركا* *kälürgä* 'прийти, чтобы прийти'; К 15/11 *سفينجى* *sawinçi*, Н 16/11 *ساقونجى* *sawünçi* 'сообщение радостной вести, награда за сообщение радостной вести'. Однако подобные исключения встречаются редко, в каирском списке, как правило, преобладает губной вариант.

Иногда этот губной вариант возникает на стыке двух слов, например, в наманганском *نا اول* *pä ol*, а в каирском *نول* *pol* 'что это?'

Каирский список в большей степени сохранил древнюю форму винительного падежа: К 71/6 *اولوموك* *ölümüg*, Н 116/14 *اولومون* *ölütün* 'его смерть'; К 70/12 *سوزوك* *sözüg*, Н 116/8 *سوزى* *sözi* 'его слово'; К 72/17 *سوزوك* *sözüg*, Н 118/11 *سوزوم* *sözüm* 'мое слово'; К 83/11 *كشيك* *kišig*, Н 133/2 *كشى* *kiši* (вин. п.). В обоих списках, особенно в наманганском, эта древняя форма аффикса уже начинает вытесняться аффиксами -i, -in, -ni. Последние в обоих списках чередуются, однако в каирском преобладает безаффиксальная форма: К 87/15 *اسراقى لار يوكين يودكوكا* *asraqy lar jügi jüdgügä*, Н 137/11 *اسراقى لار يوكين يودكوكا* *asraqy lar jugin jüdgügä* 'чтобы заботиться о подчиненных'; К 88/14 *تيلاكى بولور* *tilägi bulur*, Н 138/12 *تيلاكين بولور* *tilägin bulur* 'достигнет желаемого'; К 24/4 *تونى كدى* *tony kädti*, Н 52/6 *تونين كدى* *tonyn kädti* 'он надел свою одежду'; К 43/9 *بولدى تيلاكى توکال* *buldy tilägi tügäl*, Н 87/13 *بولدى تيلاكين توکال* *buldy tilägin tügäl* 'он полностью достиг желаемого'; К 57/16 *بلا قدغو قبغى اوزينكا تودى* *bälaqädyu qarqu özingä tudy*, Н 103/8 *بلا قدغو قبغين اوزينكا تودى* *bälaqädyu qarquyn özingä tudy* 'он захлопнул перед собой врата несчастья и печали'; К 74/10 *ايليك يوزى كورماديم* *elig jüzi körmädim*, Н 124/7 *ايليك يوزين* *elig jüzin körmädim* 'я не увидел лица правителя'.

Изредка и в каирском списке винительный падеж оформляется аффиксом -in, -ni, а в наманганском — -i или безаффиксной формой: К 84/8 *ننگنى بولوماز* *näng ni bulumaz*, Н 133/15 *ننگ بولوماز* *näng bulumaz* 'вещь не найдет'; К 58/14 *كشى نانكين الما* *kiši nängin alma*, Н 104/6 *كشى نانكى الما* *kiši nängi alma* 'чужую вещь не бери'; К 70/80 *ايسيز قىلقى توتما* *esiz qylyq ny tutma*, Н 116/3 *ايسيز قىلقى توتما* *esiz qylyq tutma* 'не следуй дурному нраву' и т. д.

Исходный падеж в каирском списке оформляется аффиксом -dan, -tan, а в наманганском — -dyn, -tyn: К 58/8 *انينكدا ادين* *anynng dan adyn*, Н 104/3 *انينك دين ادين* *anynng dyn adyn* 'кроме него'; К 61/1 *يازوقدا ييراق تور* *jazuq dan juraq tur*, Н 65/5 *يازوق دين ييراق تور* *jazuq dan juraq tur* 'будь подальше от греха'; К 65/5 *اوديندا كجيب* *ödindän käcip*, Н 111/4 *اودين دين كجيب* *ödindin käcip* 'убежав от времени'; К 70/1 *ايليكدا قوبور* *eling dän qopur* (в ориг. *قوتور* *qotur*), Н 115/12 *ايلينكىدين قوبور* *elingdin qopur* 'удаляй из своей страны'.

Иногда наблюдается и обратное явление, точнее, в наманганском списке — написание аффикса без *танвина*, а в каирском — полная форма -dyn, -din: К 65/8 *اتا ارقاسيندين توغولسا* *ata arqasyndyn tuğulsa*, Н 111/7 *اتا ارقاسيدا توغولسا* *ata arqasyda tuğulsa* 'если родится благодаря отцу'; К 65/9 *اناسيندين توغسا* *anasyndyn tuğsa*, Н 111/8 *اناسيندا توغسا* *anasynda tuğsa* 'если родится от своей матери' и т. д. Возможно, что в наманганском списке *танвин* над -da подразумевается, однако не исключе-

но и то, что -da выступает в функции аффикса исходного падежа -dun, -din.

Как известно, повелительная форма 2-го лица в более ранних памятниках иногда передается не при помощи аффикса -sun, а посредством -yu. Каирский список сохраняет в большинстве случаев древнюю форму -yu, усиливающую значение повеления. Примеры: К 22/9 *سيليك بولغوقيلقى* silig bolǵu qylqy, Н 50/7 *سيليك بولسوقيلقى* silig bolsu qylqy 'пусть нравы его будут хорошими'; К 59/4 *تيلاسو امين* tilägü ämin, Н 104/14 *تيلاسو امين* tiläsü amin 'пусть поищет благополучия'; К 72/12 *اولوم كا انونغو* ölüm gä anunǵu, Н 118/7 *اولوم كا انونسو* ölümgä anunsu 'пусть готовится к смерти'; К 76/4 *ايلانچ اوزكا قيلغو* ylanč özgä qylǵu, Н 126/1 *ايلانچ اوزكا قيلسون* ylanč özgä qylsun 'пусть себя порицает' и т. д.

В обоих списках наряду с аффиксами повелительного наклонения 3-го лица -sun встречаются усеченная форма -su и более полная -suny: К 22/14 *تورسن* tursun, Н 50/12 *تورسو* tursu 'пусть живет'; К 72/12 *اوقيسو* oqysu, Н 118/7 *اوقيسون* oqysun 'пусть прочтет'; К 20/10 *سينى كورسو بيلسو* seni körsu bilsü 'пусть тебя увидит, узнает'; Н 48/5 *اشيتسو سوزونك* äšitsü sözüng 'пусть услышит твои слова'; К 26/6, Н 48/1 *كلسونى* kälsüni 'пусть придет', *كورسونى* körsüni 'пусть увидит', *بيلسونى* bilsüni 'пусть узнает'; К 24/7, Н 52/9 *كيرسونى* kirsuni 'пусть войдет', *كورسونى* körsüni 'пусть увидит'; К 72/12, Н 718/7 *سوزوم توتسونى* sözüm tutsuni 'пусть слушает меня'.

В списках имеется весьма значительное число лексических расхождений, замен одного слова другим, синонимичным, а иногда и словом, совершенно изменяющим контекст. В одних случаях эти замены связаны с чисто диалектными особенностями языка переписчика, в других же случаях чувствуется стремление усилить выразительность стиха, устранить архаизмы и т. д. Например: К 14/16 *قيلنجى كونى ايردى* qylynčy köni erdi 'поведение его было правдивым', Н 15/14 *قيلنجى سيليك ايردى* qylynčy silig erdi 'поведение его было хорошим'; К 23/1 *يما* jemä, Н 50/16 *ينا* jänä 'еще'; К 24/14 *توكال ييلقى اول* tügal jylyqy ol 'все они без исключения животные (лошади)', Н 53/2 *قموغ ييلقى اول* qämuǵ jylyqy ol 'все они животные'; ср. обратное: К 26/15 *قموغ ارزولار* qämuǵ arzular, Н 59/7 *توكال ارزولار* tügäl arzular 'все желанья'; К 25/5 *اپانك يا انانك* arang ja anang 'отец или мать', Н 57/10 *اتانك يا انانك* atang jä anang 'отец или мать'; К 25/7 *اينانما اوزونك قوت قا* upanma özüng qut qa 'не доверяйся счастью', Н 58/12 *اوسانما اوزونك قوت قا* usanma özüng qut qa 'будучи счастливым, не будь беспечным'; К 33/7 *ايدكو ايميش* idgü ajmyš, Н 66/6 *ياقشى ايميش* jaqšy ajmyš 'хорошо он сказал'; К 36/3 *نالوك بولى* nälüg boldy, Н 69/7 *نېكو بولى* neǵü boldy 'почему так было'; К 37/6 *اي تيلقى تيسا* ej telwi tesä 'если скажет о безумный', Н 80/5 *اي ييلقى تيسا* ej jylyqy tesä 'если скажет о животное'; К 44/14 *بېرىر بوتلو* bärür bütälü, Н 89/4 *بېرىر يوقاله* bärür joqalu 'идет к исчезновению'; К 558 *بيات* bäjat, Н 100/14 *ايدى* idi 'бог'; К 58/12 *يانكىلما* jängylma 'не ошибайся', Н 104/5 *اونيتما* unytma 'не забывай' и т. д. В перечисленных примерах мысль поэта, основное значение стиха не меняется.

Встречаются, однако, и замены редакторского характера, задача которых — усилить смысловую нагрузку. Например: К 26/9 *دولت يوكولونور*

dävlät jügülünür 'богатство накапливается', Н 58/6 دولت تزکینور dävlät tüzginür 'богатство не лежит без движения'; К 73/5 ارکک کشى ärklig kiši 'властный человек', Н 123/2 اوکلوک کشى öglug kiši 'умный человек': К 77/8 بودوندا بدوکی bodunda bädügi 'возвышенный в народе', Н 127/4 بودوندا تلوسی bodunda talusy 'избранник народа'; К 78/12 ارسیک توغان arsig toγan 'доблестный орел', Н 128/5 ارسیک یغان arsig jāγan 'мощный слон'; К 81/15 کشى بول kiši bol 'будь человеком', Н 131/6 کونی بول kōnī bol 'будь правдивым'; К 83/14 اغیر توتی ایلک aγur tutty elig 'ценил его правитель', Н 133/5 یقین توتی ایلک jāqyn tutty elig 'правитель приблизил его себе'; К 94/5 بغرساق قول bāγursaγ qul 'мягкосердечный раб', Н 144/4 تبوغساق قول tāpuγsaγ qul 'услужливый раб'; К 110/5 بو سوزکا ینوتی bu söz-gä jānüti 'ответ на это слово', Н 160/25 بو سوزکا تنوقی bu söz-gä tānuqy 'доказательство этих слов'; К 126/7 کشى بیلماسا kiši bilmäsä 'чтобы люди не знали', Н 177/3 یغی بیلماسا jāγy bilmäsä 'чтобы враг не знал'; К 131/9 قلم بیرلا السا qälām birlä alsa 'если покорит при помощи письма', Н 182/5 قیلیچ بیرلا السا qylyç birlä alsa 'если покорит при помощи меча'; К 173/9 قالیر بو بودون qalyr bu ažun 'останется этот мир', Н 223/1 قالیر بو بودون qalyr bu bodun 'останется этот народ'; К 184/15 توروتی کون ای törütty kün, aγ 'он сотворил солнце и луну', Н 235/7 یروتی کون ای jārutty kün, aj 'осветил он солнце и луну'; К 189/7, К 206/10 بوکا böğä 'герой, богатырь', Н 240/5. Н 260/3 تونکا tonga 'герой'; К 216/3 بیلگی کینکا bilgi kenga 'всесторонне образованный', Н 268/13 ارسیک تونکا arsig tonga 'могущественный герой'; К 220/15 بیلگا bilgä 'мудрец', Н 272/10 ارسیک arsig 'могущественный'; К 221/4 قبوغچی qāpuγçy 'привратник', Н 274/1 تبوغچی tāpuγçy 'слуга' и т. д.

Замены часто носят диалектный характер. Диалектные особенности привносятся и в фонетику, и в словосочетания, и в падежное управление. В каирском списке, например, используется главным образом послелог ایجون ičün 'для', а в наманганском — اوجون üčün 'ради'. Ср. также: К 23/14 سوزلادی sözlädi, Н 51/14 ایدی ajdy 'он сказал'; К 24/6 اولتوردی olturdy 'он сел'; К 26/11 اولدурدی oldurdy, Н 52/8 اوکدام ögdäm 'гордый'; К 27/1 اوکتام ögtäm, Н 27/1 بسروقار bäsruqar, Н 59/10 بسیقار bassyqar 'подвергается нападению'; К 27/7 ینکلوق jängluq 'ошибка, ошибочный', Н 60/1 и далее ینکلوق jängluq 'человек' (однако как в каирском списке, так и в наманганском оба слова выступают как синонимы в значении «человек»); К 34/3 کوروبан köğüban, Н 67/2 کوروب köğür 'увидев'; К 45/8 ینکلوز jängluz 'только', К 73/10 ینکلوز jängluz 'одинокий', Н 90/1 ینکلوز jängluz 'только', Н 128/7 ینکلوز jängluz 'одиноко'; К 75/15 ینیب jānyr 'вернувшись', Н 125/10 یوریب juyr 'идя'; К 76/7 اولدوروب oldurup, Н 126/4 اوتروب oturp 'сидя'; К 79/16, К 189/5 ایکیگون ikigün, Н 129/6 ایکاгон ikägün, Н 240/3 ایکیگون ikigün 'оба'; К 174/5, наоборот, ایکیگون ikigün, Н 223/12 ایکیگو ikigü 'оба'; К 124/2 и далее اوتماک ötmäk, Н 174/15 и далее اتماک ätmäk 'хлеб'; К 139/2 بیراق juraq, Н 189/8 اوزاق uzaq 'далеко'; К 142/12 اولدوروغ olduruγ, Н 193/3 اولتوروغ olturuγ 'сидение'; К 147/12 بیت ایتغوجی bājt ajtγuçy,

Н 197/14 بيت ايفوجى bājt ajyučy 'сказитель, поэт'; К 169/6 سول sol, Н 118/13 سونك song 'левый'; К 207/14 ايراق uraq, Н 160/10 ييراق juraq 'далеко'; К 210/1 ايشيتينك ešiting, Н 262/8 اشيتكيل äšitgil 'слушай'; К 210/8 ايفلاتور uylatur, Н 262/15 ييفلاتور uylatur 'заставит заплакать'; К 216/14 براين bārajun 'пойду, направлюсь', Н 269/9 ييناين jānajun 'вернусь'; К 222/4 كوجوتجى كلير kōčütci kälir 'придет переселяющий', Н 274/13 كوجاجى كليرка kōčacı kälirgä 'к приходу переселяющего' и т. д.

Как правило, архаизмы заменяются новыми, более понятными словами, однако в некоторых случаях замена не производится; например: К 18/11 سانى التون saw altun 'чистое золото', Н 46/6 سون التون sun altun (как известно, sun — слово китайского происхождения, означающее меру длины, а здесь оно заменяет saw 'чистое'); К 36/10 سوزوم sō-züm 'мое слово', Н 69/14 توروم tögüm 'мой закон'; К 46/14 بسفوغجى posyuyčy, Н 91/10 بوسوغجى posuyčy 'подкрадывающийся'; К 60/16 قلى كلسا qäly kälśä, Н 106/12 قجان كلسا qäčan kälśä 'когда придет'; К 61/1 سريب اوترو särip utru turğan 'терпеливо противостоящий', Н 106/14 سريب سريب särip turdačy 'терпеливо стоящий'; К 107/5 اودوغ تور uduy tur 'бодрствуй', Н 107/3 انوق تور anuq tur 'будь готов'; К 61/9 يق يغوق قا jäq-jäyüq qa, Н 107/5 يقين قا jäqun qa 'близким'; в каирском списке также يقين ليق jäqun luq, а в наманганском — يغوق لوق jäyüq luq 'близость'; К 62/2 يغوما jäyüma 'не приближайся', Н 107/15 قتيلما qätyılma 'не общайся, не принимай участие'; К 67/3 قوی توتجى سى qoj tutčy sy, Н 113/4 قوی توتغوجى qoj tutyučy 'овцевод'; К 67/7 كد ايتار käd etär, Н 113/7 كوجونك ايتار kōčüng ašnu yd 'свое кочевье раньше отправляй', К 69/6 كوجونك ايد kōčüng ašnu yd 'свое кочевье раньше отправляй', Н 115/5 بو اود كلکو اول bu öd kälgü ol 'это время наступит'; К 72/6 بو اود كلکو اول bu öd kälgü ol 'этот день наступит'; К 72/17 سوزوک من توتوردوم سنکا sözüg män tutuzdum sanga 'свои слова доверил я тебе', Н 118/11 سوزوم من sözüm mön jäturdüm sanga 'свои слова я довел до тебя'; К 76/6 ايو بيردى برجا ايشك aju berdi bärča išig 'он рассказал о всех делах', Н 125/18 ايو بيردى تكما ايشى aju berdi tägma iši 'он рассказал о всяких делах'; К 82/1 قموغ ايل دا تولدى qämuğ el dä toldy 'все страны наполнились', Н 131/7 بوتون ايلكا يدتى bütün elgä jydty 'распространил во все страны'.

В ряде случаев вместо одного глагола (часто вспомогательного) выступает другой: К 18/5 بيليكلىك اوقار biliglig uqar 'знающий поймет', Н 17/12 بيليكلىك بيلير biliglig bilir 'знающий узнает'; К 56 يتيلدى اليك jetildi älig 'руки достигли', Н 102/4 اوزاتى اليك uzatty älig 'протянул он руки'; К 57/14 سوزلار sözlär 'скажет', Н 103/6 ايدى ajdy 'он сказал'; К 62/12 ولور قولميشى bolur qolmuşy 'приобретет желаемое', Н 108/9 قىلور قولميشى qylur qolmuşy 'сделает то, что хочет'; К 73/11 توكولدى سوزى tügüldi sözi 'закончилась его речь', Н 123/8 تانكولدى اوكى tanguldy ögi 'разум его застыл в изумлении'; К 76/5 يافا قىلدى jawa qyldy 'он зря сделал', Н 126/2 يافا بولدى jawa boldy 'получилось впустую'; К 85/6

ازون توتמוש ار ažun tutmyš är 'человек, управляющий миром', Н 134/15
 ازون بولمیش ار ažun bulmyš är 'человек, завоевавший мир'; К 18/9
 ساریغ قیلاهای اینک saryğ qylyaj eng 'заставит пожелтеть щеки', Н 46/1
 ساریغ بولغا اینک saryğ bolğa eng 'пожелтеют щеки' и т. д.

Нередки случаи, когда тюркские слова заменяются арабскими или персидскими, либо одно арабское — другим же арабским: К 59/11
 زناکا قتیلما zunagä qätylma 'не занимайся прелюбодеянием', а Н 105/6
 اوتونقا قتیلما utunqa qätylma 'не занимайся порочными делами'; К 61/14
 کوانما بو قوت قا küänmä bu qut qa 'не радуйся этому богатству', Н 107/10
 کوفانماقونی قوتقا küwänmä quw-у qutqa 'не радуйся этому счастью';
 К 62/14 سفوک säwüg, Н 108/12 حبيب häbib 'любимый'; К 63/14 طاعت
 ta'ät 'повиновение', Н 109/12 تبوغ tapuğ 'служение', К 65/16 كشی مالی
 kiši maly 'чужое богатство, имущество', Н 111/15 كشی ننکی kiši nängi
 'чужая вещь', а иногда наоборот: в каирском списке päng, в наманган-
 ском mal; К 104/15 کوچکای küčkäj 'насильник', Н 155/8 ظالم zalım 'тиран,
 угнетатель' и т. д.

Наблюдаемые в списках разночтения распространяются и на после-
 логи, служебные слова и частицы: К 36/1 کونی لیک بیلا köni lik bilä, Н 69/5
 کومی لیک اوزا köni lik üzä 'справедливостью'; К 60/11 قایو اشردا بولسا qaju
 işdä bolsa 'в каком бы деле ни было', Н 106/6 قایو یردا ارسا qaju järdä
 ärsä 'где бы то ни было'; К 82/3 بك لار اوزا bæg läğ üzä, Н 131/9
 بك لار ارا bæg läğ ara 'среди беков' и т. д.

Направительный падеж личных местоимений в наманганском списке,
 как правило, сохраняет древнюю форму, а в каирском подобный арха-
 изм встречается изредка: К 56/2 سنکا بیردی sāngä berdi, Н 101/9 سنکار
 بیردی sāngär berdi 'он дал тебе'; К 57/5 منکا تکدی mānga tägdi, Н 102/12
 منکار تکدی mǎngär tägdi 'до меня дошло'; К 59/2 سنکا یتماکای sāngä
 jätmägäj, Н 104/11 سنکار یتماکای sāngär jätmägäj 'тебе не хвата-
 ет'; К 35/9, Н 68/11 سنکار sāngär 'тебе'; иногда в обоих списках встре-
 чается سنکا sāngä 'тебе' (К 63/5, Н 109/3, К 66/6, Н 109/4 и т. д.).

Имеющиеся многие серьезные расхождения в списках могут быть
 объяснены лишь изменениями, внесенными самим поэтом. Вот несколько
 примеров:

К 24/7 تبوغ قاکورونسو مینی کورسونی
 Tāpuğ qa körünsü, meni körsüni
 'Пусть покажется на службе и пусть увидит меня',

Н 52/9 کوراین انی من مینی کورسونی
 Kōräjin anı mən, meni körsüni
 'Пусть увижу я его, и он пусть увидит меня';

К 21/11 قموغ یقشی کوردی تیلی اوز سوزی
 Qāmuğ jäqşy kördi tili, öz sözi
 'Все понравилось ему: и язык и слова',

Н 49/8 قموغ اندا کوردی کونیلک تونی
 Qāmuğ anda kördi könilik tony
 'Там полностью увидел он облачение справедливости';

بو سوزکا مونو کلدی شعریم تنوق
 К 21/14 تنوق بولسا سوزکا تیلای کیم انوق

Bu sözgä munu kaldi ši'rim tänuq
 Tänuq bolsa sözgä tilägim: anuq
 'Этим словам свидетель вот этот мой стих.
 Если он подтвердит мои слова, то — исполнено мое желание'.

بو سوزكا تنوقى منو كلى سوز

H 49/11 اوقىغىل مونى سن ايا اذكو اوز
 Bu sözgä tänuqy munu kaldi söz
 Oquyul munu sän, äja abgü öz
 'Чтобы доказать эти слова, вот какое слово существует.
 Прочти ты это, о добрый человек';

Q 22/2 نا ارمىش تىلا كىنك كىم ارمىش اوزونك
 Nä armiş tiläking, kim armiş özüng
 'Каковы твои желания и кем являешься ты сам',

H 41 قىو كون كورونكو قجان كلكو اوز
 Qaju kün kögüngü, qäçan kalgü öz
 'В какой день показаться и когда самому прийти'.

Подобных изменений в тексте бесконечное множество. Часто переделываются как полустигишия, так и целые двустигишия, а изменение отдельных фраз — обычное явление.

Приведенное выше позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Наиболее значительные редакционные изменения внесены в текст «Кутадгу билиг» самим поэтом.

2. Основной текст поэмы, по-видимому, был написан автором, когда он жил на реке Чу; когда же поэт переехал в Кашгар, то начал вносить в свою работу изменения и поправки, связанные с местными условиями.

3. Несомненно, расхождениям между списками во многом способствовали и переписчики, заменявшие отдельные слова синонимами из собственного племенного диалекта. Со временем количество этих изменений и разночтений при переписке новыми переписчиками все больше увеличивалось.

4. Обе арабописьменные копии «Кутадгу билиг» восходят к не дошедшему до нас или пока еще не обнаруженному оригиналу — или, вернее, к более древнему списку. Обе копии отражают, хотя и недостаточно последовательно, характерные черты языка XI века.

5. В данной статье нами прослежены расхождения, имеющиеся между каирским и наманганским списками «Кутадгу билиг», однако если сопоставить эти списки с уйгурописьменным венским списком, то расхождений, естественно, окажется значительно больше. Однако для углубленного изучения памятника уйгурописьменный список обязательно следует привлечь.

В заключение хотелось бы обратить внимание на необходимость продолжения сопоставительного изучения дошедших до нас списков с обязательным учетом фонетических, лексических и грамматических фактов в тесной связи с особенностями рифмовки, метрики произведения и так далее. Такое изучение приблизит нас к более точному установлению первоначального состояния карлукско-уйгурского литературного языка XI века, языка, на котором создан этот замечательный памятник.

А. К. КУРЫШЖАНОВ

О ЗАМЕЧАНИЯХ РЕДАКТОРОВ НА ПОЛЯХ РУКОПИСИ «КОДЕКС КУМАНИКУС»

Рукопись «Codex Cumanicus» (далее СС) — один из основных дошедших до нас памятников разговорной речи кыпчаков XIII—XIV вв. Авторами рукописи, оставшимися неизвестными, могли быть как миссионеры из западноевропейских религиозных общин, так и купцы и путешественники. Известно, что «Codex Cumanicus» написан староготическим шрифтом. Первая его часть (стр. 1—110) выполнена, судя по почерку, одним лицом, по предположению исследователей, скорее всего автором или переписчиком, которого мы условно обозначим буквой А. По характерному для автора почерку начертанию букв и орфографическим особенностям А является, по мнению Г. Куна, выходцем из Генуи. Написанные рукою генуэзца буквы — широкие и закругленные, с четкими очертаниями, читаются легко и свободно. Отличительной особенностью первой части рукописи является то, что звук *v* в ней передается через *u*, а звуки *k* и *k'* — чаще всего через *c*¹. Приведенное предположение Г. Куна поддерживал и В. Радлов, отмечавший, что автор-итальянец мог быть фурландским купцом². Поэтому принято считать, что первая часть рукописи СС была написана «итальянцами, которые свое собственное произношение письменных знаков перенесли и на написание слов на иностранном языке»³. Судя по характеру приведенных в итальянской части СС материалов, можно предположить, что А был скорее купцом или путешественником, нежели миссионером. Это подтверждается тем, что здесь не встречаются ни отрывки из произведений сугубо религиозного содержания, характерные для второй, так называемой «немецкой», части (стр. 111—164) рукописи, ни примеры, которые свидетельствовали бы о намерении составителя словаря проповедовать куманам основы христианского вероучения. Первой части рукописи не свойствен тот назойливо-дидактический тон, характерный для представителей религиозных учений, которым отличается вторая часть.

Материалы СС еще раз убеждают также в мотивированности предположения П. М. Мелиоранского, что транскрипция СС «принадлежит не ученым, а лицам, совершенно не имевшим надлежащей подготовки и

¹ Codex Cumanicus bibliothecae ad templum Divi Marci Venetiarum. Primum ex integro edidit, prolegomenis, notis et compluribus glossariis instruxit Gomes Géza Kuun. Budapestini, 1880, IX.

² В. В. Радлов. О языке куманов. По поводу издания куманского словаря. — «Записки имп. Академии наук», 1884, т. 48, № 4, приложение, стр. 7.

³ А. v. Gabain. Die Sprache des Codex Cumanicus. — «Philologiae ; Turcicae Fundamenta», I. Wiesbaden, 1959, стр. 46.

преследовавшим свои цели, которые не имели ничего общего с научным изучением языка»⁴. Чрезвычайно запутанная система орфографии текстов рукописи СС в свое время ввела в заблуждение и Г. В. Лейбница, который писал: «Я видел каталог книг Петрарки, в котором среди других книг обращал на себя внимание „Словарь куманского языка“, но тщетно работал над этим исследованием»⁵. И все же, на наш взгляд, трудно согласиться с категоричностью утверждения П. М. Мелиоранского. Дело в том, что составителям как первой, так и второй частей СС вряд ли можно отказать в стремлении изучить живую разговорную речь куманов того времени, о чем свидетельствуют хотя бы отдельные наброски грамматических правил и значительное количество исправлений, дополнений и примечаний, сделанных, безусловно, с целью дать наиболее правильное представление о произношении куманских слов и точнее толковать их значения. Так, первая часть рукописи СС включает слова, сгруппированные не только по частям речи, но и по грамматическим категориям. Таким образом, половина рукописи (стр. 1—58) посвящена спряжению глаголов по лицам, числам и временам, перечню слов, относящихся к наречиям (стр. 59—67), и склонению имен существительных и местоимений (стр. 68—70); приведенные на остальных страницах слова даны в полном соответствии с лексикографическими правилами, то есть распределены по группам согласно их значениям, например, выделены группы слов, обозначающих времена года, названия дней недели, месяцев, названия предметов, диких и домашних животных и т. д. Во второй части рукописи СС приводятся «Наброски грамматики куманского языка, написанные на латинском языке», парадигмы спряжения глагола *aŋlatak* ‘понимать’ (стр. 128—130)⁶, а также часто повторяющиеся на отдельных страницах куманско-немецкие и куманско-латинские словарики. Мнение П. М. Мелиоранского представляется справедливым только отчасти, ибо составители текста рукописи СС, хотя и не были учеными и не обладали надлежащей лингвистической подготовкой, все же добросовестно изучали язык куманов, преследуя, очевидно, как это заметил в свое время В. В. Бартольд, «чисто практическую цель»⁷, заключающуюся в том, чтобы иметь возможность непосредственно общаться с представителями не только кыпчакских племен, но и многих других тюркских и, возможно, нетюркских народов, населявших в свое время (XIII в.) сопредельные с кыпчакскими степями территории, ибо «так называемый *langue cumanesca*, — по словам В. А. Мошкова, — был так же необходим для европейцев, отправлявшихся на Восток или к какому-нибудь одному из тюркских народов, как в XVIII в. французский язык был необходим для путешествующего по Европе»⁸.

Первая часть рукописи СС до сих пор не подвергалась текстологическому исследованию. Между тем она содержит немало текстуальных заметок, изучение которых во многом облегчило бы установление, а в необходимых случаях и реконструкцию точного текста. Все имеющиеся в первой части СС исправления, дополнения и примечания сделаны предполагаемыми редакторами или корректорами. Встречаются, правда, и

⁴ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. IV.

⁵ Г. В. Лейбниц. Новые опыты о человеческом разуме. Перевод П. С. Юшкевича. М.—Л., 1936, стр. 244.

⁶ А. К. Курьшжанов. К истории изучения куманского языка. — «Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук», 1972, № 3, стр. 32—38.

⁷ В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968, стр. 393.

⁸ В. А. Мошков. Гагаузы Бендерского уезда. — «Этнографическое обозрение», 1900, кн. XLIV, стр. 16.

пометки, сделанные почерком **А**, но они единичны. Первый из предполагаемых редакторов, условно обозначаемый нами здесь **Б**, писал размашистым почерком, используя черные чернила. Буквы в записях заметно удлиненные, нередко узкие и выведены жирнее остальных букв текста. **Б** специально отличает букву *a* от *ä* (звук *e*), звук *v* он, как правило, передает через *u*, выражающую кроме указанного звука еще и звуки *и*, *й*.

Второй редактор, согласно нашему условному обозначению — **В**, не всегда писал черными чернилами, и буквы у него ровные, узкие, острой формы. Звук *v* он также всегда передавал через *u*, иногда этим знаком обозначая и звук *и*. Звук *k* большей частью **В** передавал через *k*, а не через *s*.

Записи третьего редактора, условно обозначаемого нами **Г**, впервые встречаются в рукописи СС на стр. 26. Он писал бледными чернилами, буквы у него мелкие, достаточно ровные. Буква *a* в написании **Г** несколько отличается от соответствующей буквы в написании **А** (верхнюю линию он загибает в меньший кружок и в результате у него получается знак, напоминающий *v* в зеркальном отображении). Звук *и* он обозначает через *v*, а */k/* передает либо посредством обычного *k*, либо своеобразным сочетанием букв: *k* и *и*.

Четвертый редактор, по нашему условному обозначению **Д**, ограничился записью следующего изречения на стр. 21: *k'im maḡa berse, men de [a]ḡar berej[i]m; k'im maḡa bergmesz, men de [aḡ]ar bergmen* 'Кто мне даст, я тоже дам; кто мне не даст, я тоже не дам'. Почерк **Д** красивый, буквы закругленные и хорошо читаются.

Редакторами **Б**, **В**, **Г** и **Д** не только сделаны приписки к тексту **А** в маргиналиях, между строками, в начале и конце страниц, но и внесены некоторые исправления в написание отдельных букв и слогов, а также в переводы на латинский и персидский языки. По рукописи видно, что редакторы **Б**, **В** и **Г** первую часть проверяли полностью от начала до конца. Их почерки и орфография написанных ими слов дают все основания считать их авторами второй, немецкой, части рукописи СС, в чем были убеждены Г. Кун и другие исследователи во главе с В. В. Радловым и А. фон Габен.

Хотя почерк **Д** эпизодически встречается и во второй, немецкой, части рукописи СС, Г. Кун все же считает **Д** итальянцем по манере начертания букв и передачи орфографических особенностей письма.

Вторая часть рукописи СС была составлена в основном христианскими миссионерами немецкого происхождения. Она написана четырнадцатью почерками. Объем настоящей статьи не позволяет подробно остановиться на черновых заметках редакторов во второй части рукописи СС. Однако нельзя не отметить, что исправления и записи, внесенные в рукопись СС, явно свидетельствуют о том, что редакторы (или корректоры, а, может быть, и просто читатели — любители старинных манускриптов), ознакомившись с текстом, заполняли своими записями свободные места, приписывали недостающие слова и формы, зачеркивали лишние, по ошибке написанные буквы (порою и слова), заменяя их по своему усмотрению, восстанавливали случайно зачеркнутые слова, формы, буквы и, наконец, вписывали все новые и новые слова, расширяя тем самым словарный объем рукописи. Черновому редактированию были подвергнуты три колонки (латинская, персидская и куманская) первой части рукописи и вся вторая часть, что указывает на то, что редакторы СС были знакомы не только с куманским, но хорошо знали также латинский и персидский языки. Куманские слова не всегда переводятся на

персидский язык, вероятно, потому, что редакторы отдавали предпочтение перед ним латинскому. Иногда рядом с куманскими словами дается перевод на немецкий язык. Отсюда можно заключить, что редакторы лучше знали свой родной язык, чем латынь. В тех же случаях, когда дается параллельно латинский и немецкий переводы куманских слов, следует думать, что редакторы в одинаковой степени владели обоими этими языками. Иногда редакторами добавляются в рукопись куманские слова, совпадающие по значению с ранее уже фиксировавшимися в латинской части.

В латинской части рукописи СС нет незаполненных строк. И она составлена так, чтобы было удобно записывать соответствующие слова и формы в персидскую и куманскую части, которые, очевидно, заполнялись постепенно. И все же ряд строк на некоторых страницах так и остался незаполненным (всего 209 строк). Одни из редакторов заполняли персидскую и куманскую колонки одновременно (15 строк). В персидской части рукописи остались пустыми 54 строки, а в куманской — 42.

Основное внимание при редактировании рукописи уделялось куманской части. Об этом говорит и то, что на полях рукописи вообще не встречается пометок на персидском языке, если не считать немногочисленных приписок, сделанных в персидской колонке. Большая часть более поздних замечаний как в основной части рукописи (то есть в рамках соответствующих колонок), так и на полях страниц (то есть вне рамок представленных языков) относится к куманским словам, меньшая — к латинским, эпизодически — к немецким. Персидские слова в этом отношении находятся на последнем месте.

Таким образом, можно констатировать, что основной составитель первой части рукописи СС хорошо знал все три представленных в ней языка. Первый из ее редакторов также владел всеми этими тремя языками, второй знал только латинский и куманский, а третий — латинский и персидский языки. Четвертый редактор владел латинским, куманским и немецким языками.

Изучение черновых заметок в рукописи представляет большой интерес не только с точки зрения толкования фонетических характеристик букв и выяснения особенностей передачи кыпчакских звуков различными графическими способами. Оно позволяет также выявить дополнительно привнесенные материалы и их отличие от первоначально зафиксированных. Между ними должна быть, несомненно, определенная разница, которая может пролить свет на характерные особенности языка памятника в целом и диалектные разновидности основных форм и слов.

Попытаемся на нижеследующих примерах проиллюстрировать своеобразие графического оформления слов и фонетического значения отдельных букв, характер внесенных в рукопись корректив, правомерность внесенных исправлений, объем лексических пополнений и их отношение к первоначально зафиксированным словам и формам.

Замечания редакторов в целом можно свести к пяти пунктам.

1. Прежде всего редакторами уточнялись места куманских слов в системе латинско-персидско-куманского словаря, размещенного в трех колонках. Строки латинских и соответствующих им куманских слов нередко не совпадают. В таких случаях редакторы определяют место куманских слов, ориентируясь по их латинскому переводу. Так, например, тонкой линией («стрелкой») указано, что слово *aj* 'луна' относится к латинскому *lund*, расположенному строкою выше (стр. 70 рукописи СС). Рядом с *aj* редактор приписал новое слово *julduz* 'звезда', по значению полностью совпадающее с латинским *stella*, зафиксированным в той же

строке. А слово *kujaš* 'солнце', записанное на строке, соответствующей латинскому *luna*, было зачеркнуто и тем же почерком восстановлено выше на строке с латинским *soli*. Таким же образом, «стрелкой», связаны между собой кум. *birisik'ün* 'послезавтра' и лат. *post cras* (стр. 71), кум. *k'erki* 'кирка' и перс. *teysa*, кум. *balta* 'топор' и перс. *ganda*, кум. *bugau* 'сверло' и перс. *magānb* (стр. 86), вновь зафиксированное кум. *koγuj* 'ястреб' с дополнительно вписанным лат. *philomens*⁹.

Таким же методом иногда связываются некоторые персидские слова с латинскими (стр. 88, 100).

2. Исправление допущенных составителем А механических ошибок следует считать одной из основных заслуг редакторов Б, В и Г. Ими проставлены недостающие буквы, заменены некоторые буквы и формы другими, с их точки зрения более удачными для отражения особенностей куманского произношения. Так, слово *ešitk'emen* 'слышать' ими исправлено на *ešitk'ejmen*¹⁰, *ešitk'esen* на *ešitk'ejsen*, *ešitk'siz* на *ešitk'ejsiz*, *ešitk'ebiz* на *ešitk'ejbiz* (стр. 2—3). В исправленных вариантах ранее пропущенный звук *j* передается через букву *y*, то есть так же, как передавал ее А в основной части рукописи. Во всех случаях свои исправления и дополнения редакторы располагают (буквы, формы, слоги, сочетания букв) над строкой или под ней, иногда сопровождая пометами в виде графического знака — перевернутой буквы *v* или точки, дополнения в виде целых слов пишутся на полях, рядом с соответствующими формами в рукописи.

Далее можно указать на следующие исправления, сделанные редакторами: *aγyγatak* вм. *aγyatak* 'рассказание' (стр. 14), *tartarmen* вм. *ta-tarmen* 'тянуть' (стр. 54), *titermen* вм. *titermen* 'дрожать' (стр. 54), *ilg'eri* вм. *ig'eri* 'вперед' (стр. 59), *ek'sik'* вм. *esik'* 'меньше' (стр. 62), *jamān* вм. *jman* 'плохо' (стр. 62), *k'ertiler* вм. *k'ertler* 'справедливо' (стр. 65), *taηerte* вм. *taηrte* 'рано утром' (стр. 71), *birisik'ün* вм. *birsi k'ün* 'послезавтра' (стр. 71), *ajl tartarmen* вм. *ajl tartamen* 'подтягивать подпрыгивать' (стр. 11).

Рядом с зафиксированными уже грамматическими формантами редакторы приводят предполагаемые и вполне вероятные с их точки зрения формы, которые, как нам кажется, органично вписываются в конкретных случаях в систему формообразующих аффиксов куманского языка. Так, после *k'[ešk'e]* *ešitk'ej edin* рукою Б приписано *vel ešitmiš bolγaj edin* (стр. 3)¹¹. Данная форма, разумеется, здесь более уместна, нежели предыдущая, ибо порядок спряжения таков:

- к. *ešitmiš bolγaj edim*
- к. *ešitmiš bol[γaj] [e]di[η]*
- к. *ešitmiš bolγaj edi.*

К слову к. *ešitmiš bolγa[j] edi* снизу приписана форма *-ylar* (стр. 3), что и означает, по предположению Б, к. *ešitmiš bolγa[j] ediler*. Ср. в

⁹ Данная форма отсутствует в издании Г. Куна, которое, по словам В. Радлова, отражало рукопись «самым точным образом, со всеми сокращениями, ошибками и даже приписками, которые собственно не относятся к памятнику языка куманов» (см.: В. В. Радлов. О языке куманов, стр. 2). Ср. другое мнение: «малоудачной оказалась также попытка Г. Куна издать „Кодекс Куманикус“» (Ю. Немет. Общие проблемы языкознания в Венгрии. — «Вопросы языкознания», 1964, № 6, стр. 119).

¹⁰ Примеры даются в транскрипции, принятой журналом «Советская тюркология». перевод глаголов дается в неопределенной форме.

¹¹ В рукописи СС слово *k'ešk'e* (препозитивная частица, имеющая условно-желательное значение) обычно записывается сокращенно латинской буквой *S* звук */k/*. Слово *vel* (тоже пишется сокращенно: *vl* — с черточкой наверху или *l'* — с апострофом) — латинское, выражает значение союзов «либо», «или», «еще». Данная строка на полях в конце обрывается, форма *-di* приписана снизу.

рукописи (там же): к. ešitk'ejler edi вм. к. ešitk'ej ediler. Возможно, первоначальный вариант следует читать как к. ešitmiš bolʒa[i]lar edi?

На форму генитива редактор приводит следующие примеры: meniŋ вместо ранее зафиксированной в рукописи формы menden, biziŋ вм. bizden, seniŋ вм. senden, siziŋ вм. sizge (стр. 66).

Одни буквы редакторами заменяются другими, добавляются дополнительные знаки и буквы. Однако это все не отражается на значении слов или их произношении, так как сущность выраженных ими звуков остается неизменной. Так, редактор к букве s (звук š)¹² в слове jašugumen 'скрывать' (yasigumē — в оригинале, стр. 6) приписал спереди еще одну букву z: yazsigumē. То же самое можно наблюдать и в словах ašarumen 'есть, кушать' (стр. 10), bišütürmen 'варить' (стр. 12): Azsarumen вм. Asarumen, Bizsuturmē вм. Bisuturmē. Для передачи звука š в слове ašarumen 'открывать' (стр. 6) к букве z присоединена еще одна буква, весьма похожая на перевернутую русскую букву з (перевернутая фрактурная, готическая, швабская форма буквы z — первый вариант)¹³. Звук š в рукописи СС передается, как известно, двумя способами: при помощи готической формы (s) латинской буквы s и посредством латинской буквы s. Относительно их употребления С. Е. Малов писал: «Мне известно, что обычно в СС для звука š употребляется s, а для звука s готическая буква s¹⁴, но бывают в СС и исключения...»¹⁵ Издатели рукописи СС — Г. Кун, В. Радлов и К. Грэнбек вместо готической формы (s) буквы s всегда пишут s (звук š), однако предполагаемый нами редактор, не будучи уверенным в том, что «возможные исключения» будут правильно поняты, по всей вероятности, решил в известной мере гарантировать это, исключив вероятность произношения š вм. s следующим образом: если форма yasigumē (в нашей транскрипции jašugumen) могла, как исключение, произноситься как jasugumen, то новая форма jazsigumē, безусловно, должна была произноситься только как jašugumen, поскольку здесь буква z обозначала š. Что касается формы azšarumen, то произношение ее как ašarumen гарантируется наличием буквы č, всегда и без исключения обозначающей звук č. Приведенная форма выступает здесь вместо возможного варианта этого слова ašarumen. Точно такие же исправления мы находим в оригиналах слов типа jašurdum, jašug, jašugtak (стр. 6), ačtum, ačkul (стр. 6—7), ašadum (стр. 10).

Относительно обозначения звука š В. В. Радлов писал, что «в первой части кодекса, писанной Итальянцем, до страницы 111 оригинала встречается исключительно s (вместо c и ш соответствующих слов казанского наречия...). Но только там, где начинает писать Немец, мы видим колебания в выражении звука ш в том, что пишется то s, то sch»¹⁶. Утверждая, что Итальянец звук š обозначает через s, В. В. Радлов далее уточняет: «...в итальянском правописании этот звук выражается через sc». Причины употребления буквы s вместо sc для обозначения звука š В. В. Радлов видит в том, что «составитель первой части кодекса был Фурландец, а в фурландском наречии существует только звук, средний между c и ш, так что говорящий этим говором не в состоянии

¹² В данном случае звук š передается готической (фрактурной, швабской) формой (второй вариант) обычного знака антиква (латинского) s. В отличие от обычной формы s мы эту готическую форму передаем жирным шрифтом s.

¹³ Данную форму мы передаем жирным шрифтом č.

¹⁴ С. Е. Малов здесь приводит оригинальную форму начертания готической буквы, однако по техническим причинам мы ее опускаем.

¹⁵ С. Е. Малов. К истории и критике Codex Cumanicus. — «Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук», серия VII, 1930, № 5, стр. 352.

¹⁶ В. В. Радлов. О языке куманов, стр. 30—31.

различать звуки *s* и *ш*. Другие глоссаторы уже по примеру этого первого большею частью употребили тоже букву *s*»¹⁷. Все эти замечания В. В. Радлова, возможно, вполне справедливы в отношении употребления букв *s* и *š*, но они нисколько не проясняют роль и значение буквы *z* (resp. *ž*).

По словам В. В. Радлова, буква *z* (в слове *azagmen*) переписчику-немцу «показалась неудобной потому, что он, как Немец, через *z* привык выражать (как мы выше показали) звук *ž*. Итальянец же буквою *z* привык в своей орфографии выражать звук *dz*, а так как в словах *aztim* и *azkil* невозможно выговаривать *z* как *dz*, то нам остается видеть тут обозначение глухого звука *ts—ц*, для выражения которого Итальянец не нашел в своем письме соответствующей буквы»¹⁸.

В результате подобного рода рассуждений В. В. Радлов пришел к неверному заключению, что в куманском языке вместо *č*, характерного для других тюркских языков, употреблялся звук *ц*¹⁹. Основные выводы В. В. Радлова о месте куманского языка среди других языков тюркской группы были построены, в частности, именно на выведенной им закономерности употребления звука *ц* в куманском языке и в волжских наречиях, особенно в Мишерском²⁰. В. В. Радлов утверждал, что куманский язык среди западнотюркских наречий, куда «входят иртышские, киргизские, башкирские и волжские наречия», ближе стоит к волжским наречиям и в особенности к наречию мишеров²¹. Не вызывает никаких сомнений, что мнение В. В. Радлова об употреблении в куманском языке звука *ц* вместо *č* основано на неверном прочтении им букв *č* и *ç* (звук *č*) в рукописи СС²². А. Зайончковский писал, что «никакого цокания у куманов не было» и подвергал резкой критике некоторых последователей В. В. Радлова в данном вопросе²³. Другие издатели и исследователи языка рукописи СС обычно пишут *č* вм. *č*, *ç* и радловского *ц*.

В некоторых примерах при передаче звука *z* посредством сочетания букв *sx* буква *s* зачеркнута как лишняя, в других — буква *x* (звук *z*) исправлена на *s*: так, имеются исправленные слова *uxxaclagmen*, *uxxas* вм. первоначальных форм *uxxaclagmen*, *uxxas*, в транскрипции — *juzak* 'замок' (стр. 11) или, наоборот, *ysde-* вм. *uxdagmē*, *uxdadum*, *uxdagil*, *uxdatas*, в транскрипции — *izde-* 'искать' (стр. 44). Над буквой *y* (звук *i*) в последних исправленных вариантах в отличие от первоначальных имеется сверху точка (слегка удлиненная). Здесь же в конце слова вместо первоначально зафиксированной буквы *s* пишется *k*: *ysde-tek* (вм. *uxdatas*). Повторение буквы *s* (звук *š*) в формах *vsurgmē*, *vsidum* (*üşürmen* 'мерзнуть', стр. 43) передается специально проведенной снизу под буквами *vs* черточкой (как бы выделяющей последнюю букву).

¹⁷ В. В. Радлов. О языке куманов, стр. 32.

¹⁸ Там же, стр. 34.

¹⁹ Там же, стр. 35.

²⁰ Там же, стр. 53.

²¹ Там же.

²² Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II. Фонетика, морфология, ч. I. М., 1952, стр. 75—76; Т. И. Грунин. Памятники половецкого языка XVI в. — В сб.: «В. А. Гордлевскому». М.—Л., 1953, стр. 95. Ф. Корш. Рецензия на книгу: Fr. Miklosich. Die türkische Elemente in den südost- und ost-europäischen Sprachen (griechisch, albanisch, rumunisch, bulgarisch, serbisch, kleinrussisch, grossrussisch, polnisch). Wien, 1884. — «Archiv für slavische Philologie», Hrsg. von V. Jagic, Berlin, 1885, Bd 8, H. 4, стр. 644.

²³ А. Зайончковский. [Выступление на координационном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков]. — В сб.: «Труды Института литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР», 1958, т. XII, стр. 134.

Вместо явно перегруженного сочетания букв *aue* редактор ставит одну букву *w*: *daw* вм. *Daauē* (*dav* 'спор', стр. 44).

В одном случае буква *s* (звук *š*) переправлена на другую, похожую на русскую букву *З* (или цифру 3) с опущенным хвостиком (передающую латинский звук *z*)²⁴: *tuzergmē* вм. *tusergmē* (*tüşergmen* 'спускаться', стр. 11). Далее эта буква *z* передается черточкой, поставленной под буквой *s* (что означает в данном случае *š*): *tüštüm*, *tüş*, *bišürdüm*, *bišür*, *alyšyrgmen*, *alyštum*, *alyškyl*, *alyšturmak* 'борьба' (стр. 13). Ср. *bismis* 'вареный' (*bišmiš*), где первая буква *s* (звук *š*) без черточки (стр. 101). В другом случае буква *z*, наоборот, была переправлена на *s* (звук *š*). Таковы оригиналы слов *yšanurmen*, *yšanmak* 'доверие' (стр. 15, 70), *ešik[ni]* *jaragmen*, *ešikni jartum*, *ešikni jar* 'закрывать дверь' (стр. 16), *bišürgmiš* 'варить' (стр. 16). В первом случае *s* > *z*, а во втором — *z* > *s*.

Иногда для передачи звука *k* буква *c* снабжается еще дополнительным знаком *h*: форма *gicrag* (точнее: *uicrag* — буква *g* переправлена из буквы *y*) редактором исправлена на *gichrag*, то есть *žyrag* *berurmen* 'раскаиваться' (стр. 13) и далее: *gichrag berdum*, *uichrag bergil*, *y car*²⁵. Последняя форма подчеркнута пунктиром и рядом дана исправленная редактором форма *gichrag berdi*. Имеются случаи замены двух букв *gh* одной *h*: *hoss* вм. зачеркнутой формы *ghes* (*hoš* 'приятно', стр. 59).

Сочетание букв *ck* в слове *Sackarzmē*, то есть *sačarmen* 'рассеивать', 'разбрызгивать' (стр. 50), зачеркнуто и выделено пунктиром. После него в рукописи следуют варианты *Saçtun*, *Sazchil*. В первой форме буква *z* вписана в слово другим почерком, а во втором слове вверху, между буквами *ç* и *t*, приписана той же рукой буква *z*. Очевидно, редактор полагал, что она наиболее точно передает куманский звук *č*.

Для обозначения звука *k'* редактор заменяет букву *c* на *k* в словах *k'ünde-k'ünde* 'ежедневно', *berk'* *k'ele* 'крепко' (стр. 60): первоначальные *conde conde*, *Berc chele* переправлены на *kvndegi*, *berkler*. То же сделано для передачи звука *k* в *umisac* и *Sati chele*, переправленных на *uumsak* и *katigar* (*uumsak* 'мягкий', *katugar* 'твердо', стр. 60).

Звук *k'* передается редакторами с помощью букв *h*, *c*, *k* вместо первоначально зафиксированного сочетания *ch*: *cönuhale* вм. *Conu chelle* (*k'önu k'ele* 'справедливо', стр. 60), *cū* вм. *chun* (*k'ün* 'день', стр. 61), *tvnekvn* вм. *Tunachū* (*tünek'ün* 'недавно', стр. 71), *kimningt'* вм. *Chimi-niņt'* (*k'imniņ* 'что это?', стр. 59). Нам думается, что интерпретация сочетания *ch* как звука *x*, как правило, в словах с гласными заднего ряда, встречающаяся в изданиях рукописи и исследованиях языка СС, требует особо внимательной и осторожной проверки.

Буквы *ng* (звук *ŋ*) заменены одним знаком в виде цифры девять с «хвостиком», загнутым в противоположном направлении²⁶: *Meppiņ* (*me-piņ*), *Bixsiņ* (*biziņ*), *Senniņ* (*seniņ*, стр. 66), но не всегда: *kimning tur?* (*k'imniņ tur?*, стр. 59). Такому же изменению подверглось сочетание букв *nk*: *taņ erte*²⁷ вм. *Tankerte* (*taņ erte* 'рано утром', стр. 71). Вместо *ŋ* редакторы иногда употребляют более доступную букву *n*: *tanda* вм. *taņgda* (*taņda* 'на заре', стр. 71). В отредактированных вариантах звук *ö* передается специально подобранным знаком в виде буквы *o*, перечерк-

²⁴ Данную букву мы условно передаем как *z*.

²⁵ Между буквами *y* и *c* имеется свободное место, очевидно, предназначенное для буквы *i*. Волнистая черточка над буквой *c* означает *r*: *uicrag*. Может быть, *gichrag* = *žyrag*?

²⁶ Данный вариант обозначения звука *ŋ* мы передаем полужирным шрифтом **ŋ**.

²⁷ Здесь и в ряде других слов первое *e* (*erte*) рукой **A** передается через сочетание *a* и *e* (см. дополнительные буквы латинского письма в датском, исландском, датском и норвежском языках).

нутой по диагонали, но не обыкновенной буквой *o*, как писал А²⁸. Например, *Töge* (töge 'господин', стр. 70), *Ömed* (ömed 'надежда', там же).

Редакторы иногда заменяли букву *a* буквой *e*, буквы *ch* — буквой *g*, *i* — буквой *y*: в слове *harchis* над *a* приписано *e*, а рядом — *hergys* (*herg'iz* 'никогда', стр. 62).

Буква *x* (звук *z*) заменяется буквой *s*: *uasuc* вм. *uaxuc* 'грех' (стр. 70) — *jazuktan* решман болмак заменяется: *jazuk* ücün *jük' k'ötürmek'-lik'* 'за совершенный грех быть обремененным'.

Букву *u* заменяет *v*: *Vuchun*—*bvkvп* (*buk'ün* 'сегодня', стр. 71).

Буквы *uu* (звуки *üv*) заменяются буквой *w*: *tuuj* (*tüvi*) — *tw* (*tüv* 'каша', стр. 110).

Как явствует из приведенных примеров, редакторы рукописи СС предпочитают букву *z* букве *s* для обозначения звука *ž*, используют буквы *č* и *z* (иногда и *zč*) для выражения звука *č*, букву *h* вм. *ch* — для передачи звука *k* (*ka*), букву *k* вм. *c* — для уточнения звука *k'*, букву *η* — для звука *η*, букву *ö* вм. *o* — для звука *ö*, букву *s* вм. *x* — для звука *z*, букву *w* — для сочетания звуков *üv*.

В результате всех внесенных редакторами в рукопись исправлений, изменений, дополнений получилась следующая картина употребления букв для обозначения некоторых звуков куманского языка:

Звуки	В основном варианте рукописи	В отредактированном варианте рукописи	Примеры
š	s	zs	jašyr 'скрывать', bišüt 'варить',
	s	ss	üşü 'мерзнуть',
	s	z	tüş 'спускаться', büšür 'варить', alyš 'бороться',
č	z	zč	ač 'открывать',
	ch	z	sač 'рассенвать',
z	x	s	izde 'искать',
	sx	x	yuzak 'замок',
k (ka)	c	ch	žykrar 'признание',
	c	k	yumšak 'мягкий', katyrap 'твердо',
k'	c	k	k'ünde 'ежедневно', berik' 'крепко', k'önü 'справедливо',
	ch	k, h	k'ele (служебное слово),
x	gh	h	xoš 'приятно',
v	aue	w	дав 'спор',
η	ng	η	meniη 'моего',
	ng	п	taηda 'на заре',
	nk	η	k'imniη 'че'?',
ö	o	ö	ömed 'надежда', töte 'господин',
e g i	a	e	herg'iz 'никогда'.
	ch	g	
	i	y	

²⁸ В отличие от обыкновенного варианта начертания звука *ö* во второй части рукописи СС данный вариант передается полужирным шрифтом *ö*.

3. Благодаря исправлению отдельных букв и форм, привлечению их дополнительных возможных вариантов образовались фонетические разновидности основных форм куманских слов. Вариантность последних создается на основе чередования определенных звуков, указывающих иногда на принадлежность таких вариантов, по-видимому, к различным диалектам разговорной речи куманов. Так, форма *uzitmaga* (*išitmeg'e* 'чтобы слышать', стр. 4) написана рядом с *Esatmaga* (*ešitmeg'e*). Последняя форма в рукописи зачеркнута, но основа слова *ešit* — в спряжении на стр. 1—4 как таковая не изменяется. Причину «многообразия орфографических форм» А. фон Габен объясняет тем, что «Кодекс не имеет единого диалекта»²⁹.

Основа слова *Casan-* в формах *Casanirmē*, *Saxandum*, *Saxangil* исправлена на *Casgan-* (стр. 7). Это наводит на мысль, что данное слово, возможно, употреблялось в двух — южной и северной — формах: *kazan-* и *kazgan-* 'добываться'. Фонетическая закономерность — γ переходит в показатель нулевой формы — характерна для куманского языка. Так, в слове *saat* 'время, момент' (стр. 71) после *sa* сохранились следы зачеркнутой буквы *g* (звук γ). Очевидно, исходя из этого, Г. Кун и В. В. Радлов пишут *saγat* 'часы'. На факультативность употребления звука γ указывает и тот факт, что в слове *γafta* 'неделя' (стр. 71) начальная буква зачеркнута. Правомерность нашего предположения доказывается еще и тем, что слову *toγ-* в формах *Togarmen*, *Togdum*, *Toggil*, *Togmac* (стр. 37) предшествует приписанная сверху рукою редактора В форма *t(u)v*: *tvarmē*. Это соответствует последнему варианту слова в том же списке *tov*: *Tougam* (resp. *tovgan* 'родившийся'). Об этом же свидетельствуют следующие примеры: рядом с *oγru* 'вор' (*ogrilam*) встречается и *ovru* (*owrvum*, стр. 60); форма *avur s[γ]j bile* (*aiursi bile*, стр. 61) следует за формой *aγur s[γ]j bile* (*Ager sij bile* 'с высокой честью'). Здесь благодаря приведенным редактором примерам ясно проступает закономерность $\gamma \sim v$. Редактор иногда приводит параллельно обе формы, как бы показывая тем самым правомерность различного произношения этих слов: *boγum* *l'buγ[u]n* 'сустав' (*bogum l'buun*, стр. 94).

Слово *jukgar* 'признание' (в формах *uichgar* *berurmē*, *uichgar* *berdun*, стр. 13) редактор переправил на *žukgar* (*gichgar*), заменив начальную букву *u* на *g*. В других формах *uichgar* *bergil*, *u[i]cgar* это им не было сделано (стр. 14). По определению В. В. Радлова, буква *g* в итальянской части рукописи СС «выражает звонкий звук, соответствующий глухому *ч*»³⁰. Таким звуком, очевидно, мог быть *ž* или *ž*, хотя В. В. Радлов и пишет, что в куманском языке мы «не находим никаких следов звука *ж*, соответствующего глухому *ш*»³¹. Однако ясно одно, что по особенностям произношения формы *gichgar* и *uichgar* не могли быть идентичными, по всей вероятности, куманы произносили их по-разному, что указывает

²⁹ А. v. Gabain. Указ. раб., стр. 46. В качестве доказательства своего вывода автор приводит пример: в рукописи якобы написано *ešitum*, переправленное на *ešitim*, что, по словам А. фон Габен, «говорит о том, что диалект первого писца в качестве связывающего гласного предпочитал губной знак, диалект исправлявшего — широкий гласный». Буква *u* в рукописи СС в самом деле стерта наполовину (с правой стороны) и слово выглядит как *Esitim*, *Esiting* — там как будто не заметно следов исправления или поправки (стр. 1). То же самое случилось и с формой *Esittuc edi* (стр. 2), но на этот раз стерта левая сторона вместе со второй буквой *t* — их следы в какой-то мере можно уловить. Ср. *Esittim esse* (*ešittim esse*), *Esittim ersa* (*ešittim erse*) — стр. 3.

³⁰ В. В. Радлов приводит оригинальную форму начертания этого звука, но мы ее опускаем по техническим причинам. См.: В. В. Радлов. О языке куманов, стр. 10.

³¹ Там же, стр. 32.

на наличие в куманском языке двух типов фонетических диалектных различий: йоканья и жоканья³².

Рядом с *sozulurmē* (*soçulurmen* 'снимать одежду, раздеваться') написано *vl'çiçulurmē* (*çiçulurmen*, стр. 20), что считается правомерным с точки зрения постоянно действующей в куманском языке фонетической закономерности *o ~ u*. Что же касается чередования *s ~ š*, то оно нуждается в дальнейшем уточнении.

После *berchiturmē* (*berk'itürmen* 'укреплять') приписано еще *vl'berketerm* (*berk'etermen*, стр. 24). Это тоже легко объяснить, если принять во внимание, что в материалах старокыпчакского языка чередование звуков *i ~ e* встречается довольно часто. Ср. *berk'itürmen*, *berk'ittim*, *berk'it* (стр. 26).

Обычная для древне- и старотюркских языков форма *egir-* 'прять' (стр. 25): *Egipurmē*, *Egirdum*, *Egirgil* в рукописи СС сопровождается еще одной формой, дополнительно зафиксированной рукой редактора В: *vl'jir*: *jirimen*, *jirdim*, *jirgil*.

Тот же редактор далее указывает на фонетическую разновидность *oguglarm* (*oçurlarmen* 'воровать', стр. 25), существующую наряду с основной формой *oggularmē* (*oçgularmen*, *oçguladum*, *oçgula*, *oçgulamak*).

К слову *Rox* (*goz* 'фортуна, судьба, рок') редактор приписывает и форму *vl'ogozung* (*ogozuŋ* — 2-е л. ед. ч.). Тем самым он, очевидно, хотел показать, что слова в куманском языке обычно не начинаются с буквы *r*: подтверждается это наличием в рукописи СС всего 10 слов с начальной буквой *r* (включая сюда и *goz*), причем все они являются заимствованными.

Рядом с формой *zian ettim* 'повредить' (*xian ettin*, стр. 37) редактор В привел на полях форму *izan et* [*tim*] (*izan et* — здесь поля повреждены и слово дальше не читается), об остальных формах *xian etarmē*, *xian etchil* редактор ничего не сообщает. Перестановка звуков в сочетаниях *zi-* и *iz-*, возможно, представляет собою метатезу. Аналогичное фонетическое явление можно видеть в словах *jumšak* 'мягкий' (*ymisac*, стр. 60) и *jumšak* (*yvmsak*), где наблюдается обычная закономерность чередования звуков *y ~ u*.

Учитывая приписку редактора, и на основании закономерности *o ~ u* форму *Emburū* (стр. 62)³³, очевидно, следует читать в двух фонетических вариантах: *enburun* и *enbogun* 'прежде всего'. К слову *okšaš* 'похожий' (*Ocsas*, стр. 75) приписано еще *ušaš* (*l'vsas*). Приписанная к слову *altunču* 'золотых дел мастер' (*Altunçi*, стр. 84) форма *altonču* (*altonuzi*) также свидетельствует о существовании вышеназванной фонетической закономерности в куманском языке. Над словом *buçdaj* 'пшеница' (*Buçday*, стр. 110) редактор приписал форму *vl'bodaj* (*boday*). На существование другого варианта слова *joçan* 'одеяло' со звуком *u* редактор указал тем, что над буквой *o* надписал букву *u*: *juçan* (стр. 85).

Грамматическую форму *aar* 'ему' редактор отождествляет с формой *angar* (стр. 67).

За формой *ek'indü* (*Ekindu*) следует *ek'indi* (*chinde* 'вторая половина дня', стр. 71).

После *tangda* редактор написал *vl'tanda* 'утром' (стр. 71). Несмотря на это, *tan saraunda* переправлено на *tang saraunda* 'на заре': буква

³² Ср.: «Соответствие *дж—ж—й*... находит свое отражение... и в Codex Cumanicus...» (Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, ч. I, стр. 86).

³³ Буква *u* в первом случае (*bu*) снабжена дополнительной буквой *o* наверху и одной точкой внизу.

л исправлена на η. Последнее слово В. В. Радлов считает заимствованным из русского языка — от слова «заря»³⁴. Ср. арабск. *sāhār* 'заря, рассвет', перс. *sāhār* 'рассвет, утро', казахск. *tañ säride* 'на утренней заре', *säresi* 'пища, которую принимают на рассвете во время поста'.

К слову *aslan* 'лев' (*Astlan*, стр. 107) приписана сверху буква *r*: *arşlan*. В памятниках старокыпчакского языка часто употребляются оба варианта этого слова.

К слову *tutsak* 'залог' (*Tutsac*) приписано *tytnak* (*l'titnak*, стр. 75).

Вместо зачеркнутой формы *birle* редактор написал *bile* 'вместе с' (стр. 59). Между тем в рукописи СС часто встречаются обе формы.

Отредактированные варианты куманских слов показывают следующую закономерность чередования звуков:

<i>e</i> ~ <i>i</i> :	<i>ešit</i> ~ <i>išit</i> -	'слышать',
<i>i</i> ~ <i>e</i> :	<i>berk'it</i> ~ <i>berk'et</i> -	'укреплять',
<i>y</i> ~ <i>u</i> :	<i>jymšak</i> ~ <i>yumšak</i>	'мягкий',
	<i>aıyr</i> ~ <i>avur</i>	'высокий',
<i>o</i> ~ <i>u</i> :	<i>enburun</i> ~ <i>enborun</i>	'прежде всего',
<i>ü</i> ~ <i>i</i> :	<i>ekindü</i> ~ <i>ekindi</i>	'вторая половина дня',
<i>uy</i> ~ <i>o</i> :	<i>buydaj</i> ~ <i>bodaj</i>	'пшеница',
<i>eg'</i> ~ <i>j</i> :	<i>eg'ir</i> ~ <i>jir</i>	'пряхь',
<i>ok</i> ~ <i>u</i> :	<i>okšaš</i> ~ <i>ušaš</i>	'похожий',
<i>γ</i> ~ <i>v</i> :	<i>aıyr</i> ~ <i>avyr</i>	'высокий',
<i>j</i> ~ <i>ž</i> :	<i>jykrar</i> ~ <i>žykrar</i>	'признания',
<i>k'</i> ~ <i>g'</i> :	<i>herk'iz</i> ~ <i>herg'iz</i>	'никогда',
<i>n</i> ~ <i>η</i> :	<i>tan</i> ~ <i>tañ</i>	'заря',
<i>γ</i> ~ —:	<i>kazıan</i> ~ <i>kazan</i>	'добывать',
	<i>ıafta</i> ~ <i>afta</i>	'неделя',
<i>r</i> ~ —:	<i>birle</i> ~ <i>bile</i>	'вместе с',
<i>η</i> ~ —:	<i>aıar</i> ~ <i>aar</i>	'ему'.

4. Отдельные слова, приведенные редакторами в рукописи СС, можно разделить на две группы: первую составляют слова, образующие вместе с ранее зафиксированными реестровыми словами синонимические ряды; вторую — слова, употребляющиеся самостоятельно и не имеющие ничего общего с текстом страниц рукописи СС, где они зафиксированы.

5. Некоторые слова, по тем или иным причинам приведенные редакторами, просто повторяют те, что были зафиксированы ранее рукою А. По своему оформлению и значению они ничем не отличаются от ранее приведенных слов. Таких слов немного: *kursak* 'живот' (стр. 71), *bük'ün* 'сегодня' (стр. 71), *tünek'ün* 'недавно' (стр. 71), *birisik'ün* 'послезавтра' (стр. 71), *esk'i* 'старый' (стр. 77) и др.

Изучение материалов рукописи СС обычно начинается с определения особенностей орфографии и изложения. Выявление позднее внесенных редакторами (или корректорами) записей и материалов является, несомненно, одной из составных частей всестороннего изучения языка куманов в целом. Это особенно необходимо, во-первых, потому, что подобного рода работа до сих пор не проводилась, и, во-вторых, — в отечественной тюркологии в настоящее время весьма остро ощущается недостаток конкретных исследований языковых материалов древних и старых рукописей вообще и рукописи СС в частности.

³⁴ W. W. Radloff. Das Türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. Mémoires de l'Académie impériale des sciences, VII série. St.-Pb., 1887, стр. 48.

Г. ДЕРФЕР

О СОСТОЯНИИ ТЮРКОЛОГИИ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИИ

Различные области востоковедения представлены в Федеративной Республике Германии далеко не одинаково. Так, здесь имеется одиннадцать кафедр египтологии, большое число исследовательских центров по синологии и исламоведению, но всего лишь одна кафедра тюркологии. Вопросы тюркологии разрабатываются в основном в широких рамках «исламоведческих» или же «общевостоковедческих» исследований. Во многих университетах из тюркских языков преподается лишь турецкий.

Такое положение, естественно, не учитывает особого характера тюркологии как дисциплины, которую невозможно втиснуть в рамки исламоведения, ибо, выходя далеко за его пределы, она как бы связывает между собой Европу и Азию, создавая тем самым прекрасные возможности для освещения целого ряда проблем современных востоковедческих дисциплин. Тюркология охватывает множество культур, религий и языков, распространенных на обширной территории — от Боснии до Северного моря.

Строго говоря, тюркологию следовало бы рассматривать в двух аспектах: в широком — как науку, охватывающую все тюркские языки, и в узком — как османистику, включающую в себя лишь современный турецкий язык и древне- и среднеосманские языки.

Немецкие ученые с давних пор занимались обычно османистикой, и эта традиция поныне сохраняется в Федеративной Республике Германии.

Тюркологические исследования ведутся у нас в следующих планах (так они будут и рассмотрены ниже): в чисто филологическом (литературоведение, лингвистика) и в историческом (например, история тюркоязычных народов — в том аспекте, в котором ведут разработку Б. Шпулер в Гамбурге или Г. Кисслинг в Мюнхене), включая этнологию (являвшуюся до сегодняшнего дня объектом исследования У. Иогансен в Гейдельберге и совсем недавно начавшуюся изучаться в Кёльне).

Изучение в ФРГ «филологической» тюркологии (назовем ее условно так), подразделяющейся на османистику и тюркологию (в широком смысле), может быть представлено в виде следующей схемы:

Кафедра	Османистика	Тюркология
Руководители кафедр, преподающие также и тюркологию	(Мюнхен)	Геттинген (Майнц)
Педагоги, имеющие звание профессора	Фрайбург (Кёльн) (Вюрцбург)	Франкфурт-на-Майне (Гиссен) (Гамбург)

Название города, набранное курсивом, означает, что в данном научном центре изучается также алтаистика (то есть исследования ведутся на базе сравнения тюркских языков с монгольским и тунгусским языками); названия же, взятые в скобки, означают, что здесь данный предмет изучается не самостоятельно, а наряду с другим (и поэтому, естественно, недостаточно интенсивно).

Наряду с этим имеются также лекторские группы, руководящие занятиями ассистентов по османистике — в Бонне, Гамбурге, Марбурге, Мюнстере, Тюбингене, а также по тюркологии — в Бохуме.

Ниже мы попытаемся дать краткий обзор научных исследований ученых ФРГ в области тюркологии. Прилагаемая в конце статьи библиография охватывает издания лишь последних лет (начиная с 1968 г.). Здесь следует оговорить, что информация к автору поступала весьма нерегулярно, и поэтому библиографические данные, возможно, не носят исчерпывающего характера. Отметим также, что в библиографии представлены лишь работы (монографии и статьи) профессоров и доцентов (в ФРГ научные публикации ассистентов и даже докторантов очень малы, исключение составляют только работы М. Адамовича из Геттингена). Нами не учтены также и рецензии. В библиографии, включающей лишь тюркологические работы, не упоминаются исследования по монгольским и тунгусским языкам (хотя их связи с тюркскими зачастую имеют немаловажное значение). Однако значительное место отведено работам по алтаистике. Информация дается по научным центрам (городам), приводимым ниже в алфавитном порядке. Учебные заведения, в которых читаются обычные курсы турецкого языка для начинающих, здесь не упоминаются.

В **Ангере** Анна-Мария фон Габен, хотя и ушедшая на пенсию, продолжает вести интенсивную научно-исследовательскую работу, являясь деловым президентом Societa Uralo-altaica и редактором алтайской части урало-алтайских ежегодников. Она известна как автор целого ряда ценных трудов, посвященных главным образом древнетюркской филологии [еще в 1969 г. А. фон Габен читала лекции в Гамбурге, а позже выступала с докладами в Дании, Берлине (ГДР), Страсбурге (Франция) и в других городах].

В **Вюрцбурге** на востоковедческом семинаре университета профессор Сюзанна Дивальд и доцент Вильгельм Хайнц ведут занятия по турецкому языку. Руководитель семинара профессор Вильгельм Айлерс подготовил статью, посвященную турецкой топонимике.

Особенно широко представлены тюркологические исследования в **Гамбурге**, на семинаре по истории и культуре Переднего Востока. Профессор Бертольд Шпулер читает здесь историю тюркоязычных народов в широких рамках исламоведения (включая также историю монголов и отводя значительное место истории Ирана). Профессор Барбара Флеминг занимается преимущественно следующими тюркологическими темами: древне- и среднетюркский, османский, мамлюкско-тюркский языки, современная турецкая литература и языковые проблемы Турции, история анатолийских туруков. Среди работ, намечаемых к публикации, можно назвать следующие: «Иран в эпоху сельджуков» (Б. Шпулер), «Мамлюкско-тюркская письменность» (Б. Флеминг), «Die Tabaqāt ūl-memālik des Mustafā b. Ğelāl» (Б. Флеминг), «Тюркские рукописи. Указатель восточных рукописей», т. XIII (З. Зорвейде).

В **Геттингене** на кафедре тюркологии и алтаистики читаются лекции и ведутся практические занятия по древнетюркскому, древнеосман-

скому, турецкому, узбекскому, джагатайскому, якутскому языкам; читаются также обзорные лекции по всем тюркским языкам, изучаются морфология и фонетика алтайских языков. Д-р Милан Адамович работает в настоящее время над монографиями «Морфология османского языка», «Древнеитальянские источники об османском языке», а также готовит переводы своих трудов на немецкий язык (см. ниже библиографию).

Автор этих строк вместе с д-ром С. Тезджаном готовит пятитомное издание, посвященное халаджскому языку (словарь, тексты, фонетика, морфология, синтаксис, лингвистический атлас). Планируется также создание аналогичной работы по тюркскому языку в Хорасане. Докторанты Вольфрам Геше и Гартвиг Шейнгардт работают в настоящее время над подготовкой монографий «Крымско-татарский словарь Никола Витсена» и «Типы тюркских топонимов».

В Гиссене необходимо отметить деятельность доцента Клауса Рерборна. Его научные исследования охватывают в равной степени иранистику и тюркологию. Он преподает языки — турецкий, османский, древнетюркский, а также джагатайский. Его наиболее значительной работой является подготавливаемый им «Словарь тюркских турфанских текстов». По замыслу автора, этот словарь (Kopkordanz) должен охватить древнетюркские источники уйгурского письма. Объем словаря, по замыслу автора, значительно превзойдет объемы аналогичных работ, например, «Древнетюркского словаря» (Ленинград, 1969) и словаря Дж. Клосона (Sir Gerard Clauson. An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1971).

В Кёльне профессор Манфред Гётц ведет спецкурсы по арабистике, исламоведению и тюркологии (тюркская прозаическая литература, османская поэзия, введение в джагатайский язык). М. Гётц работает в настоящее время над двумя следующими исследованиями в области тюркологии: «Тюркские рукописи. Указатель восточных рукописей в Германии», т. XIII, 4 и «Грамматика турецкого языка».

Профессор Улла Иогансен руководит в Кёльне кафедрой этнологии. Ею проводятся весьма интересные исследования с привлечением материалов полевых экспедиций по таким темам, как древние религии тюркских народов, история Анатолии, Средней Азии, турецкие народные обычаи. Можно назвать также два исследования, над которыми работает У. Иогансен: «Обработка данных экспедиций к тюркским кочевникам в Тауресе (1956, 1957, 1964 и 1970 гг.)», «Проблема рабочих турок, выезжающих за пределы родины на заработки» [в соавторстве с профессором Ибрагимом Яса (Анкара) и профессором Рене Кениг (Кёльн)].

Профессор Иоганнес Бенцинг, в прошлом известный тюрколог, в связи с назначением его руководителем семинара по востоковедению в Майнце (здесь он читает лекции преимущественно по иранистике, исламскому праву и т. п.) ныне почти отошел от тюркологии. Однако он принимал участие в подготовке *Philologiae Turcicae Fundamenta*, том III (посвящен истории тюркских народов).

В 1972—1973 гг. в Майнце работал доцент Ларс Иогансон, читавший лекции главным образом по проблемам структурной грамматики турецкого языка. Им в настоящее время готовится серия публикаций по синтаксису (залог, связи между предложениями и т. д.).

Приходится, к сожалению, констатировать, что почти не ведутся тюркологические исследования в Мюнстере. Ранее здесь имелась кафедра тюркологии, возглавляемая профессором Готтхардом Ешке, под руководством которого велась интенсивная научная работа. Труды Г. Ешке, хотя и были посвящены в основном османским и турецким историче-

ским источникам, но тем не менее в них затрагивались и общетюркологические проблемы; назовем хотя бы работы «Азербайджанцы и татары», «К истории названия „татары“» и др.

В Мюнхене, в Институте истории и культуры Ближнего Востока, следует отметить работы профессора Г. И. Кисслинга в области тюркологии и прежде всего — османистики.

Г. И. Кисслинг преподает также индонезийский язык, суахили и др. Несомненный интерес представляют его лекции по истории Османской империи, истории ислама в Турции, о дервишестве, в которых ученый касается также вопросов османского языка и литературы. К числу важнейших проводимых им исследований следует отнести «Топонимические соответствия в юго-восточной Европе».

Во Фрайбурге доцент Йозеф Матуз (венгр по рождению) ведет занятия по венгерскому языку и османистике (упражнения по османским источникам, чтение древнеосманских хроник и различных османских текстов). В течение зимнего семестра 1970/71 г. им был прочитан курс «Введение в восточно-тюркские языки». Труды Й. Матуза связаны в основном с османскими и прежде всего с древнеосманскими историческими текстами. В перспективе ученый намечает завершить такие работы, как: «Крымско-татарские источники в государственном архиве Копенгагена» (издание Societa Uralo-altaica), «Основные особенности истории Турции» (издательство научной литературы — Wissenschaftliche Buchgesellschaft), «Хроника Нешри» (немецкий перевод).

Тюркологию в широком аспекте представляет во Франкфурте-на-Майне профессор Хорст В. Брандс, занимающийся, как известно, преимущественно тюркским литературоведением. Он интересуется главным образом современными, к сожалению, пока еще мало известными в ФРГ, литературами тюркоязычных народов Советского Союза. Лекции Х. Брандса посвящены таким темам, как библиография тюркоязычной литературы, лексикография, фольклор, современная советская тюркоязычная литература, древнеосманские и современные турецкие тексты. Университет во Франкфурте-на-Майне и Геттингенский университет — это единственные учебные центры в ФРГ, где курс тюркологии ведется как самостоятельная дисциплина. К сожалению, здесь все еще нет отдельной кафедры тюркологии.

Х. Брандс в настоящее время ведет большую работу по сбору и анализу тюркоязычного фольклора малых форм (поговорки, загадки, шуточные песни). Кроме того, он готовит хрестоматию по азербайджанской литературе со словарем (1974), работы «Нариман Нариманов как личность в духовной и политической истории Азербайджана» [Die Welt des Islams, 1975 (?)], «Метафорическое употребление названий животных в тюркских языках», «Исследование о лексическом составе киргизского и южносибирского языков».

Таково, в общих чертах, положение тюркологии в Федеративной Республике Германии в настоящее время.

Вышесказанное позволяет заключить, что тюркология в ФРГ достигла определенных успехов. Это подтверждается изданием фундаментальных «Тюркских рукописей» и «Турфанских текстов».

Вместе с тем нельзя не отметить, что в развитии тюркологии в ФРГ имеются и значительные недостатки, правда, обусловленные скорее организационными причинами. Основные из этих недостатков следующие:

1. Не всеми научными кругами тюркология признается самостоятельной научной дисциплиной, тогда как совершенно очевидно, что науку, охватывающую язык и культуру древних тюрков VIII века и якутов

Восточной Сибири, никак нельзя механически включать в «исламоведение» (так же, как было бы неверным включать монголистику в тунгусологию, в синологию или в науку, изучающую сугубо Восточную Азию). Здесь, безусловно, необходима строгая специализация. Это, конечно, не следует расценивать как отрицание того, что тюркские народности в своей дальнейшей истории имели многообразные и порой чрезвычайно тесные связи с другими народами (и прежде всего с иранцами), исповедующими исламскую религию. Эти связи также должны изучаться. Однако, с другой стороны, следует помнить, что существуют такие самостоятельные дисциплины, как славистика, германистика, романистика и т. д., которые могут быть при желании объединены под общим названием «христиановедение»!

2. Нам кажется, что было бы целесообразным и оправданным строго различать «тюркологию» как таковую, с одной стороны (имея в виду науку о тюркских народах, их языковой и культурной общности), и «османистику» — с другой. В соответствии с этим каждая из двух названных дисциплин должна иметь свою собственную кафедру.

3. Желательно было бы, вопреки существующей практике, значительно расширить фронт проводимых тюркологических исследований. Наряду со специальными узкими темами необходимо ставить также проблемы, выполняемые совместно многими учеными и эффективно координируемые.

4. Мало внимания уделяется полевым экспедиционным исследованиям. За исключением М. Адамовича (Босния), Г. Дёрфера (Иран) и Л. Иогансона (Анатолия), до сих пор не практиковалось проведение подобных научных исследований на живых языках. Работа над памятниками и другими текстами, разумеется, необходима, однако ограничиваться только этим нельзя.

5. До настоящего времени тюркологические исследования у нас велись односторонне — в чисто лингвистическом, филологическом плане. Необходимо обратить особое внимание на литературоведение (в настоящее время в этой области работает лишь В. Брандс). Главным образом это касается советской тюркоязычной литературы, до сих пор, к сожалению, не привлекавшей соответствующего внимания тюркологов ФРГ.

6. Значение русского языка как чрезвычайно важного вспомогательного средства для успешного проведения тюркологических исследований, а также большая роль советской тюркологии недооцениваются до настоящего времени. Такие ученые, как Брандс, Шпулер и автор этих строк, являются исключением в этом вопросе (наша статья «О трудах татарского ученого Узбека Байчуры» представляет собой скромную попытку показать роль и значение советской тюркологии). Очень важно было бы публиковать ежегодные обзоры наиболее важных советских изданий, как это ранее практиковал В. В. Бартольд в «Сообщениях Семинара по восточным языкам» («Западноазиатские штудии»).

Ниже приводится библиография работ, изданных в ФРГ с 1968 по 1973 гг. и находящихся в печати. Сюда включены лишь те работы, о которых автору удалось собрать соответствующую информацию.

Перевод с немецкого Н. АГАЗАДЕ

БИБЛИОГРАФИЯ

Adamović, M.:

Pridevi u dvosufiksniom statusu constructusu turskog jezika. — «Filološki Pregled», 1968, 1—2, 111—126;

Turske pozajmice neosmanskog porekla. — «Naš Jezik», nova serija, 17:5. Belgrad, 1969, 284—298;

Neke osmanske etimologije. — «Beogradski Universitet, Anali Filološkog Fakulteta», 10. Belgrad, 1970, 61—79.

Benzing, J.:

Ein islamischer Rechtsfall in einem usbekischen historischen Roman. — «Die Welt des Islams», XV (Jäschke-Festschrift), 1974, 39—44.

Brands, H. W.:

Literarische Tätigkeit bei den Türken Nordkasiens. — ZDMG, Suppl. I (XVII. Deutscher Orientalistentag, Vorträge), Teil 2 (1969), 742—753;

(в соавторстве, перевод с турецкого) Sechs Nachtwächter auf einem Karussell. Erzählungen aus der Türkei. Berlin und Weimar, 1969;

(редактор) Die Pforte des Glücks und andere türkische Erzählungen. 2. Auflage. Tübingen und Basel, 1969;

Zur Rolle der religiös-didaktischen Dichtung in der frühen kasantatarischen Literatur. — ZDMG, 119 (1970), 251—260;

Türkische Übersetzungen aus der deutschen Literatur. — «Mitteilungen, Deutsch-türkische Gesellschaft». Bonn, Heft 83 (1970), 1—4;

Neuere krimtatarische Sprach- und Literaturzeugnisse aus Mittelasien. — CAJ, 14 (1970), 289—307;

Die türkischen Schriftsprachen der Sowjetunion. Textproben in Originalschreibung. Frankfurt am Main, 1971;

Zum Stand der Theaterdichtung in der Türkei. Anmerkungen zu einer Monographie. — WI, Neue Serie, 13 (1971), 79—98;

Eine kaukasustürkische Novelle als Zeitdokument. — WI, Neue Serie, 13 (1971), 99—102;

«Askiya», ein wenig bekanntes Genre der usbekischen Volksdichtung — UAJb, 43 (1971), 100—106;

Aserbaischanische satirische Dichtung im 19. Jahrhundert. — «Der Islam», 48 (1972), 280—297;

Studien zum Wortbestand der Türk Sprachen. Leiden, 1973.

Doerfer, G.:

(Deutsche Bearbeitung von) Aleksandr Belenickij: Zentralasien. München, Genf, Paris, 1968;

Das Chaladsch — eine archaische Türk Sprache in Zentralpersien. — ZDMG, 118 (1968), 79—112. (Несколько расширенный турецкий перевод см.: ТТКВ, 34:2 (1970), 17—58);

Die Entsprechung der türkischen Langvokale im Tungusischen. — UAJb, 40 (1968), 39—49;

Zwei wichtige Probleme der Altaistik. — JSFOu, 69:4 (1968), 3—21;

(Предисловие к переизданию) Nikolaj Ivanovich Ashmarin: Thesaurus linguae Tschuvaschorum, 1—17. Kazan, 1928—1950. UAS, 70. Bloomington, 1968, V—VIII;

Die ösbekischen Lehnwörter in der Sprache der Araber von Buchara. — CAJ, 12 (1969), 296—308;

- Iran'daki Türk dilleri. Die Turksprachen Irans. — TDAYB, 302 (1969), 1—23;
- Das Chaladsch, eine neuentdeckte archaische Türkische Sprache. — ZDMG, Suppl. 1, XVII. Deutscher Orientalistentag, Teil 2 (1969), 719—725;
- Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen. — WZKM, 62 (1969), 250—263;
- Khalaj Materials. UAS, 115. Bloomington, 1971;
- Irano-Altistica. Turkish and Mongolian languages of Persia and Afghanistan. — «Current Trends in Linguistics», 6. The Hague, 1971, 217—234;
- Zum Vokabular eines aserbeidshanischen Dialektes in Zentralpersien. — «Вопросы тюркологии, к шестидесятилетию академика АН Азерб. ССР М. Ш. Ширалиева». Баку, 1971, 33—62;
- Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre. — OLZ, 66 (1971), 325—344;
- Gedanken zur Gestaltung eines idealen türkischen etymologischen Wörterbuchs. — OLZ, 66 (1971), 437—454;
- Bemerkungen zur linguistischen Klassifikation. — «Indogermanische Forschungen», 76 (1971), 1—17;
- О состоянии исследования халаджской группы языков. — «Вопросы языкознания», 1972, 1, 89—96;
- Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики? — «Вопросы языкознания», 1972, 3, 50;
- Der Imperativ im Chaladsch. — «Finnisch-ugrische Forschungen», 39 (1972), 295—340;
- (в соавторстве с Saadet Çağatya: Türk lehçeleri örnekleri II, yaşayan Türk lehçe ve ağızları. Ankara, 1972) Çuvaşça (стр. 233—239), Yakutça (стр. 240—252), Halaçça (стр. 255—260), Horasan Türkçesi (стр. 261—264);
- Является ли халаджский язык диалектом азербайджанского языка? — «Советская тюркология», 1974, 1, 45—51.

В п е ч а т и:

- Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, IV;
Tschuwaschisch -m < urtürkisch *-m (> gemeintürkisch -n). — UAJb;
- Altertümliche türkische Wörter im Chaladsch. Birinci Türk Dili Bilimsel Kurultayı;
- Bemerkungen zu den sojonischen Anlautklusilen. — UAJb;
- Zur Sprache der Hunnen. — CAJ;
- Ist das Japanische mit den altaischen Sprachen verwandt? — ZDMG;
- Eine seltsame alttürkisch-chaladsch Parallele. — TDAYB;
- (Предисловие к переизданию) Nicolaes Witsen: Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1692, 1705. UAS;
- Zum Schrifttum des kasantatarischen Gelehrten Üzbäk Bajçura. — UAJb.
- Eilers, W.:*
Toponymische Satznamen der Türken. — «Die Welt des Islams», XV (Jäschke-Festschrift), 1974, 45—68.
- Flemming, B.:*
Türkische Handschriften. Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland, XIII, 1. Wiesbaden, 1968;
- Ein alter Irrtum bei der chronologischen Einordnung des Tarğumān turkī wa 'ağamī wa muğalī. — «Der Islam», 44 (1968), 226—229;

В печати:

Hasan oğlunun bir gazeli (Sultan Ğavrî Divanında bilinmiyen şiirler). TDK;
Fahrîs Husrev u Şîrîn — eine altanatolisch-türkische Dichtung von 1367.

Gabain, A. v.:

Renklerin sembolik anlamları. — «Türkoloji Dergisi», III, 1. Ankara, 1968, 107—113;

Die Turkologie in der Sowjetunion. — «Mitteilungen der Societas Uralo-altaica», Heft 1. Hamburg, 1968, 196—206;

(совместно с W. Veenker) «Radloff», Index der deutschen Bedeutungen, I—IV. Wiesbaden, 1969—1972;

Historisches aus den Turfan-Handschriften. — «Acta Orientalia» (Dänemark), 1970, 115—124;

Primäre und sekundäre Kasus im Alttürkischen. — «Studies in General and Oriental Linguistics. Festschrift Hattori». Tokyo, 1970, 131—137;

Frühe Zeugen der Scherengitter-Jurte. — «Studia Turcica». Budapest, 1971, 169—173;

The purgatory of the Buddhist Uighurs. Book illustrations from Turfan. — «Mahayanist art after A. D. 900». Percival David Foundation of Chinese Art. London, 1971, 25—35.

Götz, M.:

Türkische Handschriften. Verzeichnis der orientalischen Handschriften, XIII, 2. Wiesbaden, 1968;

Die Funktionen der Tempora im Türkeitürkischen (в печати).

Jäschke, G.:

Der türkische Unabhängigkeitskrieg in neuer Sicht. — «Mitteilungen der Deutsch-Türk. Gesellschaft», Heft 78, Mai 1969, 11—17;

Türk. Übers. davon in ULUS v. 19.5.1969 (Yeni Görüşle Millî Mücadele) von Mihin Eren;

Azerbaycan ile ilgili Almanca eserler üzerine. — «Türk Kültürü», VII, 568—571 (Nr. 80 v. Juni 1969);

Die Türkisch-Orthodoxe Kirche (Nachträge). — «Islam», 45, 1969, 317—323. «Nachschrift» dazu in «Islam», 46, 1970, 225 f.;

I. Die Deutsch-Türk. Verträge vom 27.11.1917. — II. Die Deutsch-Georgischen Abkommen vom 28.5.1918. — WI, XII, 90—96;

Die Imam-Hatib-Schulen in der Türkei. — Там же, 125;

Auftrag und Vollmacht Mustafa Kemals vom 6.5.1919. — WZKM, 62, 1969, 264—279;

Misakı Millî ve Mustafa Kemal. Übers. v. Mihin Eren. — «Cumhuriyet», 2.2.1970;

Büyük Millet Meclisinin 50. Yıldönümü Münasebetiyle. — «Belleten», XXXIV, 1970, 185—188. (Nr. 134);

Atatürk bir Diktatör mü idi? — «Türk Kültürü», IX, 1970, 43 f. (Nr. 97);

Türk Kurtuluş Savaşı Kronolojisi. Mondros'tan Mudanya'ya kadar (30.10.1918—11.10.1922). Übers. v. Nimet Arsan u. Sami N. Özerdim. Ankara, 1970. Türk Tarih Kurumu, 16. Reihe, Nr. 12, XIX, 239 стр.;

Kurtuluş Savaşı ile ilgili İngiliz Belgeleri. Übers. v. Cemal Köprülü. Ankara, 1971. Türk Tarih Kurumu, 16. Reihe, Nr. 11. XIV, 316 стр.;

Mustafa Kemal General Harington ile görüşmek istemiş midir? Übers. v. Mihin Eren. — «Belleten», XXXVI, 1972, 169 ff. (Nr. 142);

Zwei Streitfragen aus der Frühgeschichte der Türkischen Revolution. — WI, XIII, Heft 3—4, 1971, 162—167;

Vom Islam in der heutigen Türkei. Там же, 145—161;

Yeni Türkiye'de İslâmlık. Übers. v. Hayrullah Örs. Ankara, 1972. 168 сrp. (=Bilgi Yayınları, Özel Dizi, No. 10);

Yeni Türkiye'de Kur'ân-ı Kerîm Kursbarı. — «Zeki Velidi Togan Armağanı». İstanbul, 1973, 47—63. Übers. v. Nimet Arsan;

Brief Mustafa Kemals an Admiral Brock (mit türk. Übersetzung von Nimet Arsan). — «Belleten», XXXVI, 1972, 535—543. (No. 144);

В печати:

Atatürk ve Trakya' da Türk Sınırı. Übers. v. Mihin Eren. — «VII. Türk Tarih Kongresi. Ankara, 25.—29.9.1970. Kongreye sunulan Bildiriler», Bd II. Ankara, 1973;

Atatürk Devrimlerinin Başlangıcı. Mudanya Mütarekesinden Türkiye Cumhuriyetinin İlanına kadar. 11.10.1922—31.12.1923 Kronolojisi. Atatürk ve Yeni Türkiye Araştırma Merkezi'nin yayınlarından;

Türkiye Cumhuriyetinin İlanı — Atatürk Devriminin Başlangıcı. Übers. v. Nimet Arsan. — «Belleten», Oktober 1973 (?). Cumhuriyetin 50. Yıldönümü münasebetiyle;

Zum 50. Jahrestag der Türkischen Republik, dem Beginn der Revolution Atatürks. — «Mitteilungen der Deutsch-Türk. Gesellschaft»;

Готовятся к печати и намечаются к исследованию:

Geschichte der britisch-türkischen Beziehungen von 1918—1922 im Lichte der Dokumente des Foreign Office und der türkischen und englischen Presse;

Schriftenverzeichnis Gotthard Jäschke. — WI Bd XV, gewidmet zum 80. Geburtstag am 8.4.1974 von B. Spuler und O. Spies.

Johansen, U.:

Die guten Sitten beim Essen und Trinken. Bericht von einem Feldforschungspraktikum über Gastfreundschaft, Konsumtionsnormen und Wirtschaftsdenken im Wandel bei türkischen Gastarbeitern. — «Sociologus», 1, 1973;

Die Schamanentracht bei den Tuvanern (в печати).

Johanson, L.:

Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkisch-türkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971;

Zur Syntax der alttürkischen Kausativa. — ZDMG (в печати).

Kissling, H.-J.:

Islam und Kreuzfahrer. Probleme des 12. Jahrhunderts. Konstanz—Stuttgart, 1968, 243—253;

İkinci Sultan Bayezid' in deniz politikası üzerine düşünceler. — «Türk Kültürü», VII:84 (1968), 894—906;

Bemerkungen zu einigen türkischen Transkriptionstexten. — «Zeitschrift für Balkanologie», VI/2 (1968), 119—127;

Einiges über den türkischen Hintergrund zur Zeit der slowenischen Reformation. — «Abhandlungen über die slowenische Reformation». München, 1968, 50—64;

II. Francesco Gonzaga ve Sultan II. Bâyezîd. — «Türkiyat Mecmuası», XV, 1968, 47—73;

Einiges zu dem Lied wider die Türken des slowenischen Reformators P. Truber. — «Slavistische Studien zum VI. Internationalen Slavistenkongreß in Prag 1968». München, 1968, 411—417;

Die türkische Stadt auf dem Balkan. — «Die Stadt in Südosteuropa, Struktur und Geschichte», München, 1968, 72—83;

Versuch eines Beitrages zum Verständnis der türkischen Sprachreform. — «Mitteilungen der Südosteuropa-Gesellschaft», 8:3/4 (1968), 80—84;

Kemâl-Re'îs und der «Herzog von Catanzaro». — «Festschrift Werner Caskel». Leiden, 1968, 202—211;

Zur Eroberung von Durazzo durch die Türken (1501). — «Studia Albanica Monacensia in memoriam Georgii Scanderbegi 1468—1968». München, 1969, 23—31;

Die wirtschaftliche und soziale Entwicklung im Osmanischen Reich. — «Die wirtschaftliche und soziale Entwicklung Südosteuropas im 19. und 20. Jahrhundert». München, 1969, 1—14;

Die istrische Küste im See-Atlas des Pîrî-Re'îs. — «Studia Slovanica Monacensia in honorem Antonii Slodnjak septuagenarii». München, 1969, 43—52;

Osmanistik und Südosteuropa-Forschung. — «Mitteilungen der Südosteuropa-Gesellschaft», IX:1/2, 1969, 23—26;

Ein schwedisches Skanderbeg—Schauspiel. — «Studia Albanica Monacensia in memoriam Georgii Scanderbegi 1468—1968». München, 1969, 122—128;

Aqsu und Dolina. — «Der Islam», 45 (1969), 308—309;

Der «Große Hund». — «Der Islam», 45 (1969), 306—307;

The Ottoman Empire to 1774. — «The Muslim World, A Historical Survey 3». Leiden, 1969, 1—49;

Betrachtungen zur Flottenpolitik Sultan Bâyezîd's II. — «Saeculum», 20:1, Freiburg—München, 1969, 35—43;

Zur Tätigkeit des Kemâl-Re'îs im Westmittelmeer. — WZKM, 52 (1969), 153—171;

Betrachtungen über Grenztradition und Grenzorganisation der Osmanen. — «Scientia», 63, Serie 7, Band 104 (1969), 647—656;

Die ersten Derwischniederlassungen auf der Insel Kreta. — Φιλολογικὸς Σὺλλογος 'ὁ Χρυσόστομος' ἐν Χαρίας. Β. Δ'εθρῖς Κρητολογικὸν Συνεδρίου Δ, Ἀθῆναι, 1969, 206—211;

Zur Personalpolitik Sultan Bâyezîd's II. in den westlichen Grenzgebieten des Osmanischen Reiches. — «Beiträge zur Südosteuropa-Forschung». München, 1970, 107—116;

Istarska obala u pomorskom atlasu Pîrî-Re'îsa. — «Istarski Mozaik, časopis za kulturu, književnost i društvena pitanja Istre», VII:3—4. Pula, 1970, 60—68;

Quelques problèmes concernant Iskender-Paşa, vizir de Bâyezîd II. — «Turcica», 2. Paris, 1970, 130—137;

Scanderbeg, stratega e politico. — «Shêjzat», 15 (1971), Heft 1—3, 31—39;

Zur Frage der Geschichte und der Terminologie des Tabaks auf der Balkanhalbinsel. — «Serta Slavica in memoriam Aloisii Schmaus». München, 1971, 338—341;

Zur historischen Topographie der albanischen Küste. — «Dissertationes Albanicae in honorem Josephi Valentini et Ernesti Koliqi septuagenariorum». München, 1971, 107—114;

Der Wettstreit der Genußgifte. Bemerkungen zu einem türkischen Kunstmärchen. — «Asien — Tradition und Fortschritt. Festschrift Hammitzsch». Wiesbaden, 1971, 285—303;

Yunus Emre Dîvân'ın mukaddime beyitler üzerinde düşünceler. — «Bildiriler, Uluslararası Yunus Emre Semineri». Istanbul, 1971, 160—164;

Die Köprülü-Restauration. — «Internationales Kulturhistorisches Symposium Mogersdorf I: Österreich und die Türken». Eisenstadt, 1972, 75—83;

Türkisches-slavisches Sprachproblem. — «Anzeiger für Slavische Philologie», 6 (1972), 49—59;

Bua Mercurio. Dizionario Biografico degli Italiani, 14 (Roma 1972), 747—748;

Über eine Goldmünze Sultan Mustafâ's I. — WI, 14:1—2 (1973), 1—8;

Biographisches Lexikon zur Geschichte Südosteuropas. München, 1972 ff. (Verschiedene Artikel);

Türkische Redensarten. Wiesbaden, 1973. (Gemeinsam mit Bedriye Atsız);

«Logistisches» zur frühosmanischen Heeresgeschichte — «Die Welt des Islams», XV (Jäschke-Festschrift), 1974, 85—95.

В п е ч а т и:

Eine Mevlevî-Version der Legende vom verlängerten Holz. — «Festschrift L. Kretzenbacher»;

Zur Beschreibung des Rhône-Deltas in der Bahriye des Pîrî Re'îs. — «Gedenkschrift für A. Z. V. Togan»;

Das Motiv vom Greis von Kreta im Schrifttum der Mevlevîs;

Venedig und der islamische Orient bis 1500. — «Atti del I. Convegno Internazionale di Storia della Civiltà Veneziana»;

Fîrûz-Beg und der Slinenkrieg von Cattaro. — «Festschrift für K. Bosl»;

Kemâl-Re'îs e il «Duca di Catanzaro». — «Almanacco Calabrese»;

Begleittexte zu Derwischfilmen über den Chelvetî-Orden und die Melâmî-Derwische. (Institut für den Wissenschaftlichen Film, Göttingen).

Matuz, J.:

L'ouvrage de Seyfî Çelebî, historien ottoman du XIVe siècle. Paris, 1968;

Über die Epistolographie und İnşâ'-Literatur der Osmanen. — ZDMG, Supplementa I (1969), 574—594;

Altan Chan und die Qalmaq in der Chronik des Seyfî Çelebî. — «Acta Orientalia» (Dänemark), 32 (1970), 147—154;

A defter from Southern Hungary belonging to the Royal Library of Copenhagen. — «Acta Orientalia» (Dänemark), 32 (1970), 155—158;

Qalğa. — «Turcica», 2 (1970), 101—129;

Herrscherurkunden Sultan Süleymâns des Prächtigen (1520—1566). Freiburg, 1971;

Zur Sprache der Urkunden Süleymâns des Prächtigen. — «Acta Orientalia» (Ungarn), 26 (1972), 285—297;

Biographisches Lexikon zur Geschichte Südosteuropas. München, 1972 ff. (Verschiedene Artikel);

Süleyman (Soliman) der Prächtige. — «Enzyklopädie „Die Großen in der Weltgeschichte“» (ca. 20 Seiten).

В п е ч а т и:

Das Kanzleiwesen Sultan Süleymāns des Prächtigen. Habilitationsschrift Freiburg 1972. (Soll in der Reihe Freiburger Islamstudien in gedruckter Form erscheinen);

Trois fragments inconnus de l'Orkhon. — «Turcica»;

Der Niedergang der anatolischen Seldschuken: Die Entscheidungsschlacht am Kösedag. — CAJ;

Pluralis majestatis und Pluralis reverentiae in der osmanisch-türkischen offiziellen Sprache. — «Birinci Türk Dili Bilimsel Kurultayı»;

Die Emanzipation der türkischen Sprache in der osmanischen Staatsverwaltung. — «Ethnogenese und Staatsbildung in Südosteuropa (Beiträge des Südosteuropa-Arbeitskreises der Deutschen Forschungsgemeinschaft zum 3. Internationalen Südosteuropa-Kongreß der Association Internationale d'Études du Sud-Est Européen, Bukarest, September 1974)».

Röhrborn, K.:

Eine uigurische Totenmesse. Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients 4, Berliner Turfantexte II. Berlin 1971;

(подготовка к изданию совместно с P. Schulz) Şinasi Tekin: Die Kapitel über die Bewußtseinslehre im uigurischen Goldglanzsūtra (IX. und X.). Wiesbaden, 1971;

Kausativ und Passiv im Uigurischen. — CAJ, 16 (1972), 70—77;

Die Emanzipation der Finanzbürokratie im Osmanischen Reich (Ende 16. Jahrhundert). — ZDMG, 122 (1972), 118—139;

Untersuchungen zur osmanischen Verwaltungsgeschichte. Berlin, New York, 1973.

Spies, O.:

Beiträge zur türkischen Literaturgeschichte. — «Die Welt des Islams», XV (Jäschke-Festschrift), 1974, 183—232.

Spuler, B.:

Die Mongolen in Iran. 3. Auflage, 1968;

The age of the Mongols. 2. Auflage, 1968;

Les Mongols et l'Europe. Engl. ed., 1971;

Geschichte der Mongolen nach Zeugnissen des 13. und 14. Jahrhunderts. Engl. ed., 1971;

Kulturgeschichte des Islams (östlicher Teil), 1971.

РЕЦЕНЗИИ

С. А. КАСКАБАСОВ. КАЗАХСКАЯ ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА

ИЗД-ВО «НАУКА», АЛМА-АТА, 1972, 260 стр.

Одним из древнейших видов устного поэтического творчества казахского народа является сказка, сохранившая отголоски событий ранних стадий общественного развития и отразившая мир чувств и представлений казахов в минувшие исторические эпохи.

Созданные творческими усилиями многих поколений, сказки донесли до нашего времени в соответствующем преломлении сведения об особенностях материального и духовного бытия, жизненных идеалах далеких предков казахов. Характеризуя вековые мечты и чаяния, нравственные, эстетические, религиозные, жизненные представления казахского народа, сказка вместе с тем обнаруживает и историческую ограниченность, противоречивость его миропонимания, обусловленную условиями общественной жизни в многовековом прошлом.

В казахском литературоведении жанр сказки исследуется давно и изучен достаточно подробно. Сказкам посвящены научные труды известных ученых-фольклористов. Тем не менее рецензируемая работа молодого казахского ученого С. А. Каскабасова представляет несомненный интерес, отличаясь всесторонним изучением материала и глубиной анализа. Это серьезная попытка создания монографического исследования о казахских сказках.

Из многочисленных видов казахских сказок автор избрал в качестве объекта исследования наиболее древний — волшебные сказки. Среди десятков тысяч казахских сказок волшебные сказки составляют несколько тысяч и содержат множество фактов, весьма ценных в этнографическом и историческом отношении.

По занимательности сюжета, увлекательности фабулы, остроте ситуаций, цельности характеров персонажей, красочности повествования волшебные сказки превосходят другие сказочные жанры. Благодаря своим эстетическим и воспитательным достоинствам они занимают важное место в детской литературе. Все это указывает на

значительность темы рецензируемой работы и актуальность исследования, раскрывающего жанровые, идейные, художественные особенности сказок.

Во вводной части С. А. Каскабасов определяет цели и задачи своей монографии, которые заключаются в уточнении сюжетов, в выявлении основных фабульных линий сказок, их соотношения с действительностью, в установлении особенностей поэтики. Рассмотрению каждого из перечисленных вопросов посвящается отдельная глава.

Автор подробно останавливается на существующих исследованиях, посвященных сказке, дает оценку трудам М. О. Ауэзова, С. Сейфуллина, М. Габдуллина, Н. С. Смирновой, Е. С. Исмаилова и других. Он особо подчеркивает заслугу М. О. Ауэзова в изучении казахских сказок и в классификации их по жанрам. Этой классификации наши фольклористы придерживаются и поныне. Прослеживая историю изучения сказок в хронологической последовательности, С. А. Каскабасов дает верную поэтапную характеристику особенностей и характера проводившихся исследований.

Многочисленные фольклорные, этнографические, исторические источники, публикации и издания волшебных сказок, труды русских и зарубежных фольклористов, использованные автором, а также материалы, обнаруженные им самим в архивах и рукописных фондах, говорят о богатстве и разнообразии привлеченного материала.

В главе «Многообразие состава сюжетов казахской волшебной сказки», сопоставляя казахские сказки со сказками других народов, С. А. Каскабасов выявляет сюжеты, характерные именно для казахов. Следует отметить широту охвата в работе сказочного материала, а также удачную методику анализа и оценки сюжетов. Впервые в казахской фольклористике при классификации сказок автор работы использует международные указатели И. Больте и Г. Поливки, Аарне и Н. П. Андреева, В. Эберхарда и

Р. Боратава. Рассмотрение сюжетов казахских сказок в столь широком аспекте помогло ученому полнее раскрыть своеобразие казахской национальной сказочной традиции. Вполне обоснованно и убедительно сгруппированы сюжеты волшебных сказок. С. А. Каскабасов выделяет три группы сказок: 1) сказки с международными сюжетами, 2) заимствованные и 3) исконно казахские (указано число последних).

Наличие сказок с общими для многих народов сюжетами исследователь объясняет факторами общественного и культурного развития, аналогичными бытовыми и психологическими моментами на определенных этапах пройденного ими исторического пути. Убедительна характеристика способов заимствования сюжетов. Указывая два основных пути заимствования, автор сосредоточивает свое внимание на процессе переосмысления заимствованного сюжета в соответствии с запросами, понятиями и сказочной традицией новой среды. В этой главе довольно подробно рассмотрены вопросы переработки заимствованных сюжетов в казахской волшебной сказке, трактовка образов сказочных героев, трансформация одного вида сказки в другой. Сопоставление основных сюжетных линий, мотивов позволило выявить специфику казахской волшебной сказки, которая проявляется в ее жанровом синкретизме, в расширении сюжетов путем введения прологов и эпилогов, в разнообразии содержания, в эпическом характере повествования. Все эти вопросы обстоятельно рассматриваются во второй главе книги.

Большой научный интерес представляют главы, посвященные проблеме соотношения волшебной сказки и действительности. Основываясь на фактах и анализе сказочного материала, автор стремится установить истоки возникновения тотемических, демонологических, мифологических представлений, отразившихся в фантастических сюжетах волшебных сказок, и обращается к анализу фактов исторического прошлого. Эти главы свидетельствуют о хорошем знании автором исторического и этнографического материала, что позволяет ему дать объяснение происхождению сказочных образов. В связи с раскрытием истоков возникновения сюжетов волшебных сказок исследователь приводит научно обоснованное толкование древних обычаев и обрядов, упоминающихся в сказках. Знание истории и привлечение обширного фактического материала позволили С. Каскабасову придержи-

ваться в своем исследовании исторического принципа. Интересны рассуждения об образе *Жалмауыз кемпір*, которая в наиболее древних сказках олицетворяет положительное начало, поддерживает и помогает герою своими мудрыми советами. В более поздних сказках этот образ трансформируется в отрицательный, олицетворяющий уже силы зла. Проследившая процесс отражения в сказках действительности, автор показывает эволюцию, претерпеваемую сюжетом сказок, обусловленную историческим развитием общества и возникновением новых понятий и представлений.

В последующих главах работы автором разрабатываются вопросы образной системы, отражающей народные представления о прекрасном, этические и эстетические идеалы народа. Рассматривая главных героев сказок как олицетворение народных представлений об идеале человека, С. Каскабасов пытается разобраться в исторических истоках этого, показать эволюцию художественных образов, связанную с формированием эстетических идеалов, характерных для каждой исторической эпохи.

Оригинальностью отличаются характеристика и толкование образов сказочных героев — положительных: *Қыдыр (Қызыр)*, *Аруақ*, *Ташиа* и отрицательных: *Албасты*, *Айдаһар*, *Одноглазый дәу* и пр.

Характеризуя сказочные образы, С. А. Каскабасов использует этнографические и фольклорные источники, подробно анализируя множество сказок.

Новой в монографии является группировка героев по характеру их действий, поступков, отношений к главному герою. Автор выделяет три основных типа персонажей: главные герои, помогающие им и их противники.

Исследование эстетического отношения сказки к действительности не ограничивается лишь анализом образных систем. Идеал прекрасного находит воплощение и в поэтике сказки. Автор делает ряд интересных наблюдений относительно особенностей композиции и художественных приемов, используемых в сказках, рассматривая их как средство раскрытия характеров и выражения эстетических идеалов.

В заключение следует отметить, что рецензируемая работа С. А. Каскабасова, написанная на высоком научном уровне и отличающаяся новизной постановки ряда вопросов, является значительным вкладом в казахскую фольклористику.

И. Т. Дюсенбаев

ISTVAN KECSKEMETI. RÜCKLAUFIGES VERZEICHNIS
DER TATARISCHEN SUFFIXEN UND SUFFIXKOMBINATIONEN
«STUDIA ORIENTALIA». EDIDIT SOCIETAS ORIENTALIS FENNICA, XLIII:3
HELSINKI, 1972

В тюркологии уже имеются первые опыты составления обратных словарей¹. Однако до последнего времени, насколько нам известно, не было словарей суффиксов отдельных тюркских языков. Первые такие словари появились в финно-угроведении («Verzeichnis der ungarischen Suffixen und Suffixkombinationen». — MSUA. Heft 3, Hamburg, 1965; «Vogulsuffixes and Pronouns». Indiana University Publications. Ural-Altaic series, Vol. 110. Bloomington, 1969).

Рецензируемый «Обратный список татарских суффиксов и их комбинаций» Иштвана Кечкемети представляет собой оригинальную работу, состоящую из введения и двух частей: в первой части даются словоизменяемые, а во второй — словообразующие суффиксы. Автор рассматривает также порядок присоединения словоизменяемых суффиксов в татарском языке, особо останавливаясь на суффиксах притяжательности. Суффиксы взяты И. Кечкемети из основных исследований по татарскому языку, начиная с монографии Г. Балинта и кончая грамматиками, изданными в последние годы, учтен также материал, содержащийся в «Татарско-русском словаре», выпущенном в 1966 г.

В работе изложены принципы составления списка суффиксов. И. Кечкемети, на наш взгляд, совершенно справедливо не включает в свой список большую часть так называемых заимствованных словообразующих суффиксов. Как известно, последние заимствованы вместе со своими основами, поэтому процесс словообразования с данными суффиксами следует исследовать на материале языка-источника.

Автор приводит большое число словоизменяемых суффиксов, их комбинаций (850 единиц) и словообразующих суффиксов (1070 единиц). Каждый вариант суффикса (мягкий и твердый, глухой и звонкий) подается как отдельный суффикс. По

существующей в тюркологии традиции их, вероятно, следовало бы объединить.

Изредка среди словообразующих суффиксов встречаются словоизменяемые (грамматические) суффиксы: -тіџа, -тақсу, -тајаџак, -аџак и т. п. Первые два суффикса в татарском языке образуют деепричастные, а последние два — причастные формы.

В рецензируемом словаре наглядно отражены татарские словообразовательные модели, поскольку при каждом суффиксе указывается характер его производящей основы, то есть дается мотивация суффикса. Так, например, суффикс -ла в списке приводится пять раз — как образующий глагол от существительных, прилагательных, числительных, наречий и звукоподражательных слов. Эта весьма важная детализация в то же время затрудняет разграничение омонимии среди словообразующих суффиксов, довольно широко представленной в татарском языке. По нашему мнению, в списке вообще недостаточно внимания уделено вопросам омонимии суффиксов.

Следует отметить, что рецензируемый список суффиксов, особенно словообразующих, далеко не исчерпывающий. Правда, этот упрек скорее можно отнести к трудам, на базе которых он составлен. В грамматиках татарского языка, например, дается суффиксов в два-три раза меньше их фактически существующего количества.

Работа И. Кечкемети, являющаяся первым опытом составления словаря словоизменяемых и словообразующих суффиксов современного татарского языка, содержит ценный материал для сравнительных исследований с целью установления общих и частных суффиксов в тюркских языках, определения типов их фоно-морфологической и фонетической структур.

Ф. А. Ганиев

¹ Р. Қўнғиров, А. Тихонов. Ўзбек тилининг чаппа луғати. Самарканд, 1968; К. Б. Бектаев. Қазақ тилинің кері алфавитті сөздігі. Алматы, 1971.

В. Х. ХАКОВ. ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ТАТАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

КАЗАНЬ, ИЗД-ВО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 1973

В рецензируемой книге В. Х. Хакова исследуются основные закономерности формирования и исторического развития татарского национального литературного языка, выявляются качественно новые признаки литературного языка, возникающие в период образования наций, и освещаются процессы становления его единых норм и стилистической системы. Работа отличается широтой охвата вопросов исследуемой проблемы и глубоким анализом языковых фактов в историческом аспекте.

В первой главе книги В. Х. Хакова прослеживаются пути образования и развития татарского литературного языка, дается его определение, рассматривается соотношение его с народно-разговорной речью, с письменным языком.

Касаясь истории изучения татарского литературного языка, В. Хаков характеризует труды татарских филологов и тюркологов прошлого столетия — М. Иванова, С. Кукляшева, Н. Ф. Катанова, выдающегося татарского просветителя К. Насырова и других, внесших значительный вклад в разработку норм литературного языка. В начале XX века вопросы литературного языка частично рассматривались в работах Г. Тукая, Ф. Амирхана, Ш. Мухамедова, Г. Камала и др. Особое внимание этой проблеме стало уделяться после Великой Октябрьской социалистической революции (Г. Ибрагимов, Г. Сагди, Дж. Валиди, Х. Бадиги, Н. Хаким, Л. Заляй, Ш. Рамазанов и др.).

Отмечая сложные исторические условия развития литературного языка в период до образования нации, В. Хаков дает краткий обзор формирования литературного языка с XIII по XIX вв. Используя сравнительно-исторический метод, автор устанавливает генеалогическую связь татарского языка с языками древних тюркских племен Поволжья (булгар и кыпчаков). Значительное место в обзоре занимает анализ литературного языка эпохи Казанского ханства и последующего периода.

В монографии прослеживаются пути становления локальных норм, свойственных старотатарскому языку. В. Хаков сумел раскрыть и наглядно показать исторические предпосылки формирования татарского литературного языка.

Автор критически подходит к имеющимся в тюркологической литературе высказываниям о термине «тюркий». Рассматривая влияние «тюркий» на татарский литературный язык и их взаимоотношения, В. Хаков приходит к заключению, что татарский литературный язык в эпоху до формирования

нации был очень сложным по своей структуре и содержанию: в нем находили отражение многие слова и формы древнетюркского языка, восходящие к языку орхон-енисейских, уйгурских памятников, а также к лексике словаря Махмуда Қашгари, особенностям народной речи (в его основе лежал кыпчакско-булгарский язык), элементам огузского и чагатайского языков. Все это органически переплеталось, создавая общую ткань так называемого «поволжского тюркий». Вместе с тем в нем значителен и пласт арабских и персидских заимствований.

Вторая глава посвящена исследованию литературного языка периода формирования татарской нации. Начиная с середины XIX века в литературном языке наблюдается резкое сближение его с народной речью и расширение функций разговорного языка. В установлении единых норм во всех сферах языкового общения огромное значение приобретают и социальные факторы (формирование татарской нации, развитие просвещения, науки, культуры и искусства, подъем революционно-демократического движения). В. Хаков правильно оценивает разгоревшуюся в период формирования татарского национального литературного языка острую борьбу между писателями-демократами, стремившимися сблизить литературный язык с общенародным языком, и представителями буржуазных течений в литературе, защищавшими непонятный народу «литературный язык». В книге характеризуются также отдельные направления в литературном языке, ориентирующиеся на османско-турецкое, арабо-персидское влияния, пуризм и т. п. Все эти сложные вопросы, относящиеся к началу XX века, анализируются автором на конкретных примерах в социолого-лингвистическом плане.

В разделе «Нормы национального литературного языка» в диахроническом аспекте исследуются лексико-семантические и грамматические нормы татарского литературного языка, рассматриваются различные семантические и фонетико-семантические явления, отдельные лексические пласты, омонимия, синонимия, а также влияние на татарский язык родственных и неродственных языков. Некоторые традиционные формы начинают в литературном языке вытесняться грамматическими формами, широко распространенными в живом разговорном языке. Подобное направление в развитии языка было характерно для периода формирования татарской нации, связанного с историческими событиями начала XX века.

В монографии большое место отведено вопросам стилистической дифференциации татарского литературного языка. В третьей—пятой главах раскрываются характерные особенности стиля научных произведений, официально-деловых документов и эпистолярного жанра (публицистическому стилю и его особенностям автор посвятил отдельную работу, вышедшую в свет в 1963 г.). В. Хаковым впервые столь полно и последовательно исследуются функциональные стили, вскрываются истоки их возникновения, развития и формирования. Автор отмечает две тенденции в историческом развитии научного стиля: научные труды, написанные традиционно-книжным языком с элементами «высокого стиля», и произведения, написанные на языке, понятном народу. Лингво-стилистический анализ научных трудов проводится В. Хаковым в трех аспектах: лексическом, морфологическом и синтаксическом. Большой интерес представляет исследование в историческом плане специальной терминологии в различных областях науки. В книге анализируется язык трудов по математике, астрономии, географии, истории, биологии, юриспруденции и т. д., до последнего времени не являвшийся объектом специального исследования.

Развитие и формирование отдельных разновидностей официально-канцелярского стиля (IV глава) связаны с требованиями эпохи, зарождением новых общественных отношений во второй половине XIX и начале XX в.

В отдельной главе рассматриваются особенности эпистолярного стиля, отличающегося от других своей структурой и содержанием.

Работа В. Хакова базируется на разнообразном и обширном материале. Особо следует отметить чрезвычайно кропотливую работу, проделанную исследователем в архивах Москвы, Ленинграда, Казани, Саратова, Уфы и других городов по выявлению новых источников, проливающих свет на историю татарского литературного языка.

Книга В. Х. Хакова не свободна и от некоторых недостатков. Следует отметить композиционную несоразмерность отдельных глав. Так, разделы, посвященные лексико-семантическим нормам, следовало бы несколько расширить. В книге не прослежено формирование фонетических норм татарского литературного языка.

На наш взгляд, число исследованных рукописных источников официально-канцелярского стиля могло быть больше, что позволило бы автору более тщательно проследить возникновение и развитие указанного стиля.

Монография В. Х. Хакова — первое исследование по проблеме формирования и развития татарского литературного языка. Она, несомненно, будет с интересом встречена не только татарскими лингвистами, но и всеми тюркологами.

М. Г. Мухамадиев

Ф. А. ГАНИЕВ. ФОНЕТИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

КАЗАНЬ, ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1973, 40 стр.

Рецензируемая работа Ф. А. Ганиева посвящена проблеме, до сих пор еще недостаточно исследованной в татарском языкознании.

После краткого обзора истории изучения фонетического способа словообразования в татарском языке и в тюркологии в целом автор последовательно рассматривает нижеследующие приемы образования новых слов фонетическим способом: опущение звуков, чередование звуков, палатализация основы, перенос ударения. Некоторые татарские лингвисты (К. С. Сабиров и др.) включают в их число также прием прибавления звуков. Например, *бораула* [boɾau-la] 'бурить' (от *вог* 'крутить'), *тузгы* [tuzɣy] 'взъерошиться' (о волосах) (от *туз* 'разлететься'), *төзә* [tözä] 'прицелиться' (от *төзе* 'строить') и т. д.

Тщательно исследовав данное явление и исходя из основного свойства агглютина-

тивных языков, для которых не характерна флективность указанного порядка, автор приходит к выводу, что последнего приема фактически не существует. Приводимые же сторонниками упомянутого приема примеры словообразования путем прибавления свидетельствуют о применении совершенно других способов, а именно: морфологического переразложения, прибавления аффиксов, опущения и т. д.

Автор дает краткий анализ работ лингвистов-тюркологов (Г. Алпаров, А. Н. Кононов, Ф. С. Фасеев, К. С. Сабиров, А. Г. Гулямов, П. Азимов, Б. О. Орузбаева и др.), в той или иной мере затрагивающих фонетический способ словообразования. Вполне убедительно автор утверждает, что фонетический способ словообразования в современном татарском языке не является продуктивным. Однако в древности он играл весьма существенную роль в обогаще-

нии словарного состава тюркских языков. «Фонетическое словообразование в современном татарском языке, — пишет Ф. А. Ганиев, — представляет собой не столько изучение живых моделей, приемов словопроизводства, сколько изучение и показ структуры слов, образованных в прошлом при помощи фонетического изменения» (стр. 3).

Если прием прибавления звука или отдельных звуков как фонетический способ словообразования не свойствен татарскому языку, то прием опущения звуков играет довольно значительную роль в процессе образования новых лексических единиц. Наиболее часто он встречается в арабо-персидских заимствованиях. Некоторые из последних в татарском языке выступают в разных фонетических вариантах, отличающихся друг от друга и по своему лексическому значению, например: *хәзер* [xäzɛr] 'сейчас' и *әзер* [äzɛr] 'готовый', *гамәл* [ɣätmäl] 'действие' и *әмәл* [ämäl] 'способ'.

В данной группе заимствований встречаются и такие слова, у которых происходит не только опущение отдельных звуков, но и метатеза, и чередование отдельных звуков, что также ведет к изменению семантики: *хикмәт* [xikmät] 'мудрость' и *экәмәт* [äkämät] 'чудо'; *хикәят* [xikäjät] 'рассказ' и *әкият* [äkijät] 'сказка' и т. д. Приведенные примеры показывают, что сложное фонетическое изменение указанных слов отражается на их значении, поэтому данное явление Ф. А. Ганиев рассматривает как фонетическое словообразование.

На основе большого языкового материала в работе анализируется также прием чередования звуков как один из способов фонетического словообразования в татарском языке (например, *калпак* [kalpak] 'крышка' и *калфак* [kalfak] 'женский головной убор', *бөртек* [börtɛk] 'зерно' и *бөрчәк* [börgɛk] 'крапинка', *тыгыз* [tyɣuz] 'тугой' и *тыгын* [tyɣyn] 'тесно, тесный').

Некоторые тюркологи считают палатализацию основы приемом чередования звуков. Нельзя не согласиться с мнением Ф. А. Ганиева, рассматривающего палатализацию основы как самостоятельный прием фонетического словообразования, отличный от чередования звуков в слове (например, *балакай* [balakaj] 'дитяtko' и *бәләкәй* [bäläk'äj] 'маленький', *сыпыру* [syɣuru] 'гладить' и *себеру* [seberü] 'мести', *уб* [ub] 'проглотить' и *үп* [ür] 'поцеловать' и т. д.). Автор прав также и в том, что не всякая

палатализация приводит к образованию нового слова; например, твердые и мягкие варианты таких слов, как *аз* [az] — *әз* [äz] 'мало', *ач* [aç] — *әч* [äç] 'открывать', *акрын* [akɣyn] — *әкрән* [äkɣɛn] 'медленно', *мачы* [maçy] — *мәче* [mäçɛ] 'кошка', *сач* [saç] — *чәч* [çäç] 'волосы' и т. д., не разнятся между собой по значению, следовательно, указанные варианты не связаны словообразовательными отношениями.

Ф. А. Ганиев, говоря о палатализованных основах *байрам* [bajɣam] и *бәйрәм* [bäjɣäm] 'праздник', *айран* [ajɣan] и *әйрән* [äjɣän] 'напиток', относит их к лексемам разных тюркских языков; *байрам* и *айран* — к башкирскому, а *бәйрәм* и *әйрән* — к татарскому. Однако здесь автор упускает из виду наличие твердых вариантов данных основ (то есть *байрам* и *айран* в восточном диалекте самого татарского языка)¹.

Прием переноса ударения автор исследует на основе данных экспериментальной фонетики и приходит к весьма существенному выводу: перенос ударения становится фонологическим средством различения существительных и глаголов, восходящих к одной и той же основе (например, *алыш* [alɣış] 'схватка' и *алыш* [älɣış] 'схватываться, бороться', *бурá* [burá] 'сруб' и *бúра* [búra] 'срубить сруб', *таныш* [tanɣış] 'знакомый' и *таныш* [tánɣış] 'знакомиться' и т. д.).

В данном разделе автор, рассматривая татарское существительное *батыр* [batyɣ] 'герой', считает его заимствованием из монгольского языка, восходящим к слову [bahadur]. Однако это слово в татарский язык проникло непосредственно из персидского: *بهادر* [bahadir]².

Изучение фонетического способа словообразования включено в программу вузов и средних школ, однако до сих пор конкретного и систематизированного материала по данному вопросу в татарском языкознании не было. Именно поэтому пособие Ф. А. Ганиева найдет среди языковедов-тюркологов, а также учителей и студентов внимательных и благодарных читателей.

Г. Ф. Саттаров, С. М. Ибрагимов

¹ Об этом см.: Г. Ф. Саттаров. Мәктәптә тел культурасы. Казан, 1965, стр. 56.

² См.: К. З. Хамзин, М. И. Махмутов, Г. Ш. Сайфуллин. Арабско-татарско-русский словарь заимствований. Казань, 1965, стр. 24.

PERSONALIA

ШЕВКЕТ САПСЫКОВЕВИЧ АЙЛЯРОВ

(К 70-летию со дня рождения)

26 апреля 1974 г. Ученый совет Института стран Азии и Африки при МГУ отметил семидесятилетний юбилей доцента кафедры турецкой филологии Шевкета Сапсыковича Айлярова.

Ш. С. Айляров родился 14 апреля 1904 г. в крестьянской семье. В начале 1920 г. Ш. С. Айляров вступил в ВЛКСМ, а в 1924 г. в КПСС. В период с 1920 по 1923 гг. он участвовал в операциях по ликвидации остатков белогвардейских банд на Северном Кавказе.

Ш. С. Айляров окончил Закавказский Коммунистический Университет, а затем Московский институт востоковедения по отделению турецкого языка (1931).

В том же году Ш. С. Айляров командировается в Турцию на работу в должности главного переводчика и заведующего планово-экономическим отделом Торгпредства СССР, исполняя по совместительству так-

же обязанности юрисконсульта. Продолжительное пребывание на практической работе в Анкаре и Стамбуле способствовало совершенствованию Ш. С. Айлярова в знании турецкого языка.

По возвращении из Турции в 1936 г. Ш. С. Айляров преподает турецкий язык в Московском институте востоковедения и в других учебных заведениях столицы.

С 1941 по 1944 г. Ш. С. Айляров работает во Всесоюзном Радиокомитете при СНК СССР.

В 1943 г. Ш. С. Айляров возобновляет свою педагогическую деятельность в Московском институте востоковедения, а в 1950 году переводится на восточное отделение филологического факультета МГУ. После реорганизации в 1956 году восточных отделений филфака и истфака МГУ и создания Института восточных языков при МГУ, переименованного впоследствии в Институт стран Азии и Африки, Ш. С. Айляров переходит в этот институт, где и работает по настоящее время. В 1958 г. он утверждается в ученом звании доцента кафедры турецкой филологии.

Ш. С. Айляровым переведен на турецкий язык ряд важных общественно-политических трудов и сделано многое в деле разработки актуальной терминологии турецкого языка.

Многолетняя педагогическая деятельность привела Ш. С. Айлярова к твердому убеждению о необходимости создания учебника турецкого языка по типу существовавших тогда учебников западноевропейских языков. И это вопреки продолжавшему господствовать мнению, что восточные языки следует изучать методами, совершенно отличными от методов изучения западных, то есть по хрестоматиям, включающим образцы художественной литературы. Все обучение сводилось к овладению грамматическими формами. Система упражнений по развитию речи по-существу отсутствовала.

Методику обучения турецкому языку,

предложенную Ш. С. Айляровым, горячо поддержал В. А. Гордлевский.

В 1940 г. Ш. С. Айляров опубликовал краткий учебник турецкого языка, содержащий тридцать два урока. В 1954 г. вышел в свет его «Учебник турецкого языка» под редакцией В. А. Гордлевского, ставший основным учебным пособием по изучению турецкого языка в востоковедных вузах нашей страны.

Богатство текстового материала, подробные объяснения грамматики, изложенные доступным языком и иллюстрируемые яркими примерами, наличие упражнений не только на закрепление изучаемого материала, но и на развитие речи — все это сближало структуру этого учебника со структурой учебников западноевропейских языков. За последние годы Ш. С. Айляровым подготовлен к печати новый учебник турецкого языка для I и II курсов (ротапринтное издание), по которому уже несколько лет изучается турецкий язык в Институте стран Азии и Африки. В настоящее время автор готовит его типографское издание.

Ш. С. Айляров — автор ряда исследований по фонетике и грамматике турецкого языка. В своей статье «О некоторых вопросах фонетики современного турецкого литературного языка»¹ он раскрыл объем и своеобразия явления палатализации в турецком языке. Вопреки сложившемуся в тюркологии ошибочному мнению, что палатализация якобы затрагивает только три турецких согласных: g, k, l, Ш. С. Айляров пришел к выводу, что под влиянием гласных переднего ряда палатализуются все согласные, особенно губные².

Много внимания Ш. С. Айляров уделял вопросам сингармонизма в турецком языке, посвятив этой проблеме свою кандидатскую диссертацию.

Ш. С. Айляров определяет сингармонизм как фонетический закон тотального охвата всей системы вокализма и консонантизма, в котором синтезируются закон гармонии гласных и закон палатализации (или непалатализации) согласных под влиянием гласных различных рядов.

Ш. С. Айляровым высказан ряд весьма ценных и оригинальных суждений, с интересом встреченных языковедами-тюркологами: по вопросам фонетики турецкого языка, о прямом дополнении, о семантике формы родительного падежа, об аффиксе -tı̇ş и др.

Перу Ш. С. Айлярова принадлежит капитальный труд³, посвященный вопросу наличия в синтаксической структуре турецкого языка большой группы развернутых членов предложения, функционально и семантически соответствующих различным типам придаточных предложений других языков, например индоевропейских.

Ш. С. Айляров редактировал II том избранных произведений акад. В. А. Гордлевского, русский перевод избранных докладов и речей Кемаля Ататюрка, «Хрестоматию по турецкому фольклору» И. В. Боролиной и ряд других трудов.

В настоящее время Ш. С. Айляров ведет большую научно-методическую и учебно-воспитательную работу. Ш. С. Айляров пользуется большим уважением у знающих его тюркологов и многочисленных учеников, среди которых теперь немало видных ученых.

Коллеги Ш. С. Айлярова горячо поздравляют его с семидесятилетием и желают ему доброго здоровья, долгих лет жизни и дальнейшей успешной работы.

В. Д. Аракин

¹ См. сб.: «Вопросы тюркской филологии», М., 1966, стр. 3—75.

² Ш. С. Айляров. Учебник турецкого языка. Под ред. акад. В. А. Гордлевского. М., 1954, стр. 9 и сл.

³ Ш. С. Айляров. Развернутые члены предложения в современном турецком языке. М., 1974, стр. 230.

НАУРУЗ ЖАПАКОВ

(К 60-летию со дня рождения)

В мае с. г. исполнилось 60 лет со дня рождения и 40 лет творческой деятельности Заслуженного деятеля науки Узбекской ССР и Каракалпакской АССР, доктора филологических наук, известного каракалпакского поэта Науруза Жапакова.

Н. Жапаков родился 23 мая 1914 года на территории нынешнего Тахтакупырского района Каракалпакской АССР в бедной крестьянской семье.

По окончании в 1930 году семилетней школы-коммуны в г. Чимбае Н. Жапаков работает учителем начальных классов.

С 1931 по 1942 г. Н. Жапаков сотрудник редакций республиканских газет «Жеткиншек» («Семена»), «Жас ленинши» («Молодой ленинец»), «Кызыл Каракалпакстан» («Советская Каракалпакия»).

С 1942 по 1959 г. Н. Жапаков находился на партийной и государственной работе: был секретарем Каракалпакского обкома комсомола, секретарем Каракалпакского обкома КП Узбекистана по пропаганде и агитации, а затем председателем Совета Министров Каракалпакской АССР, председателем Президиума Верховного Совета Каракалпакской АССР.

В 1959 году он поступает в аспирантуру и в 1961 году защищает кандидатскую диссертацию на тему «Творчество Аяпбергена Мусаева».

С 1961 по 1967 г. Н. Жапаков работает старшим научным сотрудником Инсти-

тута языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР. В 1967 году он защищает докторскую диссертацию на тему «Истоки и становление социалистического реализма в каракалпакской литературе» и переходит в Институт истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР, где до 1971 года работает заведующим сектором восточных рукописей. С 1971 года по настоящее время Н. Жапаков заведует сектором каракалпакского фольклора этого института.

Научно-исследовательская деятельность Н. Жапакова начинается с 30-х годов. В эти годы на страницах республиканских газет и журналов им были опубликованы статьи, посвященные актуальным вопросам каракалпакской литературы. Большое внимание Н. Жапаков уделяет собиранию каракалпакского фольклора. Им был подготовлен к печати каракалпакский эпос «Коблан» (Турткуль, 1940) и сборник «Антирелигиозные народные сказки и песни» (Турткуль, 1941).

Перу Н. Жапакова принадлежат ценные исследования по каракалпакской литературе и фольклору, среди которых особое место занимают его монографии: «Творчество Аяпбергена Мусаева» (Нукус, 1961), «На пути социалистического реализма» (Нукус, 1965), «Вопросы реализма в дореволюционной каракалпакской литературе» (Нукус, 1971), «Думы о нашей литературе» (Нукус, 1974).

В настоящее время сектор каракалпакского фольклора Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева успешно работает над темой «История каракалпакского фольклора» и одновременно готовит к печати многотомник «Образцы каракалпакского устного народного творчества».

Н. Жапаков известен как поэт и кинодраматург. Он — член Союза писателей СССР с 1939 года. Им опубликовано около двадцати сборников стихов, издававшихся на каракалпакском, узбекском и русском языках. Поставленный по его сценарию фильм «Море любит отважных» широко известен зрителям.

За заслуги в области развития народного хозяйства, науки и культуры Каракалпакской АССР Н. Жапаков награжден двумя орденами Ленина, орденом Красной Звезды, двумя орденами «Знак Почета», медалями СССР, почетными грамотами Верховного Совета Узбекской ССР и Каракалпакской АССР.

А. Бекбергенов, К. Мамбетназаров

ЛАТЫФ ЗАЛЯЛЕТДИНОВИЧ ЗАЛЯЛЕТДИНОВ

(К 80-летию со дня рождения)

17 ноября 1974 г. исполнилось восемьдесят лет со дня рождения крупного ученого в области татарского языкознания и тюркологии доктора филологических наук, профессора Латыфа Залялетдиновича Залялетдинова (Л. Заляя).

Л. З. Заляя родился 17 ноября 1894 г. в бывшей Самарской губернии (ныне с. Тат. Урайкино Чердаклинского района Ульяновской области) в крестьянской семье. После победы Октября он учительствовал в различных школах, работал инспектором в системе народного образования, усиленно и настойчиво занимаясь самообразованием. В 1935 г. Л. Заляя оканчивает аспирантуру по специальности татарское языкознание и начинает преподавать на кафедре татарского языка и литературы Казанского педагогического института, а позднее — в Казанском государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина.

В 1942 г. в Московском университете он защищает кандидатскую диссертацию «Некоторые материалы к истории татарского языка», а в 1954 г. в Институте языкознания Академии наук СССР — докторскую на тему «Средний диалект татарского языка». Этот капитальный труд явился венцом его исследований по татарской диалектологии.

Научная деятельность Л. З. Заляя была тесно связана с Казанским филиалом Академии наук СССР со дня его основания. Здесь он в течение ряда лет руководил сектором языка Института языка, литературы и истории.

Научная деятельность Л. З. Заляя была исключительно многогранной. Он занимался

разработкой различных проблем татарского языкознания: истории языка, исторической грамматики, фонетики, орфоэпии, стилистики и др., но основное внимание ученого было сосредоточено на татарской диалектологии, одним из основоположников которой он по справедливости и считается.

Л. З. Заляем опубликовано более ста научных работ, многие из которых имеют большое теоретическое и практическое значение. Особо следует отметить такие работы, как учебник для вузов «Татарская диалектология» (1947) и «Орфоэпические основы татарского языка» (1953). При непосредственном участии Л. З. Заляя вышли из печати три части «Диалектологического словаря» (1948, 1953, 1958), «Терминологический словарь по языкознанию» (1953), «Татарская фразеология, пословицы и поговорки» (1957).

Большой научный интерес представляют подготовленные Л. З. Заляем «Материалы по исторической фонетике татарского языка», где автору удалось рассмотреть все основные закономерности развития фонетической системы татарского языка.

Ученым были подготовлены к печати «Очерки по исторической морфологии татарского языка» и многое сделано по разработке проблем исторического синтаксиса, но, к сожалению, завершить эту работу он уже не успел.

Л. З. Заляя принимал также активное участие в составлении школьных и вузовских учебников и программ.

Особое внимание Л. З. Заляя уделял вопросам языка и стиля художественных произведений. Им опубликован целый ряд статей о языке крупнейших татарских писателей К. Насырова, Г. Тукая, Ф. Амирхана, Ш. Камала, Н. Исанбета, Г. Баширова, М. Амира, А. Еникеева, С. Хакима и других. Много внимания он уделял молодым, начинающим писателям.

Л. З. Заляя был не только ученым-языковедом, но также известным критиком, членом Союза писателей СССР.

Велики заслуги ученого в деле подготовки национальных кадров языковедов, журналистов и школьных учителей, успешно работающих во многих тюркоязычных республиках и областях нашей страны.

Л. З. Заляя скончался 1-го августа 1966 года.

Работы Л. З. Заляя получили широкое признание у советских и зарубежных тюркологов.

Широта научных интересов, огромное трудолюбие и добросовестность позволили Л. З. Заляю пройти славный путь от рядового сельского учителя до крупного ученого-филолога и оставить заметный след в советском языкознании.

Г. К. Якупова

Х Р О Н И К А

«НАКЛОНЕНИЯ И ВРЕМЕНА ГЛАГОЛА В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ»

27 сентября 1974 года на заседании объединенного Ученого совета по филологии Отделения истории, языкознания и литературоведения Академии наук Узбекской ССР состоялась защита диссертации на тему «Наклонения и времена глагола в письменных памятниках узбекского языка в сравнительном освещении», представленной старшим научным сотрудником сектора истории узбекского языка Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР **Шукуровым Шамсудином** на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Как известно, у тюркологов нет единого мнения по вопросу количества наклонений в тюркских языках (число их устанавливается от 3 до 6). Это объясняется главным образом слабой дифференцированностью в тюркских языках, особенно в историческом плане, категорий наклонения и времени как в формальном, так и семантическом отношении, что, в свою очередь, связано с историей их формирования и развития.

В письменных памятниках староузбекского языка Ш. Шукуров выделяет три наклонения, каждому из которых им посвящается отдельная глава. В первой главе анализируются все формы повелительно-желательного наклонения, встречающиеся в памятниках.

Вторая глава посвящена анализу условного наклонения, которое мало изучено не только в староузбекском, но и в современном узбекском языке. Здесь Ш. Шукуров

рассматривает как синтетический, так и аналитический типы образования условного наклонения.

В третьей главе исследуется изъявительное наклонение. В староузбекском языке оно представлено тремя временными категориями: прошедшим, настоящим (настояще-будущим) и будущим. Каждое время имеет несколько форм, выражающих различные значения или оттенки значений в пределах данного времени.

Диссертанту удалось выявить все формы наклонения и времени глагола, встречающиеся в письменных памятниках староузбекского языка. Рассмотренные в сравнительно-историческом плане, они анализируются с точки зрения функционально-семантической взаимосвязи.

В результате проведенного исследования Ш. Шукуров приходит к выводу, что история формирования категории наклонения в узбекском языке подразделяется на три периода: начало формирования староузбекского литературного языка (до конца XIV в.), период становления литературных норм узбекского языка (конец XIV и XIX в.) и начало формирования новоузбекского литературного языка (XIX и XX вв.).

Официальными оппонентами выступили член-корреспондент Академии наук СССР, д-р филол. наук, проф. А. Н. Кононов (Ленинград), д-р филол. наук, проф. М. Ш. Рагимов (Баку) и д-р филол. наук, проф. Ф. А. Абдуллаев (Ташкент). Все они отметили, что диссертация Ш. Шукурова является оригинальным исследованием, имеющим важное теоретическое значение.

Объединенный Ученый совет принял решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Ш. Шукурову ученой степени доктора филологических наук.

Л. В. Данилова

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1974 ГОДУ (№№ 1—6)

	№	стр.
<i>Кононов А. Н.</i> (Ленинград). Некоторые итоги развития советской тюркологии и задачи Советского комитета тюркологов	2	3—12
<i>К 250-ЛЕТИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР</i>		
<i>Кононов А. Н.</i> (Ленинград). Тюркское языкознание в Академии наук СССР	3	3—18
<i>СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА</i>		
<i>Алекперов А. К.</i> (Баку). О системно-структурном подходе к лексической семантике	2	13—25
<i>Ахметов М. А.</i> (Уфа). Деепричастия в языке орхоно-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку	3	39—51
<i>Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А.</i> (Москва). Происхождение аффиксов с модальным значением в тюркских языках	1	3—12
<i>Ганиев Ф. А.</i> (Казань). Глагольные образования на -ла/-лэ в современном татарском языке	5	3—12
<i>Джафаров Г. Г.</i> (Баку). Термины родства в семантической системе и грамматической структуре языка	3	19—31
<i>Ибрагимов К.</i> (Москва). Некоторые древнетюркские названия птиц и их параллели в современных тюркских языках	6	37—47
<i>Летягина Н. И., Насилов Д. М.</i> (Ленинград). Пассив в тувинском языке	1	13—24
<i>Меметов А.</i> (Ташкент). Синонимы в современном крымско-татарском языке	5	16—22
<i>Насыров Д. С.</i> (Москва). Общая характеристика диалектных систем каракалпакского языка и опыт их классификации	4	10—18
<i>Патачакова Д. Ф.</i> (Абакан). Формирование признаков диалектного членения хакасского языка	4	19—24
<i>Сафиуллина Ф. С.</i> (Казань). Явление парцелляции в современном татарском языке	4	3—9
<i>Серебренников Б. А.</i> (Москва). Из истории звуков и форм тюркских языков	6	3—17
<i>Татаринцев Б. И.</i> (Кызыл). Характер изменений звукового комплекса с интервокальным <i>k</i> в тувинском языке	6	18—27
<i>Трофимов М. И.</i> (Кызыл). Анлаутный <i>j</i> , геминаты и глухие дифтонги в современном уйгурском языке	6	28—36
<i>Трофимов М. И.</i> (Кызыл). К вопросу о хиатусе, твердом приступе и дифтонгах в современном уйгурском языке	3	32—38
<i>Умаров Э. А.</i> (Ташкент). Фразеологическая контаминация в языке Алишера Навои	5	23—27

	№	стр.
<i>Хакимзянов Ф.</i> (Москва). Следы диалектов в языке памятников Волжской Булгарии	4	25—31
<i>Халикова Р. Х., Хисаметдинова Ф. Н.</i> (Уфа). К вопросу о реликтовых звукосочетаниях, сохранившихся в лексике башкирского языка	5	13—15
<i>Чариев А.</i> (Ленинград). К изучению синтаксической связи в притяжательно-определяющей конструкции в тюркских языках	2	26—33

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>Асланов А. М.</i> (Кировабад). Азербайджанская модель личного согласования в дагестанских языках	5	46—50
<i>Астемирова Ф. Б.</i> (Махачкала). Фонетическое освоение русских заимствований в кумыкском языке	2	44—50
<i>Бажина И.</i> (Фрунзе). Орфография киргизских слов в русских текстах	5	37—45
<i>Благова Г. Ф.</i> (Москва). Причуды заимствования	5	28—36
<i>Добродомов И. Г.</i> (Москва). Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков	2	34—43
<i>Ерзин М.</i> (Алма-Ата). К историко-этимологическому толкованию слов «тулума» и «торма»	4	61—64
<i>Жаппуев А.</i> (Нальчик). Роль соседних языков в развитии сельскохозяйственных терминов карачаево-балкарского языка	3	61—65
<i>Жаримбетов А.</i> (Москва). Тюркизмы в русских названиях фруктовых деревьев и кустарников	4	32—44
<i>Кельмаков В. К.</i> (Ижевск). Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка	3	52—60
<i>Мудрая Т. А.</i> (Солнцево, Моск. обл.). Одно тюркское название в русском языке («сорока»)	6	48—52
<i>Назаров О.</i> (Ашхабад). Графемно-фонетическая передача туркменских слов в русском языке	4	52—60
<i>Одран М.</i> (Братислава, ЧССР). Тюркские заимствования в словацком языке	4	45—51

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

<i>Антонов Н. К.</i> (Якутск). Заметки об эпосе якутов	1	25—27
<i>Короглы Х.</i> (Москва). Проза или поэзия?	2	51—61
<i>Мартынецев А. Е.</i> (Ленинград). Звуковой повтор в турецком стихе	6	63—67
<i>Серикова Л.</i> (Ташкент). Роль и содержание суфийских терминов в «кытъа» Навои	6	53—62
<i>Сыдыков А.</i> (Ош, Кирг. ССР). Традиционные формулы в творчестве киргизских народных сказителей	4	65—70

ОНОМАСТИКА

<i>Бахтиев Ш. З.</i> (Баку). К этимологии названия «Жигули» и некоторых терминов судоходства тюркоязычного происхождения	2	62—65
<i>Григорьев А. П.</i> (Ленинград). К толкованию этнопонимов «Сарыкамьш» и «Буткалы»	1	28—30
<i>Гусейнзаде А.</i> (Баку). О происхождении топонима «Апшерон»	3	66—70
<i>Латыпов Дж.</i> (Москва). Этнопонимы Маргилана	5	51—55
<i>Моллова М.</i> (София). Ономастические исследования о «Базар» и «Басар»	6	68—74
<i>Саттаров Г. Ф.</i> (Казань). К этимологии топонима «Набережные Челны»	3	71—74
<i>Тепляшина Т. И.</i> (Москва). Наследственные наименования причепских татар	4	71—79
<i>Улаков Б. М.</i> (село Гунделен, К.-Б. АССР). К вопросу о балкарской антропонимии	5	56—61

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А.</i> (Москва). Был ли начальный <i>j</i> в тюркских языках первичным?	3	75—82
---	---	-------

	№	стр.
<i>Гузев Ж. М.</i> (Нальчик). Фонетические особенности малкарского диалекта карачаево-балкарского языка	5	62—66
<i>Дёрфер Г.</i> (Геттинген, ФРГ). Является ли халаджский язык диалектом азербайджанского языка?	1	45—51
<i>Джанашиа Н. Н.</i> (Тбилиси). Залого в современном азербайджанском языке	1	41—44
<i>Любимов К. М.</i> (Москва). Предикативное прилагательное <i>var/bar</i> в тюркских языках	4	85—88
<i>Хабичев М. А.</i> (Карачаевск). Памятник куманских языков	2	66—70
<i>Щербак А. М.</i> (Ленинград). Еще раз к вопросу о реконструкции тюркского архетипа анлаутных $j \sim \tilde{j} \sim z \sim \tilde{z} \sim \tilde{z}$	4	80—84
<i>Щербак А. М.</i> (Ленинград). Методы и задачи этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках	1	31—40
<i>Юсифов Ю. Б.</i> (Баку). О некоторых языковых элементах тюркского происхождения в сочинении албанского историка	2	71—79

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

<i>Абилхасимов Б.</i> (Алма-Ата). Н. И. Ильминский — первый исследователь казахского языка	3	83—86
<i>Гусейнов Р. А.</i> (Баку). Н. В. Пигулевская и тюркология	1	52—57

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

<i>Байчоров С.</i> (Москва). Надписи Хумаринского городища	4	89—93
<i>Дёрфер Г.</i> (Геттинген, ФРГ). О состоянии тюркологии в Федеративной Республике Германии	6	98—109
<i>Добродомов И. Г.</i> (Москва). К историографии изучения тюркизмов в русском языке	5	72—75
<i>Какук Ж.</i> (Будапешт). Тюркологические исследования в Венгрии	1	79—92
<i>Кондратьев В. Г.</i> (Ленинград). К восьмидесятилетнему дешифровки тюркской рунической письменности	1	58—62
<i>Кошкаров А. Б.</i> (Джамбул). Спектральный анализ фрикативных согласных казахского языка в структурных типах СГС, ГСГ	1	63—73
<i>Кузнецов П. И.</i> (Москва). Частотность употребления функциональных форм турецкого глагола	3	87—99
<i>Курьшжанов А. К.</i> (Алма-Ата). О замечаниях редакторов на полях рукописи «Кодекс Куманикус»	6	86—97
<i>Левитская Л. С.</i> (Москва). Чувашские этимологии	2	80—84
<i>Матгазиев А.</i> (Фергана). Семантическое изменение слов — внутренний фактор развития языка	5	67—71
<i>Наджиб Э. Н.</i> (Москва). Сравнительный анализ текстов намаганского и кайрского списков «Кутадгу билиг»	6	75—85
<i>Пинес В. Я.</i> (Баку). Некоторые вопросы автоматического перевода и тюркские языки	3	100—107
<i>Садыхов Б. П.</i> (Баку). Об одном древнем аффиксе родительного падежа в айрумском говоре азербайджанского языка	4	94—96
<i>Трыльерский Э.</i> (Варшава). Польская тюркология за последние десять лет (1964—1973)	4	97—106
<i>Умаров Э. А.</i> (Ташкент). Новонайденный словарь к произведениям Навои	1	74—78
<i>Хаттори С.</i> (Йокогама, Япония). Изучение тюркских языков в Японии	5	76—89

РЕЦЕНЗИИ

<i>Аганин Р. А.</i> (Москва). С. Н. Иванов. Арабизмы в турецком языке	2	100—102
<i>Азнагулов Р.</i> (Уфа). Г. Ф. Сэйтбатталов. Башкорт теленец ябай һөйләм синтаксисе	2	106—108
<i>Атаев К., Мамедязов Б.</i> (Ашхабад). Критический текст дастана «Юсуп и Зулейха» Андалыба	5	95—97
<i>Атамирзаева С., Юлдашева Г.</i> (Ташкент). И. А. Киссен. Словарь наиболее употребительных слов современного узбекского литературного языка	1	99—101
<i>Ахметов Э. А.</i> (Алма-Ата). К. Сыздыков. Мұхтар Әуезов — әдебиет сыншысы	3	114—115

	№	стр.
Ганиев Ф. А. (Казань). Istvan Kecskemeti. Rücklaufiges verzeichnis der tatarischen suffixen und suffikkombinationen	6	112
Джанашиа Н. Н. (Тбилиси). «Восточная филология, III»	5	97—99
Джуманазаров Ю., Бабаниязов Х. (Ургенч). О Мадраҳимов. Ўзбек тилининг ўғуз лакжаси лексикаси	4	113—114
Джунисбеков А. (Алма-Ата). Т. Талипов. Развитие фонетической структуры уйгурского языка	1	106—107
Доспанов У. (Нукус). Х. Хамидов. Қарақалпақ тили тарихынын очерклери	5	102—104
Дулина Н. А., Кляшторный С. Г. (Ленинград). Turcica. Revue d'études turques. Т. II. 1970	1	101—103
Дюсенбаев И. Т. (Алма-Ата). С. А. Қаскабасов. Казахская волшебная сказка	6	110—111
Қаскабасов С. А. (Алма-Ата). З. Ахметов. Өлең сөздің теориясы	4	114—116
Кидайш-Покровская Н. В. (Москва). Х. Короглы. Туркменская литература	1	94—97
Кононов А. Н. (Ленинград). В. Д. Аракин. Николай Константинович Дмитриев	1	93—94
Кононов А. Н. (Ленинград). Vladimir Grimba. Syntaxe romane	4	107—110
Левитская Л. С. (Москва). «Диалекты хакасского языка»	5	99—102
Мусаев К. М. (Москва). Ж. Мукамбаев. Кыргыз тилинин диалектологиялык сөздүгү	3	112—113
Мусаев К. М. (Москва). «Туркологический сборник, 1972»	2	85—90
Мухаммадиев М. Г. (Казань). В. Х. Хаков. Образование и развитие татарского национального литературного языка	6	113—114
Наджиб Э. Н. (Москва). С. Н. Иванов. Николай Федорович Катанов	1	97—99
Насилов Д. М. (Ленинград). G. Hazai. Das Osmanisch-Türkische im XVII. Jahrhundert	4	111—112
Насилов Д. М. (Ленинград). S. Kakuk. Recherches sur l'histoire de la langue osmanlie des XVIe et XVIIe siècles	2	96—100
Псянчин В. Ш. (Уфа). З. Ф. Ураксин, Ф. А. Надршина, Х. Ф. Йосопов. Башкортса-русса фразеологик һүзлек	5	104—105
Рагимов М. Ш. (Баку). Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков	2	90—96
Саттаров Г. Ф., Ибрагимов С. М. (Казань). Ф. А. Ганиев. Фонетическое словообразование в татарском языке	6	114—115
Тенишев Э. Р. (Москва). Г. Ф. Саттаров. Татарстан АССРнын антропотопонимнары	2	102—104
Ураксин З. Г. (Уфа). «Языковые контакты в Башкирии. Тематический сборник»	2	104—106
Фазылов Э. И. (Ташкент). Divanü Lûgat-it-türk dizini	5	90—95
Федотов М. Р. (Чебоксары). A. Rona-Taš, S. Fodor. Epigraphica Bulgarica	5	105—108
Филоненко В. И. (Пятигорск), Дашкевич Я. Р. (Львов). E. Tryjarski. Dictionnaire arméno-kiptchak d'après trois manuscrits des collections viennoises, tome I	1	103—105
Щербак А. М. (Ленинград). A. v. Gabain. Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo (850—1250)	3	108—112

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Абдурахманов Г. (Ташкент). Конгресс тюркологов в Стамбуле	1	110—111
Баскаков А. Н. (Москва). Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии	1	113—114
Баскаков Н. А. (Москва). О работе секции тюркологических исследований XXIX Международного конгресса ориенталистов	1	108—109
Кулиев Г. К., Гамидов И. Я. (Баку), Ахметьянов Р. Г. (Казань). К 250-летию Академии наук СССР	3	116—119
Рагимов М. Ш. (Баку). Симпозиум по сравнительно-исторической фонетике тюркских языков	2	109—112
Ураксин З. Г., Шакуров Р. Э. (Уфа). IV Поволжская конференция по ономастике	1	111—113
Юзбашев Р. М., Будагов Б. А. (Баку). Научная конференция по проблемам топонимии Азербайджана	5	109—111

	№	стр.
<i>PERSONALIA</i>		
<i>Аракин В. Д.</i> (Москва). Шевкет Сапсыкоевич Айляров	6	116—117
<i>Бекбергенов А., Мамбетназаров К.</i> (Нукус). Науруз Жапаков	6	118
<i>Гулизаде М. Ю.</i> (Баку). Мамед Ариф Дадашзаде	3	120—121
<i>Джанашиа Н. Н.</i> (Тбилиси). Сергей Симонович Джикия	1	115—116
<i>Хаков В.</i> (Казань). Мухутдин Хафизетдинович Курбангалиев	1	117—118
<i>Якупова Г. К.</i> (Казань). Латыф Залялетдинович Залялетдинов	6	119
<i>ХРОНИКА</i>		
«Историческая лексикология азербайджанского языка»	3	124
«К типологии фонологических систем»	5	113—114
«Кыпчакские языки Урало-Поволжья»	5	112—113
«Лексика языка енисейско-орхонских и таласских памятников древнетюркской письменности»	5	114
«Лексическая стилистика современного азербайджанского языка»	1	121
«Местоимения в диалектах и говорах азербайджанского языка»	1	120
«Наклонения и времена глагола в письменных памятниках узбекского языка в сравнительном освещении»	6	120
Об организации Советского комитета тюркологов	2	113
«Проблема художественности в азербайджанской литературе»	1	119
«Проблематика перевода как предмета перевода»	3	123
«Проблемы казахской региональной лексикографии»	3	125
«Пути развития узбекского советского фольклора»	1	122
«Развитие каракалпакской лексики в связи с развитием функциональных стилей литературного языка»	3	122
«Словосочетания в туркменском литературном языке»	5	112
<i>НЕКРОЛОГИ</i>		
<u>Егоров В. Г.</u>	1	123—124
<u>Клосон Дж.</u>	5	115—116

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Б. А. Серебрянников* (Москва). Из истории звуков и форм тюркских языков 3
Б. И. Татаринцев (Кызыл). Характер изменений звукового комплекса с интервокальным *k* в тувинском языке 18
М. И. Трофимов (Кызыл). Анлаутный *j*, геминаты и глухие дифтонги в современном уйгурском языке 28
К. Ибрагимов (Москва). Некоторые древнетюркские названия птиц и их параллели в современных тюркских языках 37

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Т. А. Мудрая* (Солнцево, Моск. обл.). Одно тюркское название в русском языке («сорока») 48

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- Л. Серикова* (Ташкент). Роль и содержание суфийских терминов в «кытъя» Навои 53
А. Е. Мартынецв (Ленинград). Звуковой повтор в турецком стихе 63

ОНОМАСТИКА

- М. Р. Моллова* (София). Ономастические исследования о «Базар» и «Басар» 68

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Э. Н. Наджип* (Москва). Сравнительный анализ текстов намаганского и каирского списков «Кутадгу билиг» 75
А. К. Курьшжанов (Алма-Ата). О замечаниях редакторов на полях рукописи «Кодекс Куманикус» 86
Г. Дёрфер (Геттинген, ФРГ). О состоянии тюркологии в Федеративной Республике Германии 98

РЕЦЕНЗИИ

- И. Т. Дюсенбаев* (Алма-Ата). С. А. Каскабасов. Казахская волшебная сказка 110
Ф. А. Ганиев (Казань). Istvan Kecskemeti. Rücklaufiges verzeichnis der tatarischen suffixen und suffixkombinationen 112
М. Г. Мухамадиев (Казань). В. Х. Хаков. Образование и развитие татарского национального литературного языка 113
Г. Ф. Саттаров, С. М. Ибрагимов. (Казань). Ф. А. Ганиев. Фонетическое словообразование в татарском языке 114

PERSONALIA

- В. Д. Аракин* (Москва). Шевкет Салсыкоевич Айляров 116
А. Бекбергенов, К. Мамбетназаров (Нукус). Науруз Жапаков 118
Г. К. Якупова (Казань). Латыф Залялетдинович Залялетдинов 119

ХРОНИКА

- «Наклонения и времена глагола в письменных памятниках узбекского языка в сравнительном освещении» 120

Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1974 году (№№ 1—6)	121
--	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>B. A. Serebrennikov</i> (Moscow). On the history of sounds and forms in turkic languages	3
<i>B. I. Tatarintsev</i> (Kizil). Character of changes of sound complex with intervocal <i>k</i> in the Touvinian language	18
<i>M. I. Trofimov</i> (Kizil). Initial <i>j</i> , gemination and unvoiced diphthongs in the modern uigur language	28
<i>K. Ibragimov</i> (Moscow). Some ancient turkic names of birds and their parallels in the modern turkic languages	37

LANGUAGES IN CONTACT

<i>T. A. Mudraya</i> (Solntsevo, Mosc. region). One turkic name in Russian («soroka»)	48
---	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>L. Serikova</i> (Tashkent). Role and substance of Sufy terms in Navoi's kita	53
<i>A. E. Martyntsev</i> (Leningrad). Sound reduplication in the Turkish verse	63

ONOMASTICS

<i>M. R. Mollova</i> (Sofia). The onomastics investigations on «Bazar» and «Basar»	68
--	----

REPORTS, SURVEYS

<i>E. N. Najip</i> (Moscow). Comparative analysis of texts of Namangan and Cairo's manuscripts of «Kutadgu bilig»	75
<i>A. K. Kuryshzhanov</i> (Alma-Ata). On editor's marginal notes of manuscript of «Codex Cumanicus»	86
<i>G. Doerfer</i> (Göttingen, GFR). On condition of turkology science in the German Federal Republic	98

REVIEWS

<i>I. T. Dusenbaev</i> (Alma-Ata). <i>S. A. Kaskabasov</i> . Feary-tales of Kazakh	110
<i>F. A. Ganiyev</i> (Kazan). <i>Istvan Kecskemeti</i> . Rücklaufiges verzeichnis der tatarischen Suffixen und Suffixkombinationen	112
<i>M. G. Mukhammadiyev</i> (Kazan). <i>V. Kh. Khakov</i> . Formation and development of tatar national literary languages	113
<i>G. F. Sattarov</i> , <i>S. M. Ibragimov</i> (Kazan). <i>F. A. Ganiyev</i> . Phonetic word-formation in the tatar language	114

PERSONALIA

<i>V. D. Arakin</i> (Moscow). <i>Shevket Sapsykoevich Aylyarov</i>	116
<i>A. Bekbergenov</i> , <i>K. Mambetnazarov</i> (Nukus). <i>Naurus Zhapakov</i>	118
<i>G. K. Yakupova</i> (Kazan). <i>Latyf Zalyaletdinovich Zalyaletdinov</i>	119

CRONICLE

«Moods and tenses of the verb in written records of the Uzbek language compared with cognate languages»	120
---	-----

Index. «Soviet Turkology», 1974, №№ 1—6	121
---	-----

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев.*

Корректоры *А. Е. Сорокина, Э. Я. Алиева.*

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 30/IX 1974. Подписано к печати 16/I 1975 г. ФГ 01509. Формат бумаги 70×108^{1/16}. Бум. л. 3,75. Физ. печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 11,2 Уч.-изд. л. 10,4
Заказ 5909. Тираж 3917. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

1 руб.

Индекс
70927